философия ОТВЕТСТВЕННОСТИ

«НАУКА»

ФИЛОСОФИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Под редакцией
Е. Н. Лисанюк, В. Ю. Перова

Санкт-Петербург
«НАУКА»
2014

УДК 17
ББК 87.3
Ф51

Автор введения — Е. Н. Лисанюк.
Автор главы 1 — Б. В. Марков.
Автор глав 2 и 3 с Приложениями 1 и 2 — Е. Н. Лисанюк.
Автор главы 4 — В. Ю. Перов.
Авторы глав 5 и 6 — А. И. Стребков, А. Н. Сунами.
Автор заключения — В. Ю. Перов.

*Коллективная монография издана при поддержке РГНФ,
проект № 13-03-14013-Г
(рук. Е. Н. Лисанюк)*

*Работа выполнена при поддержке гранта СПбГУ 23.0.119.2010
(рук. С. И. Дудник)*

Философия ответственности / Под ред. Е. Н. Лисанюк,
Ф51 В. Ю. Перова. — СПб.: Наука, 2014. — 255 с.

ISBN 978-5-02-038371-5

В коллективной монографии рассматривается понятие ответственности, его социальные основания и историческая трансформация. Представлены модели ответственности. Исследуется конфликтная природа корпоративной социальной ответственности.

УДК 17
ББК 87.3

ISBN 978-5-02-038371-5

ВВЕДЕНИЕ

Согласно китайской притче, стрельба из лука учит искать истину — промахнувшийся стрелок винит себя, а не стрелу. Хороший совет дают китайские мудрецы — за свои неудачи отвечай сам. Однако успеет ли промахнувшийся стрелок обвинить себя, стреляя в тигра? Ведь только если стрелку повезет и тигр замешкается, один из них сможет усвоить этот урок и, быть может, научится искать истину...

Ответственность — понятие многогранное, в нем находят свое выражение идеи свободы человека и обусловленности его поступков внешними и внутренними обстоятельствами, предопределенности судьбы и противостоящей ей рациональной воли, долга, подчинения социальным правилам и традициям, а также восстания против них. Ответственность — это особое отношение человека, включающее в себя отношение к самому себе, миру вокруг, своей деятельности и другим людям.

Необходимыми условиями ответственности человека выступают три фактора. Во-первых, это рациональная природа человека, выраженная в том, что каждый человек осознает себя разумным мыслящим существом в степени не меньшей, чем признает и другого человека мыслящим и разумным существом. Иными словами, «от первого лица» рациональная природа обозначена в познавательных устремлениях человека по отношению к себе самому и к внешнему миру, а «от третьего лица» — в его когнитивной деятельности. Во-вторых, это неизменная вовлеченность людей в многообразие социальных практик, конституирующим аспектом которых является их нормативная определенность, проявляющаяся в моральных устоях, законодательстве, правилах этикета и т. п. В-третьих, это коммуникативный характер социальной реальности, подразумевающий многополярность взглядов и мультиагентность связей, а также отчетливое сопротивление тому, чтобы позволить этому многообразию звучать в унисон. Авторы этой книги настаивают, что абсолютизация любого из этих факторов — рациональной природы человека, нормативных аспектов общественной жизни людей или коммуникативного характера социальной реальности — приводит к тому, что специфика ответственности как особого отноше-

ния нивелируется, и ответственность предстает либо как рациональность, либо как долг, либо как коммуникация. Если обратиться к идейным истокам, то и философам прошлого ответственность виделась всякий раз через призму других понятий — свободы и детерминизма, отношений власти, общества и личности и т. п. В этой особенности ответственности отчасти и заключается причина того, что ее философский анализ — сугубо современный проект.

Действительно, ответственность можно представить как долженствование определенного рода, но в силу этого *представления* она не становится долгом, коммуникацией или обязательством. Ответственность — не объект, но отношение, поэтому ее нельзя найти — невозможно встретить, как стрелок тигра в китайской притче. Вместе тем ответственность можно обрести. Начав с себя как мыслящего и деятельного существа, можно научиться быть ответственным и, таким образом, выстраивать свой жизненный мир и охранять его. Ответственная позиция заключается не только во вполне тривиальном требовании выполнять свои обязательства. В первую очередь ответственность означает осознание необходимости выполнения обязательств, что подразумевает обстоятельное изучение сути самих обязательств, но еще в большей степени — причин и особенностей их возникновения, существования, а также последствий их нарушения. Иными словами, ответственность выступает эпистемологической нормой современной жизни людей.

Ответственность носит коммуникативный характер и имеет два полюса измерения — каузальный и аксиологический. Первый говорит о причинно-следственных связях между действиями людей и наступившими событиями, которые случаются как вследствие естественных причин, так и в силу того, что людям удается реализовать свои намерения, иногда целиком, а иногда лишь отчасти. Второй — указывает, как надлежит понимать эти связи между действиями людей и внешними обстоятельствами и каков статус этих связей в ракурсе социальной реальности в целом, а также нормативных систем и моральных устоев, действующих в обществе. Крайняя позиция в вопросе о каузально понимаемой ответственности заключается в том, что люди всегда несут экзистенциальную ответственность за все происходящее в мире, где они живут. Эта мысль сегодня часто звучит в рассуждениях о долге человечества перед будущими поколениями, в экологических требованиях, в оценках исторических событий, таких как геноцид народов или преступления перед человечеством. «Будущее человечества является первым долгом коллективного человеческого поведения в эпоху сделавшейся, в отрицательном смысле, «всемогущей» технической цивилизации. Очевидно, в качестве необходимого условия тем самым подразумевается и будущее природы, однако присутствует здесь — независимо, как таковая — и метафизическая ответст-

венность, поскольку человек стал опасен не только для себя самого, но и для биосферы в целом»[1], — настаивает Г. Йонас, автор влиятельной в наши дни императивной концепции ответственности.

Острой проблемой для сторонников такой крайней позиции является степень распределенности этой коллективной ответственности человечества или народа между индивидами. Если люди несут коллективную ответственность перед будущим или перед прошлым, то какова мера ответственности каждого в ней? Наиболее остро стоит вопрос о коллективной ответственности народа за прошлое, поскольку факт совершения наиболее ужасных в истории человечества преступлений налицо. Например, геноцид, которому в XX веке подверглись евреи, австралийские аборигены, буры, армяне, североамериканские индейцы и другие народы. Во многих случаях коллективный виновник таких преступлений хорошо известен, однако вопрос о том, в чем именно состоит вина и какую ответственность за содеянное должен нести конкретный человек, не столь прост. Как измерить вину и ответственность политического лидера, принимающего преступное решение, военачальника, который отдает приказ, солдата, выполняющего этот приказ, потому что не смеет ослушаться, чиновника, реализующего распоряжения руководства? Виновен ли гражданин, проголосовавший на выборах за партию, которая, придя к власти, санкционирует преступные действия? Виновен ли тот, кто молча наблюдает за этим, утешая себя мыслью о своей беспомощности и неспособности противостоять? Х. Арендт, анализируя суд над нацистским функционером и преступником А. Эйхманом, подчеркивает двоякую каузально-оценочную природу ответственности и приходит к выводу о том, что «никакое обсуждение личной ответственности не будет иметь особого смысла в отсутствие достаточно точного представления о стоящих за ней фактах»[2]. Арендт считает, что мерой ответственности человека является его рациональная природа, выражающаяся в способности свободно судить о происходящем с позиций сознательно принимаемой системы ценностей. «Весь наш опыт свидетельствует о том, что именно члены *добропорядочной* части общества, не затронутые моральным и интеллектуальным переворотом первых лет нацизма, были первыми, кто ему подчинился. Они просто сменили одну систему ценностей на другую»[3]. Если в обществе имеется лишь одна система ценностей, возникает реальная опасность отождествления причинно-следственной определенности действий человека с оценкой этих действий в единственно возможных терми-

---

[1] *Йонас Г.* Принцип ответственности. М., 2004. С. 234—235.

[2] *Арендт Х.* Личная ответственность при диктатуре // Арендт Х. Ответственность и суждение. М.: Изд-во института Гайдара, 2013. С. 76—77.

[3] Там же.

нах такой системы. Тогда каузальная ответственность совпадет с аксиологической и примет форму либо крайнего нормативизма, либо тотального детерминизма и непротивления.

Поэтому многие современные мыслители считают, что рациональность человека есть не только его сущностное свойство, но и первейшая обязанность, обеспечивающая способность независимого суждения — способность людей свободно действовать, принимать решения и судить о происходящем, о своих и чужих поступках. «Если человек должен жить на земле, он вправе пользоваться своим разумом, вправе действовать на основе своих суждений, вправе трудиться ради своих ценностей и владеть результатом своего труда. Если цель его — жить на земле, он вправе жить как разумное существо: природа запрещает ему быть неразумным»[4], — таков «манифест» рациональности человека, по мнению Айн Рэнд, одной из ярчайших апологетов эгоизма рационалистического толка. В соответствии с ним, человек несет ответственность всегда, но только за себя и свои действия, а коллективная ответственность — это не более чем фикция или выдумка религиозных фанатиков, к которым Рэнд относит также и либертарианцев с их рассуждениями о правах человека. Свобода человека не есть право, потому что является долгом каждого, считает она, потому что «источником права собственности является закон причин и следствий»[5].

Крутой замес крайнего индивидуализма и тотальности обязывающего рационализма влечет ответственность в пропасть извращенного разума (*perversa ratio*), усматривающего, по мысли И. Канта, в своих умозаключениях закономерности бытия. Противоположная этому крайняя позиция — ленивый разум (*ignava ratio*), не утруждающий себя умозаключениями, полагаясь во всем на высшие силы[6]. Фатальная ошибка извращенного разума заключается в том, что рациональное отождествляется с действительным, а ошибка ленивого, наоборот, — в том, что действительное считается рациональным.

Таким образом, для понятия ответственности всякая узурпация со стороны какого-либо из конституирующих ее факторов разрушительна, исходит она из абсолютизации рациональной природы человека, нормативизма и детерминистского «непротивления» или коллективизма и тотальности коммуникации. «В споре об ответственности целесообразно искать баланс, и философ здесь не судья, а, скорее, арбитр», — заключает Б. Марков, один из авторов этой книги.

---

[4] *Рэнд А.* Атлант расправил плечи: В 3 ч. / Пер. с англ. Д. Вознякевича. Ч. 3. А есть А. М.: Альпина Паблишер, 2012. С. 414—415.

[5] Там же.

[6] *Кант И.* Критика чистого разума / Пер. с нем. Н. Лосского, под ред. Ц. Арзаканяна, М. Иткина. М.: Мысль, 1994. С. 716—717.

Глава 1
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ, ОБЩЕСТВО, ЧЕЛОВЕК

1.1. Понятие ответственности

Ответственность — обязательство перед кем-то, забота о ком-либо, долг, то есть нечто воспринимаемое в качестве основания решений или действий в отношении другого. Более широкое значение слова «ответственность» связано со свободой воли, с непреднамеренными или непредусмотренными последствиями поступка. Наконец, можно отметить коммуникативный аспект ответственности: внимание, респонзивность, способность вступить в диалог с другим. Ответственность — это определенность, надежность, честность; это осознание и готовность признать себя причиной своих поступков; это готовность действовать рационально для блага людей.

Ответственность — фундаментальное основание человеческого существования. Ответственность за свою судьбу связана со свободой воли, свободой совести и свободой выбора. Человек решает за себя. Без свободы нет ответственности, а свобода без ответственности переходит в произвол. Есть ответственность за себя, за самореализацию, за свою жизнь и есть ответственность за свои решения и поступки перед другими.

Казалось бы, по мере развития общества и роста благосостояния угроза голода, войны и других чрезвычайных состояний постоянно снижается. Однако, несмотря на заботу о безопасности и разного рода страховках, проблема ответственности не только не снимается, а, наоборот, обостряется. В связи с этим следует поставить вопрос, за что можно привлекать к ответственности. Прежде всего, нужно отвечать за преступления. Они бывают направлены против собственности, против жизни, против личности и человечности, наконец, против власти. Отсюда возникает потребность в философской рефлексии относительно базовых ценностей. Например, что такое собственность, что принадлежит человеку и что нельзя отнимать? Ясно, что мое — это сделанное своими руками, зара-

ботанное, полученное в дар и т. п. Ну а кому принадлежат земля, ее недра, вода, воздух и другие, необходимые для существования человека условия? Столь же туманная проблема с правами человека — являются они продуктом европейского Просвещения или естественными и универсальными? Еще сложнее с властью. Как быть, если правительство не заботится о благе народа, в каком случае и в какой форме оправдан протест против власти? Обсуждение такого рода вопросов может показаться казуистикой. В нормальном состоянии общества есть некое общее согласие в понимании базисных ценностей. Но в переходные эпохи, как наша, одни чувствуют ответственность перед обществом, а другие ориентируются на собственную выгоду. Отсюда либеральное и консервативное понимание ответственности не совпадают.

Обсуждать проблему ответственности необходимо не в отвлеченном духе, а конкретно. Для этого необходимо выявить, как устроено общество сегодня. О чем идет речь в современных разговорах о необходимости повышения ответственности? Какие при этом возникают трудности и что нужно сделать, чтобы привлекать к ответственности не стрелочников, а действительно виновных? На первый взгляд, строгости на фоне всеобщих злоупотреблений и безнаказанности кажутся необходимыми. Но справедливо ли привлекать к ответственности людей, если их поступки и проступки продиктованы структурой институтов, которые они представляют? Чтобы лично отвечать за свои поступки, человек должен быть свободен и обладать способностью к рефлексии. Однако на деле никто не является свободным и независимым индивидом, каждый оплетен множеством зависимостей и не всегда может от них избавиться. Прежде чем строго спрашивать с конкретных людей, необходимо структурировать инстанции ответственности и по возможности исключить анонимное зло самой системы. Проблема «большой ответственности» должна быть разобрана на мелкие составные элементы. Например, привлекая к ответственности врача, следует иметь в виду, что его ошибки могут быть вызваны плохим образованием, плохим оборудованием, недоброкачественными лекарствами и коммерциализацией медицины. Наша проблема со справедливостью и ответственностью состоит в том, что мы, живя в новой рыночной экономике, руководствуемся ценностями старого порядка. Поэтому исследователю необходимо дистанцироваться от симпатий и антипатий по отношению к прошлому или современному порядку и попытаться реконструировать проблему ответственности в том и в другом поле.

Можно говорить об абсолютной, так сказать, чистой ответственности или речь должна идти о выведении понятия ответственности из опыта, об обобщении различных ситуаций, когда кто-то за что-то несет ответственность? С точки зрения здравого смысла

предпочтительнее индуктивный метод. В конце концов, существует множество видов ответственности морально-человеческой и социально-юридической. Есть ответственность за потомство и сохранение природы, наконец, ответственность перед Богом и людьми, выше которой, кажется, ничего нет.

И все же, чтобы рассмотреть все эти виды и формы опыта, необходимо чистое понятие ответственности. Речь идет о трансцендентальной идее, которая лежит в основе, или априори предшествует опыту ответственности. Откуда берется такое понятие? Содержится ли оно изначально в «чистом разуме» — как априорное понятие, в рассудке — как категория, в языке — как общее понятие, в воображении — как базовая метафора, в этике — как одна из высших ценностей?

Вопрос о «дедукции» трансцендентальных понятий был поднят Кантом, но, по существу, поставлен Сократом, который искал чистые идеи и четко определял их статус. В отличие от понятий, значением которых может быть класс каких-то однородных, сходных в чем-то объектов, идея отсылает к абсолютному единству. Красивых вещей и людей много, но идея красоты самой по себе — одна, и ее наличие служит условием возможности разговоров о красоте тех или иных явлений.

То, что Платон помещал в особый сверхчувственный мир вечных идей, созерцаемых оставшимися после смерти тела душами, Декарт и Кант приписали Разуму. Для Декарта критерием высших понятий является несомненность, для Канта они выступают всеобщим и необходимым инструментарием философского мышления. В этом направлении их мыслил и Э. Гуссерль, который акцентировал не столько логико-семантическую значимость понятий, сколько очевидность образно-интуитивных идей. Л. Витгенштейн понимал такие предпосылки как правила, которые являются не только способами употребления понятий, но и формами жизни. Наконец К.-О. Апель синтезировал эти подходы в своей трансцендентальной прагматике, согласно которой консенсус относительно понимания чистых идей или предпосылок достигается путем коммуникации в сфере публичной дискуссии. Существуют и другие предложения, например, генеалогия Ф. Ницше, теория дискурса М. Фуко, деконструкция Ж. Деррида, метафорология Г. Блюменберга. Все эти философские техники концептуализации опыта и будут использованы в последующей «дедукции» понятия ответственности.

Вопрос об ответственности обычно обсуждается с позиций права или этики. Моральная оценка ответственности за принятие разного рода решений остается определяющей для большинства людей. Наоборот, профессиональное сообщество — юристы, ученые, администраторы требуют научно обосновать саму этику, оправ-

дать ее легитимность и сформулировать рациональные критерии оценки ответственности. «Механическое» разделение логики, морали и права преодолевается в «этике дискурса», или, как ее иногда называют, в «научной этике». Ее популярный вариант был разработан Д. Роулсом, который попытался проанализировать чувство справедливости, являющееся двигателем развития государства и права и условием их совершенствования. Он писал: «Справедливость есть главная добродетель общественных институтов, подобно тому как истина есть главная добродетель научных систем»[1]. Справедливость, по Роулсу, опирается на такие ценности, как свобода и ненасилие. В справедливом обществе равенство и свобода граждан не может быть предметом политических спекуляций и от них нельзя отказаться во имя экономического процветания — «как главная добродетель человеческой деятельности, истинная справедливость должна быть вне компромисса»[2].

Чувство справедливости, по-видимому, присуще каждому, однако это не значит, что само это чувство или, тем более, его смысл является чем-то очевидным. Согласно теории общественного договора, общество характеризуется принятием правил и законов, обеспечивающих блага всем тем, кто участвует в его деятельности. В признании социальной справедливости главным кажется распределительный принцип: поровну или в соответствии с заслугами каждого распределить совокупный общественный доход. Если удается найти принципы организации общества и воплотить их в институтах, то они скрепляют людей узами гражданского содружества. Конечно, Роулс понимает, что общество создается вовсе не для воплощения идеалов — у него есть другие задачи, но они могут быть успешно решены лишь в том случае, если не противоречат моральному чувству. Стало быть, главное условие процветания общества — это ответственность за соблюдение прав человека. Если ответственность и справедливость, так сказать, взаимовыгодны, то вопрос об их соотношении решить легче, нежели в ту пору, когда царит принуждение и насилие. В последнем случае, вероятно, и уместен пафос революционеров, признающих право на террор во имя высшей справедливости.

Для Роулса гарантом ответственности выступает не Бог, не монарх и, тем более, не какой-то даже очень умный или святой человек, а основные права: свобода мысли и совести, рыночные отношения, частная собственность, семья и др. Принципы справедливости базовой структуры общества являются, по Роулсу, не только субъектом, но и объектом ответственности. Он писал: «Эти прин-

---

[1] *Роулс Д.* Теория справедливости // Этическая мысль: Научно-публицистические чтения (1990). М., 1990. С. 230.

[2] Там же. С. 231.

ципы, о которых свободные и рационально мыслящие индивиды договариваются, учитывая свои интересы, согласуемые в исходной ситуации на равных правах, призваны отражать наиважнейшие положения их объединения. На основании этих принципов заключаются все последующие соглашения; они определяют тип их социального взаимодействия, государственного правления. Этот способ формирования принципов справедливости я именую справедливостью как честностью»[3]. Замысел Роулса понятен: существует чувство справедливости, которое принимается как данность, и по отношению к ней устанавливаются критерии ответственности, в основе которых лежит честность.

Роулс говорит о том, что в исходном состоянии должна быть установлена «взаимная симметрия людей», что и дает возможность определения «честности». Однако общество всегда уже сформировано, и наше вхождение в него сначала оказывается несколько запоздалым. Чисто гипотетически можно себе представить, что индивид сразу же является свободным и может решать, участвовать ему в этом обществе или нет. Однако на деле его согласия никто не спрашивает, и к тому времени, когда он задумывается об ответственности, он уже ангажирован и обязан, к примеру служить в армии.

Каждый человек постоянно помнит об ответственности, сопровождает свои чувства суждениями и стремится поступать в соответствии с ними. Представители аналитической философии считают, что этика как наука должна заниматься анализом такого рода суждений. Решая, какие из суждений принимать, а какие не принимать, обосновывая одни и опровергая другие, они пытаются скорректировать «естественное» понимание ответственности. При этом оказалось, что, хотя чувства и не являются надежным гарантом ответственности, но их юридическая и моральная концептуализация тоже определяется политическими интересами.

С тех пор как Кант сделал мораль чем-то вроде рациональности практического разума, она стала предметом обостренной критики. По Ницше и Фуко, моральная проблематизация — это событие христианства. Например, этика Аристотеля или этика стоиков — нечто иное, чем христианская мораль. Ее универсализация разъясняется Н. Луманом в свете развития письменной культуры, где моральные нормы наряду с рациональностью образуют медиумы коммуникации. Универсальный код различия хорошего и плохого обеспечивал единство христианских обществ. После секуляризации, несмотря на разговоры об «общечеловеческой морали» и «правах человека», которые разоблачены как формы европо-

---

[3] Там же. С. 236.

центризма, такие коды отсутствуют, и неясно, что пришло им на смену.

Как проявляется ответственность по отношению к индивиду или социальным, национальным, профессиональным и иным меньшинствам — это главный вопрос. Отсюда интерес сместился с разработки общей теории морали, нормы которой вообще-то принципиально не изменяются, как и законы логики, вот уже два тысячелетия, на разработку прикладной этики, в которой предписываются нормы и правила поведения в той или иной сфере публичной деятельности. Моральные требования перестают быть запретами и осуждениями. Они становятся конкретными рекомендациями, встроенными в практический дискурс и действующими внутри него. Благодаря этому они способствуют таким решениям, которые являются не только инструментальными, но и этическими.

Отказ от универсальной морали привел к релятивизму. Она перестала быть медиумом коммуникации. Деловые и профессиональные этики не совпадают с общечеловеческой моралью. Отсюда поиск новых кодов и норм социального поведения. Их следует искать не где-то в Божьем граде, а в самой коммуникации — даже тот, кто отрицает универсальные нормы, вступает в коммуникацию и, следовательно, подчиняется ее правилам. Опыт нравственного признания является принципиально коммуникативным. Этические и юридические нормы станут всеобщими правилами-действиями, если получат признание со стороны всех личностей, к которым они имеют отношение. Моральные вопросы не могут быть решены монологическим путем, но требуют коллективных усилий. Совершенно недостаточно понимать дело так, что каждый человек самостоятельно приходит к признанию моральных норм и после этого «голосует» за их принятие, ибо требуется реальная аргументация участников для достижения консенсуса. Только в этом случае моральные нормы приобретут связь с личным интересом, который, будучи выражен в речи, получает оценку со стороны других личностей.

Каждый субъект, вступающий в аргументацию по поводу критики тех или иных точек зрения, вынужден разделять с другими участниками коммуникации определенные предпосылки нормативного характера. Для достижения согласия коммуникативный процесс должен удовлетворять следующим условиям:

1) каждый субъект, способный совершать действия и владеющий речью, имеет право участвовать в дискурсах;

2) каждый участник аргументации имеет право: а) проблематизировать любое утверждение; б) вводить в дискурс любое утверждение; в) высказывать свои точки зрения, желания, потребности;

3) нельзя препятствовать пользоваться перечисленными правами[4].

Место, где реализуется всеобщий принцип этики, — это дискурс. Точно так же обстоит дело и с правом: главное требование — публичность. Возьмем крайний вариант: один субъект предъявляет другому ультиматум и тем самым фиксирует абсолютное различие в оценке. Тот, кому адресован текст, понимает его и может на него ответить. Таким образом, дипломатичность оказывается хотя и формальной, но все-таки достаточной формой сохранения мира. Она не решает содержательной проблемы, но удерживает людей от необдуманного поведения, дистанцирует от непосредственных интересов. Думается, наш пример раскрывает возможности и одновременно границы этики дискурса. Конечно, ее принципы формальны, но они открывают возможность солидарных форм единства, которые достижимы уже на основании жизненной общности между различными субъектами.

В процессе аргументации оппонент и пропонент вступают в соревнование, чтобы убедить друг друга и достигнуть консенсус. Притязание на успех превращается из условия конфликта в условие поиска истины и достижения консенсуса на ее основе. Благодаря рефлексии приостанавливается непосредственное воздействие субъективных потребностей и интересов. Они теряют свою «естественную» значимость, и таким образом возникает возможность свободного выбора.

Как законы могут стать универсальными регуляторами социальных действий? Последние различаются как фактические и достойные быть признанными. В случае решения вопроса об ответственности также недостаточно «уважения к законам», требуется моральное оправдание. Моральные оценки ответственности предполагают, что улаживание конфликтов основывается на разумно обоснованных суждениях. Благодаря связи с аргументацией мораль и право приобретают автономию, которой не имели раньше, когда они интерпретировалась как «благо», которое представлялось как некая очевидность. Моральная и правовая ответственность не связана с личными или групповыми интересами — она устанавливается в процессе публичной дискуссии и на основе рациональной аргументации. Только дискурсивная процедура подтверждения нормативной ответственности обладает оправдывающей силой.

---

[4] См.: *Хабермас Ю.* Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2000. С. 137–138; *Alexy R.* Eine Theorie des praktischen Diskurses // Oelmuller W. (Hrsg) Normenbegrundung, Normendurchsetzung. Paderborn, 1978. S. 123; *Grice H. P.* Logic and conversation // Syntax and semantics. V. 3 / Ed. by P. Cole and J. L. Morgan. New York: Academic Press, 1975. P. 41–58.

Исключение вопроса о реальности, сомнения в существовании своего Я, обороты речи «мир — это мое представление», «нечто есть только в сознании», «это нам только снится» уже предполагают допущение о существовании внешнего мира. То же самое с обоснованием ответственности. Поскольку только один не может «следовать правилу», постольку приходится допускать «трансцендентальную языковую игру», то есть наличие общих понятий и представлений, внутри которых могут происходить осмысленные споры и отыскиваться удовлетворяющие всех решения.

Например, в ответ на попытки поставить вопрос об ответственности ученых, провозглашается тезис о свободе науки от ценностных суждений. Но именно он предполагает общезначимость моральных норм, что отвергает утверждение об их иррациональности. Конечно, допущение моральных норм в науке не доказывает их императивного характера. Наука говорит о том, что есть, а не о том, что должно быть. Но требование научной объективности не исключает возможности интерсубъективно значимой этики. Более того, возможность этики не связана с редукцией к свободной от ценностей объективности. Нормативно нейтральную объективность можно помыслить, если постулировать дополнительную к ней интерсубъективную значимость этических норм. Отсюда можно говорить о взаимодополнительности этики и науки. Вместе с тем, речь идет не о каком-либо категорическом императиве, а о логической необходимости этики, ибо логическая аргументация уже предполагает универсальную этику. Логика — это тоже нормативная наука, а этика должна быть логически согласованной. Это не значит, что этика выводима из логики. Как писал К.-О. Апель, «эмпирическая проверяемость моральных суждений предполагает этическое мерило проверяемости»[5].

Таким образом, никто не может стоять по ту сторону морали, но в то же время мы можем смотреть на одну этическую теорию сквозь призму другой. Поскольку существуют различные и подчас взаимоисключающие друг друга моральные нормы, постольку возникает проблема их обоснования. К сожалению, она не может быть решена чисто научным способом, а релятивизм в этике гораздо более опасен, чем в науке. Трудность в том, что моральные, как и религиозные, утверждения, относятся к тому, что не наблюдаемо, и к ним неприменим обычный критерий проверяемости.

Апель исходит из того, что логическая значимость аргументации предполагает консенсус сообщества мыслителей. Наоборот, Э. Гуссерль считал, что истина может открыться индивиду и оставаться истиной, даже если ее никто не признает. Если факты не

---

[5] *Апель К.-О.* Трансформация философии. М.: Логос, 2001. С. 299.

требуют признания, ибо действуют принудительно, то ценностные высказывания предполагают признание их членами сообщества. В рамках одной культуры, как правило, существует взаимное согласие относительно базисных ценностей. Взаимопонимание между представителями разных сообществ возможно в том случае, если они вступают в диалог или дискуссию, то есть становятся членами единого коммуникативного сообщества, и это налагает на них определенные обязательства. Ложь, отказ от критической рефлексии и аргументации делает диалог невозможным. Существа, способные к языковой коммуникации, должны быть признаны личностями, ибо в своих поступках и высказываниях являются виртуальными партнерами коммуникации. Таким образом, логика и наука этичны в силу того, что в качестве субъектов логической аргументации выступают личности. В диалоге употребляются не только ценностно нейтральные высказывания, но и речевые акты, предъявляющие моральные требования. Перформативные высказывания, а именно таковыми являются требования ответственности, предполагают признание оппонента или пропонента как личностей, а это и есть первичный этический акт.

Вместе с тем связь логики и этики не логическая, а прагматическая. Логические операции возможны потому, что достигнута договоренность относительно правил рассуждения. Этика состоит в том, что оправдание и обоснование мнений является долгом мыслителей. Но стремимся ли мы к логической аргументации и обоснованию, и достаточно ли их для обоснования суждений об ответственности?

Возможны два типа нигилистов. Один вообще не вступает в диалог с членами морального сообщества и молча «делает свое черное дело». Другой принимает участие в диалоге, притворяясь, что следует долгу. Речь идет о нигилисте-симулянте. Как отличить его от нормальных членов морального сообщества? Как известно, «чужая душа — потемки». Поскольку невозможно проникнуть в чужое сознание, постольку остается использовать возможности логического анализа. В первом случае нигилист сам исключает себя из коммуникативного сообщества и становится изгоем. Во втором случае, как убедительно доказал Апель, «даже дьявол должен вести себя сообразно долгу, если хочет познать истину»[6]. Поскольку истина недостижима индивидом, постольку принадлежность к сообществу ученых предполагает преодоление эгоизма, то есть некий «логический социализм». Апель, как и другие сторонники коммуникативного подхода в этике, убежден, что подражание, имитация и даже симуляция поведения, согласующегося с моральными нор-

[6] Там же. С. 306.

мами, свидетельствуют о признании правил поведения в человеческом сообществе.

Если логика предполагает этику, то ее рациональное обоснование предполагает значимость логики. Получается логический круг. Ни логику, ни этику как предельные основания обосновать невозможно — они сами являются условиями возможности любого обоснования. Апель полагает, что логика и этика не поддаются критической проверке, они надежны в «трансцендентально-практическом» смысле[7]. Их признание оправдывается тем, что выполнение логических и этических условий коммуникации — это безусловный принцип самой дискуссии. На основе непрерывной лжи и безответственного поведения невозможны никакие дела. Всякий желающий получить истину и совершать осмысленные поступки должен проявить безусловную волю к признанию правил морального сообщества.

Но ведь нередки случаи неправильного понимания ответственности, например, некоторые язычники приносили богам человеческие жертвы, инквизиция сжигала еретиков, а светская власть преследовала инакомыслящих. Как же доказать подлинность принимаемых решений? По Апелю, это происходит на основе рациональной реконструкции. Кто задумал обоснование моральных суждений, тот уже признал участие в дискуссии и значимость аргументации. Кто не принимает участие в дискуссии, тот не может ставить вопрос об оправдании этических принципов. Отсюда формула обоснования моральной ответственности такова: «тот, кто хочет обосновать моральную норму, уже предполагает ее»[8]. Речь о том, что каждый, кто задумается, правильно ли он выбрал объект ответственности, рано или поздно в коммуникации с другими отыщет решение. Тот, кто аргументирует, признает других и их право выдвигать свои аргументы. Гармонизация индивидуальных требований осуществляется в процессе аргументации.

В экстремальной ситуации решения принимаются индивидуально, причем даже вопреки общепринятой морали. Но и в этом случае индивид способен встать на позицию человечества и различать реальное коммуникативное сообщество, объединенное целью выживания, и идеальное коммуникативное сообщество, объединенное целью освобождения. Это не формальное, а диалектическое противоречие, которое разрешается по мере снятия различия между реальностью и идеалом. Хотя никто не представляет идеальное коммуникативное сообщество, все же именно его следует иметь в виду в этике.

Этика в отличие от универсальной морали всегда обращается к индивидуальному поведению. Она постигает ответственное пове-

---

[7] См.: Там же. С. 312.

[8] Там же. С. 322.

дение индивидуума со ссылкой на его окружение. Ссылка на окружение в общем есть то, что обычно называют «ориентированием»[9]. Философия должна тематизировать всеобщие структуры ориентирования. Тогда вопрос об ответственности следует поставить следующим образом: какой функциональной системой, до какой степени интегрируется и ангажируется отдельный человек, и какие представления о нормах направляют его при этом. Здесь находится область этического ориентирования. Определение ответственности в рамках системы не есть нечто непоколебимое и постоянное во времени — нужно ориентироваться в каждой новой ситуации, не только пространственно на местности, но и в коммуникации с другими и, наконец, также входя в курс дела. Ответственное поведение в незнакомых и непривычных обстоятельствах предполагает редукцию общего к частному: действующая ситуация редуцируется в ориентации к опорным пунктам, исходя из которых можно начать действовать. Такие опорные пункты ограничены и используются в процессе ориентирования как лимитированные — они опознаются, поскольку осуществляют переход к другим опорным пунктам, вместе с которыми они потом делают понятным решение, предназначенное для той или иной стороны различия. Критерий их селекции — способность подключаться/подсоединяться друг к другу, а именно: помогают ли они работать, жить, общаться с другими. Сообразно с этим код ориентирования, по которому все системы функционируют в поле зрения системной теории, различает способность подсоединяться и неспособность подсоединяться, а также расценивает индивидуума как условие различия системы и окружающей среды.

Представления об общих моральных нормах являются опорными пунктами индивидуального ответственного поведения. Они не зависят от его интересов и предпочтений, но существенно способствуют тому, что индивидуальное поведение стабилизируется и становится благодаря этому идентифицируемым для других людей. Поскольку при этом различается только добро и зло, это сокращает сложность сложившейся ситуации и, наконец, становится возможным действовать согласно категорическому императиву: «поступай так!». Можно говорить о морально мотивированной ответственности в том случае, когда знают, с чем имеют дело и действуют решительно, когда можно дать только одну морально безупречную заповедь: безоговорочно принимай во внимание обстоятельства и последствия под страхом за себя и других.

Безответственность как неприятие во внимание обстоятельств и последствий поступка означает нарушение у индивида способ-

---

[9] См.: *Stegmaier W.* Philosophie der Orientierung. De Gruyter. Berlin; New York, 2008.

ности к подсоединению. Это может произойти только в особом случае, и если это произойдет, необходимо срочно восстановить способность к подсоединению. Если возникает спор, то можно объяснять проступок задним числом непредвиденными обстоятельствами, можно считать, как и прежде, подлежащим осуждению только сам поступок и постараться исправить досадные последствия материального и психического характера, в конце концов, можно даже дойти до раскаяния. В последнем случае морально реагируют на собственные представления о морали. Тогда спрашивают, как иначе могли бы поступить остальные? Наблюдение за поведением других становится опорным пунктом для рефлексии своего поведения. Это значит, что благодаря рефлексии морального решения другого этически ориентированная ответственность отыгрывает дистанцию по отношению к собственной моральной решительности и снова обретает способность к единению.

Рассмотрим пример. Допустим, больной подает в суд на врача, который обещал, но не сумел вылечить. Формально и морально врач прав, так как, согласно кодексу Гиппократа, обязан уменьшать страдания больного. Но на деле, врач — это продукт образования, он пользуется произведенными фармацевтами лекарствами, он является частью медицинского учреждения, где лечится больной, а то в свою очередь определяется возможностями системы в целом. В результате приходится выбирать, кто является виновником неудачного лечения. К тому же можно повернуть дело так, что обвиняемой стороной будет назван сам больной, который не выполнял предписаний врача или вел «антисанитарный» образ жизни. Этот пример обнаруживает, что моральный протест, обращенный в одну сторону, оказывается явно несправедливым. Именно суд, а точнее арбитраж, то есть попытка разобраться и взвесить многочисленные инстанции ответственности, по-прежнему остается эффективной формой реализации справедливости[10].

Рассмотрим проблему ответственности медицинского решения. Больной, нуждающийся в помощи, и врач (медицинское учреждение), знающий, как и чем помочь, составляют (или предполагают) нечто вроде договора о медицинском обслуживании. Врач (лечебное учреждение) обязуется облегчить страдания больного. Наука исследует, а не лечит. Наоборот, медицина — это терапия, забота о больном, умение лечить. Долг врача лечить, а не исследовать. Учитывается право больного знать истину, которое реализуется пропорционально способности больного ее вынести. Фиксируется просвещенное согласие, то есть предупреждение о риске. Обеспечивается конфиденциальность (врачебная тайна).

---

[10] См.: *Рикёр П.* Справедливое. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2008.

На самом деле, отношения врача и больного развиваются в более широком контексте, который тоже должен учитываться. Прежде всего, это совокупность имеющихся знаний и средств лечения. Врач интерпретирует имеющееся медицинское знание применительно к случаю больного, для этого он должен учитывать историю его болезни. Он служит не только больному, но и здравоохранению. Для индивида здоровье бесценно, но общество может выделять лишь определенную сумму на лечение. Повседневная медицинская практика зависит от конкретных критериев и правил, установленных администрацией. Таким образом, и здесь требуется баланс индивида и общества. Особенно, если речь идет о заразных больных, от которых общество имеет право защищаться и может их изолировать. Следует учитывать и то обстоятельство, что решение врача должно быть принято в конечное время; и бывает, что нет времени его обсуждать и созывать консилиум. Исходя из этих условий и должны рассматриваться жалобы больного на медицинское обслуживание. В промежутке перехода от нормативного уровня к практическому решению лежит аргументация и интерпретация. Когда суд принимает жалобу больного к рассмотрению, он должен учитывать все перечисленные инстанции ответственности и, таким образом, вынести справедливое решение.

При этом общественность тоже должна поступать ответственно. Сегодня люди часто ощущают себя жертвами политиков, бизнесменов и даже ученых. При удобном случае они предъявляют иски и взыскивают компенсации за нанесенный материальный и моральный ущерб. Это, конечно, повышает ответственность элиты. Инженеры, врачи, преподаватели — все боятся судебных процессов, которые затевают их клиенты, обманутые в своих ожиданиях. Конечно, это способствует более ответственному поведению элиты. Но достигается это, мягко говоря, не совсем моральным путем. Допустим, мы обвиняем производителей лекарств, что они выпускают подчас опасную продукцию. Только мы поверили в чудодейственную силу лекарства, тут же выясняется, что оно имеет опасные последствия. Понятно, что это вызывает моральное негодование — и мы подаем иск о нанесении ущерба здоровью. Но парадокс в том, что мы добиваемся не морального, а материального удовлетворения.

Можно, конечно, сказать, что мораль тут вообще ни при чем. Все иски предъявляются и удовлетворяются в правовой экономической плоскости. Мораль нельзя абсолютизировать, но и пренебрежение ею тоже неправильно. Философия ответственности должна строиться с учетом сложных балансов моральной, экономической, социальной и других институций общества. Как соединяется частное и универсальное на уровне экономических, юридических, медицинских и иных советов? Иногда думают, что специалисты

могут выдавать советы наподобие того, как производят математические вычисления. На самом деле, они несут ответственность за свои рекомендации — и это предполагает обоснованность не только инструментального, но и этического знания.

Решения суда нередко вступают в противоречие с моралью. Оценка права с точки зрения морали кажется безупречной. Поэтому правозащитники становятся организаторами пацифистских, гуманных, зеленых и иных движений, призванных поставить государство и общество под контроль морали. При этом их действия могут нарушать как законы государства, так и права людей и квалифицируются как хулиганство. Если государство не должно регламентировать и контролировать абсолютно все сферы жизни, то и индивиды должны признавать приоритет государственного подхода в вопросах, касающихся самосохранения общества. То же и в деловом мире и в политике. Хуже того, в обществе есть немало таких профессий, которые в принципе антигуманны. Произнося моральные речи, мы как бы закрываем глаза на происходящее и тем самым не контролируем зло, которое обличаем. Если уж должны существовать перечисленные опасные с точки зрения моральных последствий профессии — и к ним относится профессия не только военного, но и ученого, — то необходимы обсуждения с участием широкой общественности, процессуально-уголовных кодексов, нормативных документов и должностных инструкций, снижающих опасность подобной профессиональной деятельности. Речь идет о разработке прикладной этики ответственности, включающей в себя список четких правил, нарушение которых не ограничивается моральным осуждением, а контролируется правовыми актами.

Сегодня без этической экспертизы не обходится ни одно решение не только в сфере технологии и политики, но и повседневной жизни. При этом, по заявлениям официальных лиц, 60 % рекламируемых и продаваемых лекарств в лучшем случае безвредны. Парадокс состоит в том, что именно фармацевтические фирмы больше всего ратуют за научную и этическую экспертизу своей продукции. Дело в том, что научность и моральность — это не критерии знания, а сертификаты качества, производство и получение которых является высокодоходным бизнесом. Однако разоблачение знания и морали как формы власти сегодня уже нельзя приветствовать с прежним энтузиазмом. Ответственность состоит в том, чтобы реализовать позитивные последствия превращения знания в товар. Необходимо искать и применять знания и технологии, улучшающие нашу повседневную жизнь, добиваться справедливости в малых делах.

Между тем решение проблемы ответственности интеллектуалов большинству людей видится на пути моральных ограничений научно-технической деятельности. Интеллектуалы, наоборот, счи-

тают, что прежде чем применять моральные требования, необходимо дать им научное обоснование. Научная этика опирается на профессиональный этос исследователя. Его основные черты — это свобода, независимость, нейтральность, объективность, интеллектуальная честность исследователя и аргументированность, обоснованность проверяемость его суждений.

Конечно, профессиональная этика ответственности корпоративна и защищает интересы ученых, врачей, юристов, преподавателей. Но что мешает пациентам и студентам солидаризироваться и добиваться признания своих прав? Так в конфликтах, спорах и переговорах реализуется этика. Попытка написать некий моральный манифест об ответственности малоэффективна. Подписать его — не значит сделать общество гуманнее. Напротив, свободная игра сил на рынке морального признания, общественные дискуссии с участием юристов, политиков, ученых, предпринимателей сделают жизнь более прозрачной и справедливой. На этой основе может сложиться некий кодекс, включающий в себя виды ответственности и критерии их оценки. Достигнутый консенсус будет означать не только достижение «наименьшего зла» от деятельности тех или иных профессиональных сообществ, но и нравственное признание друг друга.

Трансцендентально-прагматический подход обеспечивает формальные условия коммуникации. Конкретные же решения принимаются в ходе содержательных дискуссий, обнаруживающих расхождение в ценностях. Отсюда возникает потребность аналитики опыта переживания и признания ценностей. В своих ранних работах М. Шелер предпринял критику формализма этики Канта с позиций феноменологии. Его вклад состоял в том, что он применил понятие априорности в сфере эмоционального сознания и разработал «материальную» этику ценностей. Обычно она ассоциируется с утилитаризмом, эгоизмом и гедонизмом. Наоборот, согласно этике долга, только формальные принципы могут быть признаны всеми. По Шелеру, Кант испытывал страх перед миром, считал его хаосом, преодоление которого видел в синтетической деятельности рассудка, в его постановляющей, законодательной, упорядочивающей деятельности. Согласно феноменологии, априорные факты не создаются, а основываются на сущностях и поэтому не конструируются, а усматриваются, находятся как изначальные предметные связи. Кант же не дает позитивного определения добра, он лишь устраняет разного рода влияния — природные и социальные. Это наследие пуританства, согласно которому нельзя определить, кто избран. Поэтому и у Канта нет критерия различия добра и зла.

«Формализм» сопровождается эпистемологическим поворотом — онтология трактуется как конструирование реальности. В этике также проблемой становятся ценностные суждения, а не

«материя» суждения, не сами ценности. По Шелеру, они «материальны» и в то же время даны, очевидны до всякого опыта. Даже если бы никогда не было вынесено суждение «убийство есть зло, а благо — это благо», то это оставалось бы несомненным как предпосылка. Нравственный закон есть некий «факт» сознания, то есть материальная этическая интуиция.

Шелер различал противоположности «априорное — апостериорное» и «формальное — содержательное». Первая является абсолютной и основывается на различии содержаний, вторая, связанная с всеобщностью понятий и предложений, относительна. По Шелеру, отождествление «априорного» с «формальным» — это фундаментальное заблуждение кантовского учения. Именно оно лежит в основе этического формализма.

«Материально» априорное есть совокупность всех предложений, которые в сравнении с другими априорными предложениями, например чистой логики, имеют значимость для специальной предметной области. Отсюда отождествление материального и чувственного, априорного и мыслимого является недопустимым. Предикат «чувственное» характеризует не материю, а способ данности. Неправильно думать, будто то, что не дано чувственно, вообще никак не дано и не существует, что оно только примысливается. Неверно путать то, что дано, со способами данности. Шелер писал: «A priori мы называем все те идеальные единства значения и все те положения, которые становятся самоданными в содержании непосредственного созерцания при условии воздержания от всех суждений как о субъекте, так и о предмете»[11]. Даже когда мы заблуждаемся относительно различия «доброго» или «злого», это не отвергает феноменов добра и зла. Сущности и их связи, данные до всякого опыта, априорны. Это не языковые и не логические феномены. Они доопытны в том смысле, что направляют и упорядочивают наблюдение, а также суждение. Они даны до символов и знаков.

Неверно смешивать априоризм и с субъективизмом, ибо это ведет к психологическому истолкованию априорного как «врожденного» знания. Конечно, реальность воспринимает человек, который имеет Я, но это носитель ценностей, а не их предпосылка[12]. Хотя способность к априорному усмотрению может быть врожденной или определяться традицией, сами ценности не являются субъективными. Например, великие люди «теряют себя в ценностях». Свои волевые действия они переживают не как свои чувства, а как «благодать» свыше, понимают себя как орудия, инструменты Бога.

---

[11] *Шелер М.* Человек и история // Шелер М. Избранные произведения. М: Гнозис, 1994. С. 226.

[12] Там же. С. 295.

Существует духовная жизнь, и ее эмоциональная сторона тоже определяется независимыми от телесной организации человека актами. Существует особый априорный «порядок сердца». Ценностные аксиомы не являются модифицированными законами логики. Наряду с чистой логикой существует чистое учение о ценностях. Шелер подчеркивает: «Феноменологию ценностей и феноменологию эмоциональной жизни следует рассматривать как совершенно самостоятельную, независимую от логики предметную и исследовательскую область»[13]. Любовь и ненависть исполняются человеком, но строго говоря, не являются «человеческими» — они подчиняются априорному порядку бытия.

Можно поставить вопрос, кем сконструированы и заданы онтологические ценности? В своем проекте «теоморфной антропологии» Шелер считал это делом Бога. Позднее он искал основания ценностных априори в культуре. Сегодня успехи когнитивных наук позволяют дополнить список методов обоснования «априорного знания». Кроме социокультурных факторов следует учитывать биологию и психологию человека. Современная биоэтика настаивает на «врожденности» альтруизма и эгоизма, связывает их с генетикой. Это принципиально новый подход. «Материальными априори» объявляются не столько ментальные, сколько нервно-мозговые структуры. В свете этих открытий проблема ответственности встает принципиально по-новому. Если генетика определяет, будет человек эгоистом или альтруистом, если мозг принимает решение раньше, чем человек осознал ситуацию, то кого тогда нужно привлекать к ответственности?

Разумен, прекрасен и добр наш мир. Можно ли верить, что он стремится к этому? Или, наоборот, он является абсурдным и, тем самым, худшим из миров? Можно ли оправдать зло и насилие, болезни и смерть, царящие в мире? Такого рода вопросы обычно обсуждаются в плане теодицеи[14].

Благополучные люди мало интересуются онтологическими различиями добра и зла. Они переживают более тонкие чувства и используют более гибкие понятия. Наоборот, те, кто живет в состоянии поражения, испытывают зависть, приходят к ресентименту. Они переживают и описывают реальность посредством понятий истины и лжи, добра и зла, силы и справедливости. Несмотря на то, что современные люди гораздо реже, чем прежде, встречаются с грубыми формами насилия и проявлениями зла, счастливая буржуазная эпоха с ее верой в прогресс уступает место пессимистиче-

---

[13] Там же. С. 283.

[14] См.: *Булыгин Е. В.* Бог, свобода и детерминизм // «Нормативные системы» и другие работы по философии права и логике норм / Отв. ред. Е. Н. Лисанюк. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2013.

ским умонастроениям. Разочарование в идее рациональности на повседневном уровне объясняется тем, что человек не чувствует себя в мире как в доме, он не воспринимается как целое, люди не ощущают сопричастности его отдельных частей.

В этих условиях возможны два варианта существования:

1) восстановить утраченную целостность, либо открыть за этим распавшимся миром новый, более обширный;

2) жить в распавшемся мире без надежды на восстановление его целостности и смысла.

Каждый индивид укоренен в место своего бытия, в свое «историческое априори». И он смотрит на мир не с позиции всезнающего Бога, а с точки зрения конкретного человека. Крестьянин ценит родину, землю, дом, семью, и в этом состоит его святость. Связь с корнями роднит, а не разъединяет людей, если не абсолютизировать и не гипостазировать свои ценности.

Согласно либеральным воззрениям, когда исчезнет вера в абсолюты, люди станут более мирными существами. В принципе, каждое живое существо имеет свой взгляд на мир и свой образ мира. И этот плюрализм неустраним. На самом деле, несмотря на провозглашение «смерти Бога», понимание мира мало изменилось. Даже наука с ее верой в законы природы содержит в себе множество теологических и спиритуалистических допущений. Первый философский вопрос: порядок является «проекцией» разума или, наоборот, разум устроен по независимому от нас порядку бытия? Согласно реалистической позиции, познание является истинным, потому что обнаруживает порядок самих вещей. Наоборот, для Платона, как и для Гегеля, всякое разумное развертывание мира основано на вечной и неизменной идее порядка. Сила идеализма в том, что он объединял людей на основе разума. Конечно, при этом он оправдывал как реальность, так и общественный строй. Нельзя смешивать логическую рациональность и онтологическое единство. Обосновывать свои рассуждения — не значит находить основания для самой реальности. В реальности есть разумное и неразумное, и не всегда добро побеждает зло. Отрицая единство в сфере реальности, приходится оставить его разуму. Единство реальности как целого — это продукт работы разума. Однако в мире есть много бессмысленного и даже абсурдного. Попытка отыскать рациональные основания для всего этого, попытка доказать единство на уровне целого есть не что иное, как возвращение к теологии.

Целостность — не обязательно единство. Их не следует отождествлять. Поиски единства приводят, в конце концов, к допущению единого существа, управляющего миром. Поэтому лучше придерживаться плюралистической модели целостности, которая обеспечивает не столько точное познание, сколько ориентирование. Например, Ж. Деррида отвергал идею единого мирового порядка и

предлагал взамен нечто вроде принципа баланса, когда порядок и беспорядок оказываются взаимосвязанными и взаимозависимыми.

Порядок должен удовлетворять не только логическим и теоретическим условиям непротиворечивости, но и эстетическим принципам единства и гармонии. По Платону, порядок не сводится к рациональности. Прекрасный и справедливый Космос, говорит нам Платон, — это то, что осуществляет художник, прекрасно справляющийся со своим ремеслом[15]. Чтобы причина мира была познана как «божественная», необходимо чтобы она образовала прекрасный и справедливый порядок. Согласно Платону и Гегелю, мировое целое не является рациональным и разумным, но только реальным, или существующим. Стоики утверждали, что так называемое зло необходимо для определения блага. Поэтому порядок целого является благим для мудреца.

В наше время абсолютно неразумное представляется неустранимым. Отсюда мы уже не можем брать на себя ответственность за все происходящее на земле. Универсальные системы оказались дискредитированными, когда эпоха сделала людей более восприимчивыми к насилию, несправедливости и другим несчастьям. Время догматических ответов прошло. Платон, Аристотель, Декарт, Кант, Гегель или иные авторы раскрывают перед нами не непреодолимую и незаменимую истину, а конкретную истину. Никакая философская истина не может быть установлена в абстрактной независимости от мира, никто не может оторвать себя от влияний времени, чтобы успокоиться в каком-то укрытии. Любое стремление абсолютизировать, то есть овеществить, независимые истины, абстрактно изолированные от живой полноты настоящего, отвергается, и тем не менее то, что выражает себя, и есть абсолютность мира.

Нельзя согласиться с Достоевским, что после «смерти Бога» все позволено. Несмотря на невозможность доказательства его существования, религия поддерживается традицией и верой. И это позволяет совместить абсолютный беспорядок и существование зла в творении с божественной мудростью. Она позволяет также разметить границы любой философии истории. Хотя бедствия и несчастья индивида не находят своего оправдания в истории, разумное существо должно верить в моральный прогресс. Когда ничто не объединяет элементы, когда между ними абсолютно полное разъединение, когда один элемент оказывается изолированным от всей совокупности, можно говорить об абсолютном беспорядке. Он имеет место, если человек отворачивается от людей из-за озлобленности, несчастья или безумия. Все это приводит к осознанию

---

[15] *Платон.* Тимей // Платон. Соч. в 3 т. Т. 3, часть 1. М.: Мысль, 1971. С. 471.

того, если бы мир был изменен таким образом, что были бы уничтожены социальные условия, в которых человек был униженным существом, то порядок, достигнутый революционным или нереволюционным способом, не был бы, в принципе, универсальным. Всегда будут обособленные души, извращенные желания, больные дети или жертвы.

В итоге следует признать некую мирную разновидность разума, который удовлетворяется не всей истиной, а истиной в определенном отношении, необходимой, чтобы жить и управлять собой. Хотя имеются удовлетворительные и полностью законченные ответы, приходится всякий раз давать самому себе свой собственный ответ. Приемлем такой ответ, который не запрещает других мнений.

1.2. Ответственность, право и насилие

В условиях повышения народного благосостояния, облегчения физического труда, справедливого распределения общественного богатства, социального равенства и свободного доступа к культурному богатству мораль, право и разум становятся общепринятыми и эффективными способами оценки ответственности за принятие решений. Парламенты и прочие общественные организации — разного рода общества защиты прав заключенных, пациентов психиатрических клиник, потребителей, детей, наконец, животных, этические комиссии — все это эффективные в нормальной ситуации гражданские институты.

По Канту, каждый человек может пользоваться равными свободами, открыто провозглашенными принудительными законами. Однако это формальное условие не определяет, кто с кем объединится на этой основе. Как определить базовую совокупность тех лиц, с которыми должны быть легитимно соотнесены гражданские права? Как можно быть уверенным в том, что другой будет поступать так, как и ты, всякого ли другого признают равным себе? Так, американцы признавали европейцев, но боялись и ненавидели индейцев, за скальп которых выдавалось сто долларов до 1860 года. Но даже в рамках своего мира народ определялся по отношению к чужому. Прежде чем говорить о формальном праве на участие в демократическом процессе, следует решить более важный вопрос о том, как совокупность людей превращается в «народ». В ходе французской и американской революции граждане боролись за свои республиканские свободы либо с собственным правительством, либо с колониальным режимом, что и задавало границу своего и чужого.

Наиболее естественным ответом на поставленный вопрос является ссылка на существование национального государства, в кон-

тексте которого, собственно, и может быть осуществлен демократический процесс. Та или иная народность применяет право на национальное самоопределение. Однако такой путь опасен для мультинациональных государств, которые будут вынуждены устраивать этнические чистки. Но и национальное гомогенное государство формировалось не в пустоте, а в борьбе с соседями, охватывало и ассимилировало другие этносы. Репрессии приводили в протесту, но добившиеся самостоятельности этнические нации сами начинали преследовать чужих, прибегали к насилию вплоть до физического уничтожения.

Очевидно, что с целью преодоления подобных эксцессов следует во главу угла поставить права человека, которые нарушаются не только в многонациональных, но и в гомогенных национальных государствах. Отсюда возникает вопрос о границах права наций на самоопределение. Пока граждане пользуются равными правами и никто не подвергается дискриминации, не существует нормативных оснований для отделения. Однако на практике обнаруживается, что нередко именно демократический процесс, осуществляемый большой нацией по отношению к малой, разрушает ее культурную идентичность. Право вовсе не нейтрально, оно радикально меняет личный образ жизни, затрагивает семью, брак, воспитание детей, язык, образование и т. п. Как могут быть урегулированы подобные вопросы, если отказаться от скрытого насилия? Очевидно, что их нельзя решить путем бесконечной фрагментации общества. Выход видится в различии не только культуры большинства и меньшинства, но и в формировании такой общей политической культуры, которая не навязывала бы меньшинствам традиции, ценности и права большой нации. Согласно принципу мультикультурализма, члены каждой культурной группы должны разделять общий политический язык и сформулировать правила участия в борьбе за реализацию собственных интересов.

Согласно принципу толерантности, включенность другого осуществима в плоскости рациональных переговоров, то есть коммуникации. Однако есть множество теоретиков государства и права, таких как Макиавелли или Ницше, которые защищают политические машины от толерантности по отношению к чужим. В своей «Истории Флоренции» Макиавелли рисует моральных правителей как худших разрушителей государственной машины. Насилие по отношению к тем, кто нарушает нормы и правила поведения того или иного сообщества, казалось ему неизбежным.

Мораль и право запрещают насилие, и это сохраняет порядок в нормальном состоянии общества, однако в экстремальных условиях сопротивление злу силою неизбежно. Поэтому приходится оценивать события и действовать сообразно требованию выбора наименьшего зла. Например, К. Шмитт писал о том, что в некоторых

обстоятельствах оправдана даже диктатура. Однако сам он был непоследователен и критиковал деятельность нюрнбергского суда в отношении фашистских преступников. Он полагал, что их судили как исчадия ада, как инкарнацию дьявола и воплощение мирового зла. Это был не суд, а нечто вроде моральной инквизиции. Это совпадало с позицией Х. Аренд, которая призывала израильских судей к сдержанности в отношении А. Эйхмана. По ее мнению, способность суждения должна включаться и в моральную и в правовую оценку. Без этого, как доказывал Ницше и другие «имморалисты», христианская мораль нередко становится источником «морального бешенства». Отсюда народный здравый смысл, который нередко обвиняют в оправдании преступников, неприязненно относится и к святошам, и к правозащитникам. Л. Толстой считал это проявлением «власти тьмы» и непримиримо отстаивал абсолютность морали.

Между тем в реальной ситуации несправедливости, неравенства, обмана, принуждения, насилия, эксплуатации и т. п. чтобы сохранить жизнь, свободу и человеческое достоинство, приходится действовать по принципу наименьшего зла. Например, революции оправданы в том случае, если власть не только экономически эксплуатирует народ, но и посылает бедных воевать за интересы богатых. При этом революционная диктатура с ее народными трибуналами неизбежна. Важно чтобы она не перерождалась в террор и заканчивалась в нормальных условиях.

Естественное право не видит никаких проблем в использовании насилия для достижения справедливых целей. В этом случае оно считается естественным, а потому законным. Оправданию насилия во многом способствовала не только Французская революция, но и дарвиновская теория борьбы за существование. То, что казалось в эпоху Дарвина естественным законом, на самом деле было инспирировано законами существования в условиях капитализма, схваченными Мальтусом.

В рамках положительного права насилие расценивается с точки зрения не целей, а средств. Насилие нельзя оценивать критерием справедливости, который применим к целям. Хотя насилие как принцип подлежит нравственной оценке, лучше оценивать его критериями законности, применяемыми для оценки средств. Справедливые цели должны достигаться законными средствами, а оправданные средства могут быть использованы для достижения справедливых целей. Однако позитивное право слепо в отношении безусловности целей, а естественное — в отношении законности средств.

Теория позитивного права является приемлемой при оценке разных видов насилия независимо от случаев его применения. Она различает исторически признанное и не санкционированное наси-

лие. Однако для различия между необходимым и неоправданным насилием, для оценки насилия с позиции справедливых и несправедливых целей нет четких критериев. Обычно насилие подвергается критике при достижении как естественных, так и правовых целей. В позитивном праве допустимы лишь юридически оправданные цели, достигаемые законными средствами. Естественные цели входят в противоречие с правовыми, если достигаются средствами, подрывающими правопорядок. Право монополизирует справедливость в руках государства и не разрешает индивиду использовать насилие. Таким образом, место различия «справедливое — несправедливое» занимает различие «правовое — не правовое».

В рамках теории позитивного права неопределенным остается вопрос о допустимости самообороны. Кроме того, не объясняется сочувствие народа по отношению к преступникам. Наконец, остается проблема легитимности революций и забастовок. Конституция не считает допустимым ни насильственное свержение существующего строя, ни право на всеобщую забастовку. Однако как быть в том случае, если власть не соблюдает интересов народа? Можно ли считать забастовку, как форму бездействия, насилием, если речь идет о реакции на насилие работодателя?

Ж. Сорель различал политическую и всеобщую забастовку. При политическом перевороте власть переходит от одной элиты к другой. Всеобщая же забастовка направлена против государства как такового. Первая форма протеста является правоустанавливающей, а вторая — анархической. Сорель отклоняет любые правовые ограничения революционного движения. Революция — это ясный простой бунт. Наоборот, забастовки — это чаще всего безнравственное вымогательство.

Если понимать право как основу порядка, необходимого для мирного существования, то для его сохранения допустимо и насилие. Институт полиции соединяет правоустанавливающее (инструкции) и правоподдерживающее насилие. Отсюда возможность правонарушений в полиции. Ее существование, по сути, означает, что государство не может достигнуть своих целей посредством права. Если в монархии полиция выглядит как естественный атрибут власти, то при демократии ее действия часто вызывают возмущение. Хотя правоподдерживающее насилие оправдано угрозой в отношении жизни и собственности граждан, но в определенном смысле сам закон, как показал Ф. Кафка, является угрозой для конкретных людей. Мифическая двусмысленность закона проявляется в том, что его нельзя переступать. Бывает, что законы не прописаны, и когда не знающий о них человек переходит границы дозволенного, он обречен на возмездие.

Нельзя не замечать двусмысленности права, в основе которого лежит правоустановливающее и правоподдерживающее насилие.

Но можно ли снять противоречие интересов, не опираясь на насилие? В голову приходит христианское прощение и покаяние или их варианты в стиле Достоевского и Толстого. Кроме принципа совести можно вспомнить о развитом чувстве стыда в примитивных общностях или о чести в сословном обществе. Ненасильственное урегулирование конфликтов не может опираться на правовые договоры, так как их неисполнение тоже приводит к применению насилия. Без насилия право перестает существовать. Даже парламент был продуктом революционного насилия. Да и сегодня он не является ненасильственной формой снятия конфликтов, так как опирается на право, в основе которого лежит насилие. Это подтверждается тем, что компромисс и договор чаще всего имеют вынужденный характер.

Правоустановление — это акт непосредственной манифестации насилия. Согласно Руссо, насилие учреждающего действия является гарантией власти. Что же кладет предел правоустанавливающему насилию? В. Беньямин считал, что подавление одного насилия другим (правоустанавливающим) подрывает его легитимность. Он выдвинул концепцию правоуничтожающего «божественного насилия», которое не вызывает чувства виновности и греховности, а действует искупляюще. Божественное насилие не является правоустанавливающим. Оно является уничтожающим, искупительным в отношении собственности и других благ, но не в отношении другого. Что касается опасности его допущения, то оно ограничено заповедью «Не убий». Это не закон и не угроза наказания. Это не мера приговора, а руководство к действию, обращенное к индивиду.

Итак, насилие прерывается революционным насилием, отменяющим право вместе с сопутствующими формами насилия. Насилие по ту сторону права — это революционное насилие. Праведная война, божественный суд толпы над преступником — это формы божественного насилия. Они не являются ни правоустанавливающим, ни правоподдерживающим насилием. «Божественное же насилие, которое является знаком и печатью, но никогда средством священной кары, можно назвать властвующим (*waltende*)»[16]. Пожалуй, убийство в случае самообороны допустимо. Тот, кто это совершает, берет ответственность на себя. Но в отношении остального, например революционного, насилия, которое допускал Беньямин, остаются сомнения. Можно ли расценивать революционное насилие как необходимую самооборону одного класса или народа против другого?

Ненасильственные отношения между людьми опираются не на право, а на культуру сердца. Вежливость, симпатия, миролюбие —

[16] *Беньямин В.* Критика насилия // Беньямин В. Учение о подобии. Медиаэстетические произведения. М.: РГГУ, 2012. С. 95.

вот основы ненасилия. Они реализуются на основе специфической технологии, например, беседы, диалога и иных форм соглашения. В раю нет места вражде и, следовательно, политике. Райская коммуна — это друзья, это место реализации этического отношения друг к другу. Но и после убийства Авеля Каином встреча с врагом не заканчивалась фатально в масштабах целого. Люди продолжали жить вместе, мирились с врагами и соседями. Как залечиваются раны войны? Чтобы ответить на этот вопрос, надо выходить в сферу психоистории и рассматривать эволюцию сознания как победителей, так и побежденных. Сегодня, несмотря на победу в Великой отечественной войне, у старшего поколения россиян сформировалось сознание побежденных. Совсем иначе чувствуют себя немцы, которые удачно, без ресентимента и жажды реванша, вышли из постстрессовой ситуации и уверенно лидируют в новой Европе. Нечто подобное происходит сегодня в сознании жителей Кавказа, которые осознали предательство элиты, втянувшей их в войну за независимость.

1.3. Ответственность и способность суждения

В связи с судом над фашистским преступником А. Эйхманом в Иерусалиме в 1961 году у Х. Аренд возник вопрос об ответственности подсудимого и ему подобных. Проявилась ли способность суждения у тех, кто выносил Эйхману приговор в Иерусалиме, а также у американских евреев? Действовали все они под давлением обстоятельств или непосредственных переживаний? Верно ли утверждение К. Шмитта, что в Нюрнберге подсудимых считали некими моральными чудовищами — инкарнацией зла и на этом основании выносили приговоры? Если верно, тогда приговоры не были проявлением способности суждения. Суждение требует понимания.

У Канта в «Критике способности суждения» суждение не сводится ни к логическому выводу, ни к философской истине, претендующей на универсальность и абсолютность[17]. Х. Арендт опиралась на аристотелевскую теорию «фронезиса», но пыталась связать ее с суждениями вкуса Канта. Более того, она попыталась доказать, что понятие «вкус» применимо не только в эстетике, но и в политологии. У Канта этот феномен вообще универсален.

Слово «вкус» несомненно, имеет гастрономическое происхождение, но используется и для оценки эстетических феноменов. Хотя нет общепризнанных критериев прекрасного, тем не менее люди достигают согласие в оценках. Но это осуществляется не так,

---

[17] *Аренд Х.* Лекции по политической философии Канта. СПб.: Наука, 2011.

как в науке, где оперируют только доказательствами и фактами, даже если их не признают. Мыслитель и ученый имеет дело с природой или истиной. Признание прекрасного подразумевает диалог. Суждение вкуса коммуникативно, оно выносится публикой, сообществом любителей прекрасного. Своеобразие вкуса состоит в том, что оно не наделено логической необходимостью и фактической подтверждаемостью, но при этом обладает статусом всеобщности.

Точно так же, рассуждала Х. Арендт: в политике люди выступают на сцене жизни, и мнение относительно их действий выносит общество. Философ ищет ответ на метафизические вопросы в одиночестве. Он не находит ответа и тем не менее не оставляет поиск. «Критики» Канта — это постановка под суд разума не только науки, но также религии и политики. Именно они реализуют проект Просвещения. «Вторая критика» тоже не предполагает коммуникации общественности. Ответ на вопрос «что я должен делать?», «на что я могу надеяться?» дает воля. Кант кладет в основу практической философии свободу, однако ограничивает автономность человека нравственным законом.

На самом деле Кант выступает от лица общественности, публики. Это настоящий переворот в философии. Обычная модель — это мыслитель, противостоящий толпе, один на один общающийся с истиной. Кант же говорил о публичном применении разума.

Вопрос о формировании общества заинтересовал Канта, после того как американские колонисты приняли конституцию и объединились в государство. Государство — это не органическая целостность, а конструкт. Не почва и кровь, а публичное применение разума в науке, праве, религии — вот что главное в обществе.

Если вернуться к вопросу об ответственности в политике, то она уже не воспринимается как «драка в посудной лавке», где критерий рациональности попросту не работает. То же и в искусстве. Считается, что о вкусах не спорят, однако представление о прекрасном возникает именно в публичном споре. Таким образом, только публичность определяет меру ответственности политических и юридических решений.

Люди, до каких-либо этических и правовых рефлексий, решают, как им жить. Они оценивают свое положение исходя из собственных переживаний. Это непосредственный опыт. Но можно ли ему доверять? Одни считают себя бедными и угнетенными и протестуют, а другие терпеливо несут свой крест. Насколько долго может продолжаться игра труда и терпения? Она была устойчивой, когда существовала вера в загробное воздаяние. Ее дефицит обернулся социальными взрывами. Поэтому в нашу секулярную эпоху лучше не доводить общество до нищеты и не обрекать людей на бытие в экстремальных обстоятельствах. Рецепты экзистенциальной философии, может быть, и годятся для пробуждения нравст-

венных качеств индивида, но явно не срабатывают в коллективах. Ответственность состоит в том, чтобы всеми силами избегать возникновения чрезвычайных ситуаций. В плохом обществе не поможет хорошая мораль. И наоборот, если общество будет улучшаться на основе современных технологий, то отношения людей станут более гуманными.

Кантовская моральная философия раскрывала ответственность в терминах долга. М. Шелер критиковал ее за формализм, а Ницше в работе «К генеалогии морали» упрекал ее за использование в качестве посылок того, что само нуждается в доказательстве, и реконструировал «доморальные» формы ответственности, сложившиеся в рамках первобытных коллективов — родовых общин, в которых воспитывались люди с обостренной ответственностью и чувством долга. Вместе с тем, община в описании Ницше напоминает преступное сообщество, где господствуют «авторитеты». Скорее всего, прообразом такого истолкования служат пустые и холодные социальные пространства современности.

Исходным опытом ответственности являются отношения матери и ребенка. Это близкие взаимодействия, отношения включенности. Здесь культивируется забота, дружелюбие, доверие. Эти отношения описываются понятием дара, а не долга. Конечно, они характерны для приватных, интимных, дружеских отношений с ближайшими родственниками, но их значение огромно. Ребенок, выпестованный такими технологиями, оказывается более коммуникабельным и ответственным в социальном смысле.

Ответственность за другого — подлинно этическое первичное отношение, характеризующее заботу о подрастающем поколении со стороны родителей, воспитателей, педагогов, вообще старшего поколения. Процветают такие общества, которые инвестируют в подрастающее поколение. Согласно теории человеческого капитала, инвестиции в воспитание и образование являются самыми выгодными. Настоящий материнский капитал — это дети, а забота родителей о детях — это высоко оплачиваемый труд. Конечно, это утверждение не укладывается в финансовую схему, которая к тому же весьма лукавая. Стимулируется количество, а не качество детей. Между тем, ответственность перед поколениями состоит в улучшении и генетического, и культурного наследства. Вести здоровый образ жизни, проявлять теплоту и заботу в отношении детей, заниматься их воспитанием и образованием — все это формы проявления ответственности.

Этика ответственности не сводится к долгу. Она предполагает не столько морализацию, сколько любовь и уважение к другому, внимание к нему. Это экзистенциальные события, предполагающие включенность, сопричастность, содействие. Поэтому ответственность следует эксплицировать в терминах дара, а не обмена. Се-

годня этика во многом подчинена экономике — сколько ты мне, столько и я тебе. На самом деле, личностные качества являются востребованными в рамках не только семьи, но и общества в целом. Формальные, безличные отношения не исчерпывают сложную ткань социальных взаимодействий, человеческие объединения по-прежнему связывают отношения любви, доверия, дружественности, соучастия, сострадания, терпения и, конечно, гостеприимства.

Чувство ответственности — одно из самых сильных у человека. Но что такое ответственность? Она не сводится к закону, так как само право часто является объектом критики. Она не совпадает и с моральным или нравственным осуждением, так как иногда оправдывает насилие. Ответственность не исключает силу и власть, но не сводится к любви и дружбе. Будучи непонятной, «мистической» и непостижимой, ответственность тем не менее присутствует во всех человеческих переживаниях и оценках, включая отношения человека к другим людям и к природе. Ответственность — это «духовный», «человеческий» феномен (например, говорят о «духе законов»), но в какой-то мере она «материальный», или объективный, порядок, то есть включает в себя представление о гармонии и соразмерности сущего. Ответственность не сводится исключительно к любви, добру и благу, а подразумевает возможность утраты, жертвы, насилия и принуждения. Она действительно близка к мере, взвешенности, равновесию и в этом смысле не чужда понятию суда. Неправедный суд — это нечто вроде обвеса фальшивыми гирьками. Но как мы можем быть уверены, что эталоны не поддельны? Абсолютная ответственность оказывается безмерной, ибо отсутствует возможность ее определения. Она используется как основание права или моральной оценки, но сама не имеет основания. Она относится к разряду высших ценностей, но неприменима в конкретных случаях и этим отличается от юридических законов. Неудивительно, что она оказывается либо совершенно бессильной и принадлежит к идиллически-идиотическому царству любви князя Мышкина, либо, напротив, слишком жестокой и репрессивной, ибо для своего исполнения вынуждена прибегать к силе. Революционный трибунал и террор, разного рода чистки (этнические, религиозные, классовые и т. п.) — все подается как выражение высшей справедливости. И это настораживает. Таким образом, дискурс ответственности оказывается подчас весьма жестоким и нуждается в особо тщательном контроле. Как обличение неправедности любой власти он подобен взрыву бомбы. Ярким примером служат моральные сочинения Л. Толстого, отрицавшего науку, искусство, государственность.

Ответственность «функционирует» как право или нравственность. Прямой способ изрекать ее, будь-то критика или проповедь, хотя и кажется честным, однако не дает желательного результата и

приводит к опасным искажениям. Поистине она оказывается чем-то таким, о чем следует молчать, ибо язык уже содержит интенцию насилия.

Поскольку ответственность, так или иначе, определяется по отношению к силе, отталкиваясь от нее или тяготея к ней, то ей необходимы меры предосторожности, чтобы не остаться бессильной, либо, напротив, будучи ангажированной властью, не послужить для нее средством и инструментом. «Есть риск, — пишет Деррида, — что редукция права к силе, реконструкция повлечет за собой темное, оккультное или субстанциалистское»[18]. Действительно, при обсуждении ответственности легко скатиться к оправданию силы и даже насилия.

Что заставляет людей выполнять предписания, следовать в заданных рамках и не переходить границ? Как объяснить «мистическую» силу порядка? Является он результатом соглашения и добровольного признания, следствием рациональности или за конвенциями скрывается сила тех, кто говорит? Ведь если приказ отдан слабым и не авторитетным руководителем, то он не выполняется. Более того, если приказ представляет слабую диффузную или находящуюся в состоянии кризиса структуру, то ответственность берут на себя «полевые командиры».

Кажется естественным говорить, рассуждать (судить) о праве. Но это означает господство языка над судом. Все субъекты должны его понимать, чтобы судить на его основе. Ответственность в таком случае состоит в неправильном понимании и интерпретации законов, то есть языковой некомпетентности. Насилие состоит в абсолютизации языка отдельной группы, который навязывается обществу. Ответственность предполагает консенсус власти и жертв насилия. Ее субъектом является человек как говорящее животное. Таким образом, разделение права и бесправия связано с антропологической проблематикой, например, с разделением животного и человека. Субъектом права является человек (европеец), потому что он может в принципе быть объектом насилия. Ответственность получает определенность как граница и масштаб, как такой ограничительный аппарат, который делает возможной культуру. Необходимо возвращение к истории, генезису, смыслу, к границам понятий справедливости, права, закона.

Как известно, юристы столь давно и безуспешно ищут общее определение права, что, кажется, осознали саму неправомерность такой задачи. Попытки определить существо права, в его полноте и законченности, были безуспешны, ибо в конце концов опираются на какое-то интуитивное понимание: право — это то, что функцио-

---

[18] *Derrida J.* Gesetzkraft. Der «mystische Grund der Autorität». Frankfurt am Main: Surkamp Verlag, 1998. S. 14.

нирует как право, право — это установленный порядок внутри общественного союза. Нередко делается попытка основать право нравами, которые также имеют характер общественных норм. Тогда право относится к внешнему поведению, а нравы — к внутреннему, то есть сближаются с моральными переживаниями. Определение права как системы принудительно действующих норм тоже не корректно, так как целый ряд норм международного права не имеет принудительного характера. В юриспруденции мы находим поразительно тонкую классификацию всевозможных видов, подвидов и разновидностей права: публичное, международное, государственное, гражданское, семейное, наследственное, вместе с тем, в юридических науках отсутствует единство в понимании права как такового.

Если прямые попытки определения не удаются, обычно предпринимаются опыты сравнительно-диалектического определения через «иное» или «противоположное». Именно поэтому право часто определяется через нравы, соотносится с моральными чувствами и т. п. Но тогда можно попытаться либо искать «общий корень» того, что раздвоилось, то общее понятие, подвидами которого являются понятия долга и «любви к ближнему», либо применить «апофатически-генеалогический» метод, то есть использовать методы отрицательной теологии, ницшеанской генеалогии и негативной диалектики. Юристы и моралисты, при всех их спорах и взаимных обвинениях в пренебрежении к своим понятиям, оказываются взаимосвязанными и зависимыми друг от друга. Одни находят основания для определения своих понятий в дискурсе других. Обычно противопоставляемые понятия морали и права, чувства и долга оказываются родственниками, членами семьи.

Генеалогия Ницше находит это общее в понятии власти. Право и мораль — две формы самоопределения воли к власти. Если избегать искушение отдавать кому-либо предпочтение, оставаться на точке зрения их взаимной игры и, тем самым, дополнительности, то открывается поле коммуникации между моралью и правом как взаимными противовесами. Автономные теории права и морали отвергают друг друга, но в жизни право и мораль должны найти соединение.

Кто является субъектом ответственности: сочувствующий бедным«большой барин» или человек, оказавший помощь в критической ситуации; действующий по какой-то внешней причине или повинующийся некоему внутреннему чувству? Не унижает ли благодеяние и всегда ли помощь приносит пользу? Почему иногда люди отвечают на добро злом? Почему люди, «выскочившие из грязи в князи», чаще всего оказываются безответственными и неблагодарными?

Несет ли ответственность тот, кто принимает дар? Может быть, чтобы не оказаться приживальщиком, облагодетельствованный

непременно обязан отвечать добром на добро? Как человеку преодолеть врожденный эгоизм, онтологическую неблагодарность и быть благодарным родителям, учителям, всем тем, плодами труда и творчества которых он пользуется.

Но это слишком фундаментальные вопросы. В повседневной жизни для поддержания нормальных отношений между людьми важны этические акты, так сказать, «второго эшелона». К ним можно отнести сострадание, прощение, извинение и, конечно, терпение, уважение и благодарность. Именно благодаря им создается то, что можно назвать моральной общностью. На них же основывается гражданское общество. Они вторичны потому, что являются реактивными, то есть отвечают на первичные действия, наносящие вред или, наоборот, как в случае с благодарностью, дающие благо. Но это не значит, что они причинно обусловлены. «Я прощаю, потому, что он не виновен» — звучит бессмысленно, так как невиновного не нужно прощать. «Я прощаю, потому что он грешник» — тоже звучит странно и, в сущности, по-мазохистски. Прощение предполагает борьбу прежде всего с собственной обидой или ненавистью. Столь же непростым является чувство благодарности. Подчинив «благодарность» обмену, можно рассматривать ее и как вымогательство. А в борьбе с коррупцией можно легко переступить тонкую грань, разделяющую взятку и благодарность. Тогда этика дара и культура подарка окажутся интернированными.

1.4. Прощение и память

Мы живем в парадоксальной ситуации девальвации прощения и одновременно потребности в нем. С одной стороны, прощение становится проблемой, потому что не является абсолютным. Как правило, осадок обиды всегда остается в сознании униженных и оскорбленных. И еще вопрос, все ли можно простить. Даже Достоевский — «апологет» покаяния и прощения не мог простить Богу страданий маленьких детей. С другой стороны, в обществе работает некая «машина прощения», направо и налево раздающая индульгенции на том основании, что, как говорил Шекспир, нет в мире виноватых. У каждого есть свои причины поступить так, а не иначе.

Кажется, что правовое государство, где каждому воздается по заслугам и делам, не нуждается в прощении. Если преступник нанес ущерб, то получает заслуженное наказание. Может быть, таким путем достигается справедливость, но обида не только остается, но после решения суда еще и удваивается. Преступник тоже обижен и горит местью. Не случайно Достоевский считал, что общество восстанавливается только в результате покаяния преступника и прощения со стороны потерпевшего.

Проблема прощения сталкивается не только с психологическими и социальными трудностями. На философско-теологическом уровне тоже существуют свои вопросы. Почти невозможно выявить и определить чистое прощение, которое дается сердцем, за многочисленными эмпирическими суррогатами, таящими в себе обиду, злопамятство, расчет или корысть. Но даже такое относительное, формальное, вынужденное прощение лучше злопамятства, которое является разновидностью холодной войны.

Стоит отделять психологическое и моральное прощение. В первом случае речь идет о преодолении личной обиды, во втором — о ценностях, о зле и грехе. Кажется, что ближе всего к прощению стоит милосердие. Но на самом деле они различаются. Все-таки прощение — это весьма яркое драматическое событие. А милосердие дышит каким-то стоическим холодом. В сущности, оно есть всепрощение, которое не знает ни глубины зла, ни жгучей обиды. Милосердие присуще людям с толстой кожей, которые не чувствуют ни оскорблений, ни вины. Оно присуще богатым или великим людям, которые живут слишком высоко над морем людских страстей. Им, в сущности, нечего и некого прощать. Они одиноки и для них обидчики находятся слишком далеко. Но даже если речь идет о милосердии щедрой души, то все равно она не знает обидчика, ибо не вступает с ним в тесные и близкие отношения. Щедрая душа всем улыбается, осыпает подарками и добрых и злых, ей не присуще злопамятство, но она не чувствует и благодарности. Так же неуязвим и мудрец-стоик, который говорит, что дело не в обидчике, а в нас, в том, как мы оцениваем, что мы думаем о его поступке. Стоики говорят, что время лечит. Можно ли в этом случае говорить о прощении? Обиду мы испытываем по отношению к личности. Прощение в этом случае означает не только признание другого, но и включение его в моральное сообщество.

Наказание, на первый взгляд, делает прощение ненужным. Преступник отсидел положенный срок и вышел. Он не чувствует никакой вины. Поэтому прощение всегда относится к неискупленной вине. Его нельзя надолго откладывать. Прощать — значит избавлять от наказания, от чувства вины.

Наше сознание протекает во времени. Но нельзя сказать, что оно прогрессирует по дарвиновской формуле эволюции. При чтении книг по истории охватывает ужас: почему люди постоянно обманывают, грабят, дерутся и убивают, почему они не становятся лучше? Сознание даже самого прогрессивного человека содержит много архаичного. Человек обижается, лжет, лелеет злобу, ненавидит, ищет врагов. Он дольше помнит плохое, чем хорошее. Кажется, ненависть не подвластна времени. Но все же кое-что происходит. Реальный обидчик постепенно уступает место вымышленному и превращается в фантазм. Без него ничего бы в истории не проис-

ходило. Именно фантазм дает энергию как любви, так и ненависти. Злопамятство, с одной стороны, это сгусток старых обид, напоминающий непереваренную пищу, а с другой стороны, это работа конструирования образа врага, который компенсирует собственную недостаточность. Лучшее будущее не приходит потому, что этому мешают враги. И все же время как-то лечит. Вспомним «Выстрел» Пушкина. Сначала обиженный откладывает возмездие, чтобы прийти тогда, когда жизнь будет наиболее дорога обидчику, но, дождавшись подходящего момента, оказывается не готов насладиться местью и в последний момент отказывается от выстрела. Скорее всего, во времени происходит эрозия ненависти, она соприкасается с повседневностью, опошляется, приступы злобы становятся реже. Человеческая душа пластична — нет оскорблений, которые не забывались бы с течением времени. Может быть, когда человек тешит себя мыслью о мщении, его злоба притупляется. Человек мстит мысленно, а не на самом деле — и это уже хорошо. Он не создан для вечных мук: они — удел жителей ада.

Итак, время как бы изнашивает ненависть. Но этика принимает во внимание усталость души как нечто постыдное. Действительно, забвение обиды — это хорошо, но забвение любви и благодарности — это плохо. Таким образом, приходится допустить плохую и хорошую память. Одна — открытая, она освобождает место для хорошего будущего, другая, наоборот, состоит в охлаждении души, которая становится безучастной («добру и злу внимая равнодушно»).

Благодарность отвечает добром на добро, а неблагодарность — злом на добро. Наоборот, прощение — это ответ добром на зло. Оно похоже на проявление благодати. Подлинное прощение — это дар одной личности другой. Забвение же не есть подлинное прощение. Примирение как результат улаживания конфликта, конечно, выше забвения. Оно связано с отказом от крайностей и способствует интеграции людей. Но в моральном отношении конфликтология неполноценна, ибо сохраняет груз обид.

Все-таки прощение — это некий сакральный акт, по жизни, чаще всего просятся к обсуждению темы доверия, понимания, извинения. Ведь если существует зло, воплощенное в дьяволе или каком-либо земном злодее, то на них может быть возложена и вина. По сути, так человек разгружается от ответственности — чем злее дьявол и его инкарнации, тем меньше вина человека. Если есть мировое зло, то прощение выступает как извинение, которое, строго говоря, не является прощением, оно основано на допущении безгрешности, невиновности обидчика.

Сложнее отношение прощения и понимания. Существует поговорка: «понять — значит простить». Это силлогизм, логическая истина, почти причинно-следственная взаимосвязь. Но насколько

близко понимание подходит к прощению? Смущает жесткость понимания. В прощении есть свобода, дар, нравственное признание. В рассудочном понимании нет ни обидчика, ни оскорбленного. Есть ссылка на стечение обстоятельств, на ход причин и следствий. Понимание разрушает уловки злопамятства, ложь и фантазмы, делает отношения людей более прозрачными. Но понимание — это не прощение, а его условие и предпосылка. Понимание с этической точки зрения — это признание другого. А признание другого личностью и есть первый шаг на пути прощения.

Рассудочное прощение — это, скорее, извинение, означающее несуществование проступка, отсутствие греха. Прощение и покаяние не сводится к рефлексии — это акт сердца, акт спасения, вызывающий перерождение. Извинение возвращает к прежней жизни, а раскаявшийся и прощенный блудный сын уже не тот, что прежде. Великодушное прощение — это личностный творческий акт, открывающий новую эру. Оно всегда коммуникативно. Вне рамок закона, отказываясь от своих прав на возмещение ущерба, великодушный человек растапливает застывшие, злопамятные души других. Но отсюда и ответственность прощения. Непротивление злу — это пассивное отношение к дурному поступку. Прощение же обращено к греховному лицу. Будет ли оно во благо тому, кто прощает, не становится ли прощающий соучастником зла? Наверное, правильно сказать, что прощающий не меняет оценки греха, а превращает ненависть в любовь и тем самым обеспечивает возможность вечного мира. В терминах экономики можно сказать, что прощение открывает злым неограниченный кредит, который будет исчерпан, когда злодею надоест творить зло. Угрызения совести и покаяние обеспечивают смысл прощения.

Все ли можно и нужно прощать? Прощение не предназначается для самодовольных нераскаявшихся виновных. Да они его и не просят. Тогда с какой стати их прощать? Более того, поспешное братание с палачами превращает прощение в фарс. Можно ли, провозгласив эру всепрощения под названием толерантность, списать все долги? Конечно, и в терпимости есть свой резон. По большому счету, тот, кто прощает, признает грешника, подразумевая, что и сам не без греха и мог бы оказаться на его месте.

Легче всего, разделив историю на черную и белую, оценивать в соответствии с этим прошлое и настоящее. Но можно ли оценивать прошлое по меркам настоящего? Или заниматься селекцией и интерпретацией исторической памяти, превращая историю героев в историю жертв. Выход в том, чтобы добиться действительного плюрализма и раскрыть многомерность истории. Наряду с партийной и диссидентской историей существует история частной жизни людей, мнение которых должно учитываться. В эпоху разложения коллективных ценностей растет интерес к собственной памяти как

способу обретения личной идентичности. Эти индивидуальные истории закрывают трещины разорванной коллективной памяти. Человек становится собственным историком. Благодаря сайтам и форумам он может оставить в памяти потомков воспоминания о пережитых событиях. Этот новый вид документалистики открывает перед будущими историками как новые возможности, так и новые проблемы. Вопрос в том, как и кто будет определять политику памяти, если старые машины цензуры, селекции, комментирования и интерпретации будут отброшены. Что придет им на смену, пока никто сказать не в состоянии.

Сторонники идеи прогресса, утописты, реформаторы устремлены в будущее. Они понимают время как эволюцию от варварства к цивилизации. Для них истина, идеал и цель лежат впереди. Это телеология. Но есть люди, обращенные в прошлое, считающие его утраченным Золотым веком. Для них истина — это не конструкция и не трансценденция, а традиция, предание. Тогда история выглядит не как прогресс, а как инволюция, то есть утрата первоначально данной истины. Собственно, метафизикой такого рода истории является теория эманации, согласно которой первоначальный принцип «Единое» постепенно погружается в материю и превращается во множество вещей. Эта модель лежит в основе генеалогии Ф. Ницше и деструкции метафизики М. Хайдеггера, который представил проект истории как забвения бытия. Он переписал историю философии и проделал большую работу по очищению античного наследия от наслоений и интерпретаций эпохи Нового времени. Э. Гуссерль тоже писал об утрате смысла идеи науки — он попытался, обратившись к Эвклиду, вновь восстановить смысл теоретической установки, утраченный инструментальной техно-наукой. Но по мере продвижения к началу геометрии он понимал, что Эвклид, как и любой другой основоположник-законодатель, не сознавал смысла вводимого принципа. Этот смысл раскрывался во времени, в ходе истории, благодаря усилиям рефлексии и герменевтики. История есть процесс осмысления, поэтому традиция складывается не в прошлом, а в настоящем, то есть видится в прошлом благодаря современности.

В. Дильтей исходил из того, что исторический мир представал в каждую эпоху по-своему, и пытался выявить комплекс предпосылок такого видения или понимания[19]. Его основной труд посвящен проблеме, как из переживания того, что произошло, образуется понятийная взаимосвязь человеческого общественно-исторического мира. Эту задачу Дильтей ставит как продолжение теории познания И. Канта, который не успел заняться критикой исторического

---

[19] *Дильтей В.* Введение в науки о духе // Дильтей В. Собр. соч.: В 6 т. Т. 1. М.: ДИК, 2000.

разума или методологией гуманитарных наук. Достоинство и недостаток дильтеевской методологии историки идей видят в романтическом преувеличении роли переживания, сочувствия, эмпатии, которые якобы сохраняют полноту жизни. На самом деле, Дильтей рассматривал историю в двух перспективах — с точки зрения объективного духа и с точки зрения комплекса воздействий. Главным понятием и одновременно предметом изучения историка является жизнь. «Жизнь в своем своеобразии постигается с помощью категорий, которые чужды познанию природы»[20]. Это категории: «значение», «ценность», «цель», «развитие», «идеал». Они вырастают из проявлений положительного или негативного действия, радости, удовольствия, одобрения, осуждения и других душевных состояний.

Применительно к жизни каждая часть является целым, которое постигается в рамках более широкой целостности. Речь идет о понимании, опирающемся на герменевтический круг: чтобы понять часть, нужно знать целое, которое само складывается из частей. Жизнь включает в себя позицию по отношению к любви и вражде, уединению и объединению, радости и тоске, страданию и его преодолению. Все эти понятия суть понятия самой жизни. Поэтому исходной является антропологическая рефлексия, синтезирующая понимание собственной жизни со способностью понимания других людей. Традиционная теория памяти существенно видоизменяется в психоанализе. Поэтому методы историзма и герменевтики недостаточны для реконструкции интеллектуальной истории, в которой есть свое бессознательное.

Индивидуальная память считается непосредственной формой сохранения прошлого, как оно было. Переживание считается в герменевтике такой формой сознания, которое еще не отдалилось от самой жизни и не нагружено ни концептами, ни идеологией. Однако сознание индивида и его память — это тоже сложные общественные устройства со своими рецепторами, фильтрами, носителями информации и т. п. Человек не только забывает прошлое, как предполагается в классической теории памяти, но и вытесняет, как утверждал Фрейд, то, что не соответствует общественным кодам и нормам. Вытесненное в бессознательное прошлое находит окольный путь в настоящее сознание индивида в виде разного рода психических сбоев и расстройств. Они-то и оказываются «местами памяти», с которыми работает психоаналитик. Его работа состоит в том, чтобы по зашифрованным симптомам открыть настоящую причину беспамятства и тем самым примирить человека с его прошлым.

---

[20] *Дильтей В.* Построение исторического мира в науках о духе // Там же. Т. 3. М., ДИК, 2004. С. 281.

Если индивидуальная память отличается от науки как формы коллективной памяти, то вовсе не отсутствием мифов, традиций, стереотипов и прочих установок. Поэтому историки тоже правы в своей критике воспоминаний очевидцев. Они пытаются занять ценностно-нейтральную позицию и опираются на факты, но при этом пользуются технологически удобными схемами и концептами, которые тоже подвергаются фетишизации. «Средняя продолжительность жизни», «прожиточный минимум», «класс» и другие понятия являются «строительными лесами», которые не следует путать с самим строением. В исторической науке существует множество точек зрения, отражающих позиции различных общественных групп. Кроме того, наука — это еще институт со своей бюрократией и машинерией, структуры которых подобно «приборам» тоже воздействуют на образ реальности. Поэтому историк вовсе не является ученым, свободным от ценностных суждений.

Причина деформации коллективной памяти — не в том, что у истоков европейской мысли стояли какие-то одиозные фигуры, о которых лучше не вспоминать, чтобы не опорочить историю. Временные скачки и разрывы памяти не осознаются непосредственными участниками событий. Изменения в способе понимания бытия вообще не являются частью интеллектуальной истории. «Забвение бытия» происходит в повседневной жизни людей, которые под влиянием развития науки и техники принимают установку на волю к власти.

Изменение структур исторической памяти зависит от устройства нашего языка. Эта мысль лежит в основе методологии М. М. Бахтина, который раскрыл роман как форму повествования, пришедшую в эпоху высоких культур на смену эпосу. Эта программа была продолжена П. Рикером в работе «Время и рассказывание» и Х. Уайтом, который в своей «Метаистории» описал типичные сюжеты исторической наррации. Уайт считает историка медиумом, который отбирает из исторического поля источников отдельные элементы, складывает их в определенную историческую картину и передает ее аудитории. Сначала элементы исторического поля организуются в «хронику», а затем в «историю», содержащую элементы спектакля. Это напоминает реконструкцию сказочных персонажей в морфологии В. Я. Проппа.

Ни индивидуальная, ни коллективная форма памяти не является непосредственным отражением реальной истории — у каждой из них есть свои стереотипы, которые необходимо выявить. Не только очевидцы, но и профессиональные историки составляют весьма разноречивые рассказы. Уже миф является такой обработкой прошлого, в результате которого оно становится либо ужасным, либо героическим. Существуют семейные и народные предания, на которых воспитываются дети. Наконец, возникает история как го-

сударственная наука, препарирующая и интерпретирующая исторический материал в интересах патриотизма. Таким образом, историческая реконструкция различных форм меморизации и репрезентации является весьма сложным процессом, исследование которого предполагает философскую рефлексию.

По мнению Г. Йонаса, прежняя этика исходила из неизменности природы человека, допускала самоочевидность понятия блага и не работала с дальними последствиями развития технологий. Сегодня возникает необходимость исследования влияния технологий на поведение людей[21]. Старая традиционная этика обращалась к долгу. Ответственность не привлекала особенного внимания. Постепенное онаучивание жизни, развитие техносферы вовлекает людей в прочные причинно-следственные связи. Это позволяет просчитывать далеко идущие последствия тех или иных решений, делать долгосрочные прогнозы. Все это актуализирует ответственность и заставляет уделять ей больше внимания. Традиционная этика затрагивала отношения людей, но не распространялась на объекты. Она основана на принципе любви к ближнему. Наоборот, сегодня мы живем в обществе дальнодействия. Угроза разрушения биосферы втягивает в поле внимания не только природу, но и человечество в целом. Традиционные общества были экологически замкнутыми, самоочищающимися контейнерами и не сталкивались с проблемой глобальных катастроф. Последние заставляют отказаться от антропоцентризма и понимать благо не только с человеческой точки зрения, ибо в спасении нуждается природа. Если прежний императив обращен к индивиду, то новый императив затрагивает отношения поколений: мы не имеем права ради собственного благополучия лишать наших потомков необходимых условий существования, ибо это есть не что иное, как терроризм. Таков новый принцип ответственности, предписывающий современному человечеству сохранение условий существования для будущих поколений.

Вопрос о принципах этики будущего Йонас считает определяющим. Они должны основываться либо на прочной вере, либо на каких-то фундаментальных истинах. Но как можно убедить людей думать о будущем? Живя в настоящем, они не думают даже об окружающих. Что же может заставить их сообразовываться с отдаленными последствиями своих поступков, которые, как правило, совершаются ради сиюминутной выгоды? Йонас видит выход в нагнетании страха. Зло более зримо и убедительно, чем добро, поэтому угрозу человеческому существованию нужно использовать в этике, учитывающей ответственность за отдаленное будущее. Собственно, уже Гоббс для обоснования общественного договора ис-

---

[21] *Йонас Г.* Принцип ответственности. Опыт этики для технологической цивилизации. М.: Айрис-пресс, 2004.

пользовал страх насильственной смерти. Но у него речь шла об угрозе собственной жизни человека, а не жизни незнакомых людей, муки которых никто не увидит. По Йонасу же, основой этики будущего должен стать принцип эмпатии, сопереживания, сострадания несчастьям других людей.

Возникает вопрос о надежности знаний о будущем. Прогнозы реализуются далеко не всегда, и лучше всего это видно на примере «Римского клуба». Некоторые даже полагают, что их прогнозы имели своей целью замораживание индустриализации стран третьего мира. Точно так же, многие угрозы, против которых борются «зеленые», расцениваются как мифические. Если предсказание опасных возможностей используется в политических целях, то почему бы их не использовать в этике? Причем в сфере практической политики, конечно, следует опираться на более точное знание, нежели футурологические экстраполяции. Почему же в этике следует прибегнуть именно к неблагоприятным прогнозам, насколько этично пользоваться неточными знаниями? Йонас находит для этого весьма убедительное обоснование. Дело в том, что научно-технический прогресс, достигаемый вполне рационально, в целом тем не менее не контролируется разумом. И чем сильнее размах техники, тем более непредсказуемы и опасны последствия ее применения. Эсхатологические надежды вряд ли сбудутся, а вот апокалипсические перспективы весьма вероятны[22].

Технологии имеют тенденцию становиться все более самостоятельными и «самодвижущимися». Они вышли из-под контроля людей, которые принимают решения по логике машин, а не для блага общества. Технические утописты действуют подобно пролетариату, которому нечего терять, и идут ва-банк. Они пессимистически оценивают прошлое и мечтают переделать будущее. На самом деле они надеются на ненадежность отдаленных прогнозов и принимают решения с точки зрения сиюминутных результатов. Размах научно-технического прогресса таков, что следует отдать предпочтение неблагоприятным прогнозам, то есть опираться на апокалипсическую этику. При этом возникает проблема: чем и насколько можно рисковать? Этично ставить на кон то, что принадлежит самому. Но любой поступок, так или иначе, затрагивает интересы других. Йонас писал: «В ставку никогда не должны включаться интересы другого в их полном объеме, и прежде всего — его жизнь»[23]. Этический принцип запрещает рисковать существованием человечества.

В этике ответственности стержнем нравственной деятельности является осмотрительность. Источником ее является забота о де-

---

[22] Там же. С. 87.
[23] Там же. С. 93.

тях. Обязаны ли люди производить потомство? Скорее, мы обязаны создавать для него качественный образ жизни. Некоторые люди отказываются заводить детей, потому что считают наш мир малопригодным для счастливой жизни. На самом деле, религиозное восприятие земной жизни как череды страданий устарело для большинства населения. Поэтому сегодня категорический императив звучит так: в будущем должны существовать люди, по отношению к которым мы имеем обязательства. Это онтологический, а не только нравственный императив. Бытие не является ценностно нейтральным. Оно есть благо и оно желательно. Нагнетание страхов вряд ли будет способствовать повышению ответственности. Г. Йонас, Ж. Бодрийяр и другие оправдывались тем, что пытались образумить людей. Возможные и к тому же отдаленные негативные последствия решений, дающих сиюминутную выгоду, вряд ли станут сдерживающим фактором. В худшем случае, люди могут устроить «пир во время чумы». Поэтому стоит рассчитывать на смягчение эгоистической природы человека в процессе цивилизации. Человек всегда был безжалостен по отношению к другим людям, природе, животным. Сегодня он должен позволить себе большую меру и сострадания и реальной помощи. Скажем, проявлять больше заботы не только о собственном здоровье и качестве продуктов питания, но и об окружающей среде.

Ресурсом для выстраивания позитивной этики ответственности служит то, что человек — двойственное существо, переживающее борьбу добра и зла. Он не завершен от природы. Говорить о сущности человека как о чем-то данном недопустимо. Однако, признавая двойственность, антиномичность, открытость и незавершенность человека, неправильно исключать его стремление к лучшей жизни. Тем более неверно запретить изменение общества, ведь человек является его продуктом. Экзистенциальные драмы трагического человека, которые ужасают и восхищают одновременно, во многом являются слепком противоречий социального мира.

Как быть с желаниями лучшей доли? Безответственно пренебрегать стремлением других жить лучше, тем более, препятствовать им в этом. Отсталые страны идут по пути индустриализации. Вопрос в том, кому достаются ее плоды. Мир стал слишком маленьким, и последствия индустриализации развивающихся стран проявляются в глобальных масштабах. Это поднимает проблему ответственности, которая может быть решена только сообща.

Освободиться от борьбы за выживание, от эксплуатации, от превращения человека в рабочую скотину — эта сверхзадача не должна уходить с горизонта этики. Но и в «обществе благоденствия» у людей будут свои экзистенциальные драмы — ни одно государство не в силах решить все человеческие конфликты. Как сложится жизнь людей в условиях все увеличивающегося досуга, не

вполне ясно. При капитализме развлечение становится работой по производству общества. Поэтому оно не избавляет от скуки и меланхолии. Отсюда приходится прибегнуть к науке об изменении человеческой породы, то есть к генетике, к психиатрии, наконец, к фармакологии и успокаивающим наркотикам.

1.5. Трансформация понятия ответственности в истории культуры

Можно выделить три большие этические парадигмы, в рамках которых сложились различные концепции ответственности.

Во-первых, понимание ответственности, характерное для традиционных обществ. Ответственность возлагается на взрослых, сильных, властвующих, обязанностью которых является защита слабых. Речь идет прежде всего об ответственности перед своими. Чужих защищала культура гостеприимства.

Во-вторых, христианское понятие ответственности, сопровождающееся понятиями свободы, совести, вины (греха). Речь идет об ответственности перед Богом, которая возлагается на всех людей.

В-третьих, понятие ответственности в современном мире, который характеризуется мультисистемностью. Главная проблема состоит в том, что человек выступает агентом тех или иных социальных институтов и принимает решения исходя из логики их развития (аутопойезиса), а не из интересов совместно живущих людей.

Как известно, в основе христианства лежит различие между Законом и Благодатью. Их соотношение было определено Иларионом в «Слове о законе и благодати»: Сначала благодать, а потом закон. Закон предполагает возмещение ущерба, то есть основан на модели обмена. Преступник должен возместить потерпевшему ущерб. Наказание преступника, которое экономически бессмысленно, становится понятным, если речь идет не только о материальном, но и о «моральном», или символическом, возмещении. Однако ни возмещение ущерба, ни наказание не ведут к восстановлению единства. Жертва, как правило, не получает удовлетворения, да и преступник тоже считает себя обиженным законом. Достоевский и Гегель видели выход в христианском решении конфликта. Обидчик должен покаяться, а жертва осуществить прощение. Только в этом случае восстановится целостность общества.

Что эффективнее: закон или благодать? Ответ на этот вопрос зависит от того, как представлять общество. Если мыслить его как солидарное единство, или как моральную общность, то вопрос решается в пользу религии. Однако, пожалуй, никогда не удава-

лось в полной мере создать на земле Град божий и поэтому всегда оставалась проблема, где может исполняться Нагорная проповедь.

Собственно, это обнаруживает и история церковного права. Представление о непогрешимости[24] папы подразумевало, что он является верховным судьей мира. Следствием становится диктатура, крайним выражением которой была инквизиция.

После окончания религиозных войн в Европе меняется статус права. Из права сильного, устанавливаемого победителями и закрепляющего их привилегии оно превращается в универсальное право суверенного субъекта. Юрист, как когда-то священник, находится между враждующими сторонами и хочет их примирить. Социальный порядок складывается не как результат осознания абсолютной истины или всеобщего права, а как относительно устойчивый баланс противоборствующих сил. Обычно, вслед за Гоббсом, считают, что суверенитет закона устанавливается как результат победы разума над страстями. Скорее всего, наоборот, за универсальными правами человека скрыта история борьбы реальных сил. В принципе правитель может действовать вопреки праву. Отсюда не вполне понятно господство судебной власти, согласно которой суверен мыслится как гарант закона. И сегодня посягательство на конституцию — со стороны частных лиц, партий, церкви, бизнеса или интеллектуалов, включая президента, — расценивается как нарушение порядка. Но как же тогда происходит развитие общества? Путем поправок к конституции и даже ее изменения? Но они вносятся, так сказать, задним числом, когда на арену истории выдвигаются те или иные интересы и цели нового класса, завоевывающего господство. В любом случае речь идет об утверждающем действии. Политический, религиозный, военный лидер и даже идеальный законодатель, получивший или захвативший власть, выступают как учредители нового порядка. Но что значит верховенство законов, если они учреждаются не на правовой основе? Можно ли (и как?) судить самих учредителей, например, бывших партийных и государственных лидеров? Эти вопросы делают разговоры о праве и ответственности перед законом весьма актуальными и сегодня.

Христианство было восстанием, в том числе, и против государства. Возможно, первоначально это чувство ненависти было реактивным. Однако ресентимент иудеев находил поддержку и у других народов. Раскольники также негативно относились к государству и объявили царя антихристом. Секуляризация не затронула это глубинное недоверие к власти.

---

[24] Догмат о непогрешимости папы был принят на Первом Ватиканском Соборе в 1870 г., но идея существовала и раньше.

Едва ли найдется слово, столь часто употребляемое и столь мало вызывающее сомнений, как «секуляризация». Именно оно выражает общий профиль Нового времени. В Средние века мир считался конечным, а Бог — бесконечным. Наоборот, в Новое время природный и социальный порядок наделялся атрибутами Бога. В работе «Секуляризация и самоутверждение» Г. Блюменберг вступил в полемику с К. Шмиттом, который интерпретировал рационализм как своего рода учреждающее действие, восстание против господства теологии[25]. Блюменберг же считал рационализм Просвещения исторически закономерным событием[26]. Легитимация — это автономный процесс, не связанный с самоутверждением разума. Как теоретик государства К. Шмитт сводил секуляризацию к легитимации. Раскрытие взаимосвязи секуляризации и легитимации — это его важнейшее открытие. Секуляризация была следствием притязания папы на имперскую власть, но привела к проблеме легитимации земной власти. Благодаря этому теология трансформировалась в политику. Однако гражданская война богов, то есть конфессий, обнаружила сомнительность абсолютизма.

Абсолютизм Гоббса — это секуляризация политической теологии, потому что власть понимается не как судьба, а как базис рациональности. Таким образом, чистый волюнтаризм оказывается равноценен чистому рационализму. Абсолют — предикат Бога, а разумность — человека. Поэтому «война всех против всех» у Гоббса преодолевается на основе рационального общественного договора. Легитимация противоположна волюнтаризму, и теория общественного договора — это вовсе не констатация факта, не описание реального события, а решение, которое следует принять и исполнить.

Руссо понимал абсолют как органическое целое и романтизировал естественное состояние. Он преодолел драматический конфликт естественного состояния, описанный Гоббсом, на основе идиллии о простодушии селян, которая оказала огромное влияние на теории развития человека. На самом деле комфортабельность существования — это не начальная, а конечная точка развития человечества.

Гегель обратил внимание на то, что воля к государству с необходимостью предполагает существование волящей личности. Секуляризация проявляется в том, что доказательства суверенитета Бога и короля практически совпадают. Гегель, конечно, не был средневековым реалистом, да и секуляризация не сводится к превращению христианства в идеализм. В онтологической дедукции

---

[25] *Blumenberg H., Schmitt C.* Briefwechsel 1971—1978. Frankfurt am Mein: Suhrkamp, 2007. S. 167.

[26] Ibid. S. 17—26.

существования суверена заранее предполагается то, что следует доказать. Легитимация у Гегеля не безосновна, она опирается на его учение о понятии, которое соединяет абстрактное с конкретным. Рационализм — это продукт не индивидуального, а коллективного духа, выражающего внеличностные, общественные отношения людей. Волюнтаризм, наоборот, прочно связан с субъектом. Поэтому он предполагает личность и, соответственно, поднимает проблему юридической ответственности. Проблема ответственности возникает в рамках волюнтаризма, то есть предполагает допущение свободы воли. В области природы, там, где действуют независимые от человека законы, строго говоря, некого привлекать к ответственности. Абсолютизация причинной связи в природе питает фатализм. Столь же очевидно, что этос труда продолжает аскетическую традицию. Точно так же постулат о равенстве граждан перед законом является продолжением тезиса о равенстве перед Богом.

Даже «Коммунистический манифест» Маркса можно интерпретировать как секуляризацию поисков библейского рая или апокалипсического мессианизма. Речь идет о конце истории как некоей эсхатологии без Бога. Сен-Симон, Кант, Гёте, Шиллер, Руссо Гёльдерлин — все они секуляризировали Священное Писание. А если обобщить дневники и автобиографии Нового времени, то обнаруживается их сходство с исповедями и пиетистской саморефлексией. Все эти взятые наугад сравнения обнаруживают стремление к обмирщению. Но при этом секуляризация — это не просто разложение традиционной религии, но и изменение, трансформация различных институциональных идеологий. Ученые Нового времени пытались решить теологические проблемы средствами науки. И Декарт, и Спиноза, и Кант не были атеистами. А Ньютон, как известно, последние десятилетия своей жизни посвятил комментированию Библии. Аналогично К. Шмитт показал, что стратегия и тактика европейского права и политики и до сих пор сохраняют преемственность с принципами христианской теологии. Отсюда цели политики вовсе не земные, экономические, а более высокие, трансцендентальные.

Легитимность задается либо рациональной верой в некие общеобязательные этические принципы, либо религиозной верой в спасение. Отсюда послушание силе может базироваться на разных основаниях: на обычаях и праве. Между ними возможно как согласие, так и конфронтация. Существующий порядок может критиковаться с точки зрения прав человека. Он может оспариваться также с точки зрения традиций. Конечно, религия формально сегодня отделена от государства. Однако было бы ошибкой не замечать влияния религии на жизнь общества. Не только в мусульманском мире, но и в Америке ритуал инаугурации включает в себя молитву о божественной поддержке.

1.6. Социальные основания ответственности

Ядром человеческих убеждений является первичность общества. Люди рождены жить вместе как родственники и соседи, как друзья и соратники. И хотя история полна войн и кровавых конфликтов — это тоже близкие и сильные взаимодействия, где люди связаны общими представлениями о справедливости. Наоборот, современность характеризуется равнодушием и замкнутостью индивидов в капсуле собственного существования. Конечно, утверждение об утрате человеческих взаимосвязей нуждается в критической проверке. Не является ли констатация конформизма всего лишь следствием теории отчуждения? На самом деле, люди по-прежнему живут вместе. Хотя они стремятся жить в отдельной квартире, не прислушиваются, не присматриваются к соседям, не спешат на помощь страждущим, но по-прежнему ходят на работу, знакомятся с другими людьми, налаживают с ними различные отношения. Разве это не работа по созданию общества? Если учесть, что у каждого есть родители и другие родственники, что люди по-прежнему влюбляются, ищут и находят друзей, собираются вместе или общаются, хотя бы через Интернет, то нет никаких проблем ни с человеком, который якобы обречен на одиночество, ни с обществом, которое якобы стремительно распадается. Другое дело, что все это факторы приватной, а не общественной жизни, которая организована не на личных, дружеских отношениях доверия, а на формальных инструкциях и правилах.

Существуют две модели общества и государства, которые, подобно качанию маятника, периодически повторяются в истории мысли. Наиболее древней является *теория органической целостности*, разработанная еще в «Законах» Платона. Первичным является полис, а отдельные граждане выполняют необходимые для его существования функции. Таким образом, каждый занят своим делом. Справедливость же, по Аристотелю, состоит в том, что каждый получает по заслугам, сообразно своему положению. В Средние века эта теория нашла зримое выражение в образе политического тела, где король представлял голову, а остальные подданные другие органы. Метафора организма весьма популярна в теориях органической целостности. Важная роль в понимании природы государства принадлежит Руссо. Государство — это организм со своим телом и душой. Суверен является представителем разумной воли народа. Но где такой идеальный народ? Сегодня говорят о толпе, которой нужен мудрый начальник — властвующая элита. Она конструирует модель государства как произведения искусства. Все эти концепции, конечно, далеки от реальности, их творцами являются оказавшиеся не у дел обедневшие аристократы и мечтающие об управлении государством философы.

Теория общественного договора исходит из того, что поскольку в естественном состоянии люди живут в непрерывной вражде, то чтобы обезопасить жизнь и сохранить собственность, они отказываются от своих прав и передают их королю, который железной рукой наводит порядок в обществе. Теория общественного договора, особенно в ее либеральном или демократическом варианте, тоже далека от реальности. Такие договоры встречаются разве что только на страницах философских книг, в реальности же их никто не заключал и не подписывал. Она создана юристами, которые играют первые роли в обществе, основанном на договорах.

Сегодня крепнет убеждение, что обе эти модели являются односторонними, и ведутся поиски такого образа общества, в котором и индивид, и целое находили бы место. При этом целое не определяло бы свойства части, а наоборот, индивид сохранял бы нечто, что никак не входит в общество. В социологии такие теории связывают с Г. Тардом и Г. Зиммелем, а также с Ф. Тённисом, который искал более пластичное соотношение общности и общества. Под общностью он понимал прежде всего кровнородственные, семейные, дружеские связи и объединения, а также нетоварные хозяйственные отношения. До того как люди вступают в общество органического или договорного типа, они образуют родственные, дружеские, соседствующие ассоциации, из которых, собственно, и состоит общество.

Современные биологические теории тоже дают материал для новых моделей общества. Впрочем, открытия биологов, во-первых, сами несут отпечаток тех моделей социума, которым они симпатизируют как участники социального жизненного мира; во-вторых, по-разному, опять же в зависимости от политических пристрастий, интерпретируются теоретиками общества. Одни исходят из борьбы популяций, внутри которых, явно используя аналогию с капиталистическим обществом, они выделяют продуцентов, консументов и детрибов. Другие указывают на сложные отношения клетки и организма и по этому образцу пытаются по-новому смоделировать такого индивида, который не был бы обречен на одиночество. Можно указать, что монадология Лейбница тоже дает повод пересмотреть стандартные теории общества как продукта, как договора и как органической целостности. Именно она лежит в основе персоналистской антропологии, где личность выступает чем-то вроде микрокосма.

Народ хочет блага, но не знает, как его достичь. Таким образом, речь идет о перманентной диктатуре. Для нее ключевым оказывается понятие учреждающего действия, постоянного исправления конституции. В основе различия политико-исторического и философско-юридического дискурсов о власти лежит разное понимание государства. Оно воспринимается, с одной стороны, как не-

что незыблемое — естественное, или заповеданное Богом, а с другой стороны, как социальная конструкция. Это различие отражает экзистенциальный опыт. Перефразируя К. фон Клаузевица, можно сказать, что политика — это продолжение практик господства и подчинения другими средствами. По Гоббсу, война — негативное условие общества, кошмар, который преодолевается общественным договором. По мнению Канта, война, наоборот, является позитивным условием общества. Первые историки славили и укрепляли власть, которая объединяет людей в общество. Генеалогическая история апеллировала к великим предкам, к славной древней истории с целью пробуждения героики настоящего. История понималась как форма «живой памяти», осуществляющей перенос величия предков на потомков, — деяния королей не являются мелкими и бесполезными, любой поступок короля превращается в подвиг. Наконец, еще одна функция такой истории — формирование примеров для настоящего.

Положение радикально меняется в XVII веке. История перестает быть ритуалом суверенитета. Отныне власть больше не является связующим началом единства города, нации, государства. Раскрывается ее оборотная сторона: победа одних — это поражение других. Те, кого славила генеалогическая история, разоблачаются как насильники и узурпаторы. Римская история побед сменяется библейской историей поражений[27]. Это история разоблачений порабощающей нас власти. Отсюда проистекает и теория классовой борьбы, которая была найдена Марксом у французских историков, писавших о войне рас.

Старые империи имели космологические цели, ибо хотели утвердить порядок во всем мире. В Новое время суверенами объявили себя царьки небольших государств. Первоначально суверен мог действовать и вопреки праву. Затем он стал мыслиться как его гарант. Настала эра господства судебной власти.

Проблема в том, что судебная власть громоздка и неэффективна, когда речь идет о быстрых и эффективных мерах. Юристы топят суть дела в бесконечных процессах. Если речь идет о «правом деле», кажется разумным отказаться от крючкотворства. Тогда наступает стадия либо «суверенной», либо «комиссарской» диктатуры, при которых насилие оправдывается как «священное». Тут обнаруживается парадокс власти. Если право ее ограничивает, то почему оно поддерживалось королем; если право не ограничивалось, а наоборот, вводилось властью, то как оно может бороться с нею? Как показывает история, на практике суверен-самодержец вводит право как форму подчинения, а не свободы подданных, но потом право может быть использовано народом против самоволия короля.

---

[27] См.: *Фуко М.* Нужно защищать общество. СПб.: Наука, 2005. С. 87.

Как же понималась ответственность в рамках такого общественного состояния? Прежде всего, культивировалась идея служения. Социальное неравенство не вызывало протеста, так как люди были связаны подобно звеньям одной цепи. Коллективное тело традиционного общества представляло собой прочную и жесткую связку, поэтому проблема индивидуальной ответственности не стояла столь остро как сейчас. Косвенным подтверждением этого является распространенность фатализма в форме мифов вечного возвращения. Поскольку крестьянин, воин, священник — как части общего политического тела — выполняли свои обязательства, то справедливость понималась по формуле «каждому свое», зато ответственность возлагалась на коллектив в целом. Изгнание из общества, по существу, было равносильно смерти, так как изгнанник лишался поддержки сородичей.

Мы живем в таком мире, где не действует завет «возлюби ближнего своего». Конечно, чужие уже не считаются врагами, но и сегодня от них охраняют рынки, информацию и другие блага. В мире господствует непризнание, нарастает неопределенный страх перед другими — и это значит, что наш тесный мир виртуально заражен расизмом сильнее, чем раньше.

Политические категории замкнуты на насилие, а антропологические — на любовь и сострадание. В раю нет места политическому. Бескорыстная дружба — извечное понятие. Где ее нет, можно говорить о вражде. Враждебно то, что близко. Но эта презумпция не действует, если близкий оказывается другом. Чем ближе нам ближний, тем дальше чужой. Даже и после изгнания из рая (библейский рассказ о Каине и Авеле — не показатель) встреча чужих на свободной территории была не слишком рискованной. Соседей и знакомых узнавали вблизи по лицу, а издалека — по походке или жестикуляции. В отличие от своих чужие имели весьма экзотическую внешность и выглядели одинаково опасно. Если чужие наносили убыток, то становились врагами. Но если вреда не было, то механизмы враждебности не запускались.

В эпоху Просвещения под влиянием Руссо гостеприимство и дружественность стали основой этики и антропологии. Это подтверждалось рассказами путешественников об удивительной щедрости дикарей. Сходным образом Тацит описывал радушие древних германцев. Мало того, что их двери не запирались, они принимали, угощали и одаривали пришельцев, не требуя ничего взамен, давали необходимое, не прося цену. За негостеприимство преследовали: если кто-нибудь трижды отказал пришельцу, его дом могли сжечь. С одной стороны, поскольку эта щедрость проявлялась по отношению к любому и у чужого не спрашивали ни имени, ни происхождения, постольку позволительно говорить об «универсальности человечества». С другой стороны, ее можно интерпре-

тировать как выражение детской незрелости людей, у которых представление о чужом как индивидуальной личности попросту отсутствовало. Это дает основания полагать, что щедрость была законом до того, как сложились отношения эквивалентного обмена.

Развитие платного сервиса позволяет говорить о раздвоении частного и общественного гостеприимства. Первое ограничено сферой дома, второе — государством и институтами общества. Попытка объяснить дружелюбие к гостю как первоначальный этос человечества не совпадает с традиционным восприятием чужого, который считался военной добычей и подлежал умерщвлению или взятию в рабство. Раньше чужого превращали в раба или в крепостного. Поэтому Р. фон Иеринг перевернул гуманистическую интерпретацию первоначального дружелюбия и выводил слова «Gast/hostis» от этимона «ghis» (бить, уничтожать, унижать). Только на основе обмена упорядочиваются отношения людей и появляется понятие «человечность», применяемое к чужим, в то время как беднота собственной группы унижена и голодает. Таким образом, право чужого определяется интересом группы в обмене и торговле с другими сообществами[28]. Гегель тоже связывал синкретизм дружелюбия и враждебности с неразвитостью правосознания. Свободный дар и принудительная дань являются эквивалентом бесправия.

На это можно возразить, что людям приходится мириться с соседями, — поэтому идея всемирного гражданства не является нелепой. Это и дает повод говорить о праве всеобщего гостеприимства. В «Метафизике нравов» Кант различал сообщество друзей и сообщество торгашей. Последнее экстерриториально. Право торговли на любой территории вовсе не означает признания прав чужого. Чужой по-прежнему бесправен. Как альтернативу колониализму и империализму Кант предложил право гостя[29].

Гостеприимство — скорее идеал, чем реальность. Поэтому ксенософия — это удел философов. В истории народное право уступает место государственным законам и на смену гостеприимству приходит кодекс чужого. Другой расценивается как угроза или благо в зависимости от враждебности или дружественности отношений между группами. В процессе обмена чужие могут включаться в группу и выполнять внутри нее определенные функции. Но и в этом случае они остаются на периферии и, в зависимости от ощущения опасности или безопасности, могут восприниматься как благо или зло. Размышляя о формировании образа врага, нельзя

---

[28] *Ihering R.* Von der Gastfreundschaft im Altertum // Deutsche Rundschau. Stuttgart, 1992. N 51. S. 363.

[29] *Кант И.* Метафизика нравов // Кант И. Соч. в 6 т. Т. 4, часть 2. М., 1965. С. 279.

сбрасывать со счетов роль групповых фантазмов. При этом центр группы может воспринимать чужого как символ интеграции, а периферия — как знак угрозы.

А. Шульц занимался правом гостя в средневековой Европе и пришел к выводу, что оно определялось торговыми интересами городов и вытеснило более древнее право чужого, которое сформировалось господствующими группами для оправдания захвата пленных[30]. Гость приравнивался к горожанину, чужой же был подданным. Народное право еще в XIX веке определяло чужого как временного подданного, частично наделенного и частично лишенного некоторых прав. Но если попытаться суммировать право чужого из права добычи или права временного подданного, то получится, что права чужого приравнивались к праву на владение вещами и не включали в себя прав личности. Если чужой имеет те же права, что и раб, то можно сказать, что он не имеет человеческих прав. Д. Бар, рассматривая проблему прав чужого, пришел к выводу, что их нет и быть не может[31]. С точки зрения территориально-государственного права чужой как иностранец не имеет никаких прав на общественную собственность. Он ценен либо как раб, либо как вещь, либо как владелец товара и денег.

Наоборот, гость — всегда чей-то гость. Гостеприимство является формой признания другого, в качестве гаранта которого выступает приглашающая сторона. Чужой бесправен, если не принадлежит к сообществу, права которого признаны. В процессе развития национального государства народное право, которое отчасти включало в себя права гостя, раскололось на частное и общественное право. Монополизация права государством включала в себя одну существенную поправку: ни индивид, ни группа не могут претендовать на закон гостеприимства, если они являются иностранцами, то есть не принадлежат к данному правовому сообществу. Это ярко проявляется во время войны, когда иностранцев интернируют. Требование всеобщих прав человека означает равенство перед законом всех граждан государства. Права человека не только обращены к подданным, которые иногда имеют прав меньше, чем привилегированные чужие, но и требуют пощады к бесправным чужим. Фактически же право чужого сводится к возможности предоставления убежища. В отличие от старого закона гостеприимства, согласно которому путника принимали безотносительно к тому, из каких земель он пришел, чужой — это всегда гражданин другого государства, иностранец, права которого представляют смесь права и бесправия. Конечно, можно говорить о некотором

---

[30] См.: *Schulz A.* Uber Gastgerecht // Historische Zeitschrift. Bd 101. Berlin, 1998. S. 473.

[31] См.: *Bahr H.-D.* Sprache des Gastes. Leipzig, 1994. S. 241.

прогрессе прав чужого, который не является гостем, но пользуется равенством перед законом той страны, где он пребывает. Иностранец расценивается как чужой, если не знает и не признает языка и культуры страны пребывания.

Начиная с XVI века подозрительность государства к иностранцам превратила гостя в чужого. Речь идет о постепенной идентификации приезжающих для обеспечения внутренней безопасности. В дисциплинарном обществе надзора все находятся под подозрением. Теперь допрос осуществляется прямо на границе, у городских ворот, у порога дома. На чужих, даже если они приезжают по делам торговли или церкви, накладываются серьезные ограничения. Постепенно не только нищие и паломники, но и «благородные» путешественники сталкиваются с множеством запретов. Главные вопросы к приезжему: как твое имя, из какой ты страны, с какой целью приехал? Появляется множество циркуляров и рекомендаций, какие меры безопасности следует применять по отношению к странствующим незнакомцам.

Система записи имени и происхождения начала складываться в Европе уже с XIII века. Помимо службы и исповеди священники были обязаны записывать в церковные книги даты крещения, бракосочетания, смерти. Кроме дат, естественно, записывались имя и происхождение. Так церковь начинает брать на себя функцию божественного всезнания. Но и государство не отстает. В книгах приезжих фиксируется не только имя и происхождение, но и пол, возраст, профессия и прочее. Сначала удостоверением служили рекомендательные письма. Затем для военных ввели предписания, где кроме имени и звания указывали задание. В Пруссии ввели нечто вроде паспорта для приезжих. В начале XIX века в Австрии впервые были введены общие паспорта. Там указывали антропометрические характеристики: рост, цвет глаз и т. д. — всего около 30 параметров. В XX веке персональный паспорт становится обязательным — в нем указывается гражданство, которое не зависит от места проживания. В наше время все боятся террористов, поэтому тщательные досмотры пассажиров, даже на внутренних линиях, становятся обычным делом. Ни одно из солидных мероприятий не обходится без привлечения службы безопасности. Не стоит на месте и картотека. Если раньше туда попадали делинквентные личности, то сегодня в базе данных государства существует обширная информация о каждом человеке, включая его доходы и расходы, движение по службе, биометрические параметры и даже генетический код.

С точки зрения политологии рождение современных наций протекало под знаком вражды против того, что сословные нации назвали «отечеством», и против партикуляризма материнского языка, который по мере угасания чувства родства стал квалифицироваться как чужой. Примером прощания с символами отечества и

материнского языка является рождение американской нации. Английское, французское и иное происхождение вытеснялось и забывалось. На место «народа», хотя это слово осталось в Конституции, был поставлен суверенитет нации. Однако новое национальное единство, как известно, сопровождалось элиминацией «чужих языков», оргией насилия и кровопролитной гражданской войной.

Там, где говорят не о «братстве» ментальностей, культур различных этносов, а о преимуществе какого-либо одного отечества, проявляется националистическая функция государственного языка. Становление национальных государств сопровождалось войнами, и для обеспечения безопасности еще И. Кант выдвинул концепцию Союза свободных наций, основанного на принципах равноправия. После 1945 года в области внешней политики национальных государств произошли серьезные изменения, которые характеризовались интернациональной кооперацией: создание ООН, НАТО, Европейского Сообщества, Организации по Безопасности и Сотрудничеству в Европе. Спустя 200 лет после кантовского трактата о вечном мире появились такие надгосударственные организации, как Международный суд, Совет по правам человека ООН и т. п. Благодаря интеграции в международные структуры снимаются негативные последствия автономизации, а национальное государство переходит в новую фазу развития, характеризующуюся открытостью границ, заинтересованностью в сотрудничестве и обмене (экономическом, культурном, информационном) с другими странами и народами.

Сегодня возникли новые формы пацификации, порожденные глобализацией. Транснациональные кампании, банки, издательства, информационные концерны существенно ограничивают амбиции правительств тех или иных национальных государств, разрушают их классическую державную политику. К этому добавились негосударственные организации, наподобие Гринпис или Международной амнистии, которые существенно ограничивают произвол национальных государств. «Союз народов», как о нем мечтал Кант, и современное «мировое сообщество» — конечно, разные вещи. В кантовском проекте мирное сосуществование достигалось не неким «мировым правительством», а общественностью.

Сегодня много говорят об ответственности интеллигенции. В связи с этим возникает вопрос: являются ли интеллектуалы субъектом ответственности и за что отвечают, если сами являются продуктом системы, которую берутся оценивать? Что значит «отвечать»? Является ответственность долгом, обязанностью или она связана с обещанием? Какому главному, капитальному вопросу должны ответствовать интеллектуалы: ответственны они перед идеями, которые вне времени, или перед сегодняшним днем с его насущными проблемами? Очевидно, что память о прошлом, обя-

занность настоящего и долг перед будущим составляют заботу человека. Раньше человек позиционировался как деятель, а мир — как сфера его влияния. Поэтому он считался ответственным за все. Сегодня сам человек является продуктом технологий. Кто же берет на себя ответственность за то, что происходит? Поскольку субъектами истории стали технологии, постольку они и отвечают за все чрезмерное и чудовищное на Земле. Человек потерял свое алиби, обрести которое он может, если поймет специфику связи с техникой, прежде всего с той, посредством которой производит самого себя.

Сегодня технологии сборки людей в общество изменились. Но как и чем объединены индивидуумы, скрывающиеся по вечерам за железными дверями в своих квартирах, где нет места другому, где нет не то что друзей, нет никого, кроме собаки или собственного отражения в зеркале? Скорее всего, универсальным медиумом стал голубой экран: ТВ или Интернет.

Здесь и надо искать ответ на вопрос о миссии интеллектуалов. Они делают то, что умеют, то есть рефлексируют, критикуют, ищут истину, интерпретируют, комментируют. Все эти способности востребованы в эпоху книжной культуры. Но надо отдавать отчет в социально-антропологических последствиях таких занятий. Скорее всего, они являются частью работы большой общественной машины, задача которой состоит в записи, протоколировании, систематизации, классификации событий, в контроле над соблюдением правил письма, речи, мышления. И это не просто условия возможности формулирования истинных, научных высказываний. Это условия нормальности вообще. Кто нарушает требования рациональности, моральности, вкуса, тот попадает в психиатрические или полицейские протоколы. Школа и университет — это тоже дисциплинарные машины. Их шестерни перемалывают тех, кто не сдал экзаменов, не защитил диссертацию, не смог написать книгу, удовлетворяющую рецензентов. Не следует отвергать эту стратегию описи, инвентаризации философского наследия, ибо это — основа порядка. Надо признать, что наше сообщество иногда напоминает сумасшедший дом. Появились личности с маниакальными идеями, их отклонения тоже необходимо зарегистрировать и запротоколировать. Это весьма эффективные способы сохранения социального порядка и нормализации внутреннего мира личности.

И все же общество есть нечто большее, чем полицейское государство. Каждый человек, педантично придерживающийся правил и законов, регулирующих социальное поведение, должен научиться творческому их применению. Свобода — это не анархия, а творческое и гуманное использование социальных кодов. Издавна этому учила литература. На смену ей пришли ТВ и Интернет. Поэтому надо думать, как и какие стратегии коммуникации необходимо встраивать в новые технологии для достижения эффекта гуманиза-

ции. Как сделать молодежь пригодной не только для работы в сфере производства информации и впечатлений, но и для совместной жизни в семье, коллективе, обществе? Необходимо стимулировать развитие социальной педагогики. Мы видим, что университеты не выполняют своей главной задачи — задачи воспитания элиты, ответственной за жизнь близких и, тем более, за судьбу страны, и на смену университетской элите, несущей миссию просвещения, приходят предприимчивые политологи, технологи массовых коммуникаций, кураторы выставок и презентаций, шоумены. Между тем ответственность интеллектуалов состоит сегодня в том, чтобы осмыслять антропологические последствия новых технологий производства человека. Лозунги о «конце идеологии», «смерти философии», «кризисе государства», о «постгуманистической цивилизации» и т. п. на самом деле выражают необходимость новой проблематизации базовых понятий общества. И это тоже подтверждает потребность в философии. Необходимо избавить людей от мизологии, ресентимента, философии нужды и идеологии эпохи «холодной войны». Постэкзистенциальная философия должна выявить не отрицательные, а положительные экзистенциалы.

Сегодня высказываются сомнения относительно способности демократической власти управлять социально-экономическими процессами. Нынешняя власть озабочена лишь злободневными проблемами и живет одним днем, не просчитывая долгосрочных последствий своих решений. И, как всегда, редко кто выбирает «быть или не быть» — большинство действует под давлением нечеловеческих обстоятельств или технологических императивов.

Гуманитарная интеллигенция мечтает о государстве с человеческим лицом, поэтому решение проблемы ответственности ищет в области морали. Главной задачей считается производство «русской идеи» — символического капитала народа, своеобразной защитной мембраны, обеспечивающей самосохранение. В сущности, это забота о доброкачественности символической оболочки общества, о том, чтобы патриотизм не переходил в шовинизм.

Наоборот, управленцы решают проблему ответственности в аспекте служения — людей нужно воспитывать как агентов социальных институтов. Ответственность управленцы видят в том, чтобы хорошо исполнять порученную роль, которая реализуется в искусстве управления. Как совмещаются эти разнонаправленные стремления?

Сегодня весьма популярными стали рассуждения о сильной личности, о вожде, способном вывести нацию из кризиса. Особенно в эпохи перемен, в ситуации, когда никто не знает, что делать, усиливается ожидание сильной личности, принимающей правильные решения. Не удивляет, что какие бы объединения мы не рассматривали — партии, классы, профессиональные группы, школы

и предприятия, церковные союзы, — везде ставится вопрос о вожде. Но вождизм обычно принимает гротескные формы. Поэтому сегодня на место исступленных фанатиков приходят хладнокровные менеджеры, которых в современном дифференцированном обществе должно быть много. Элита — это коллективный вождь общества. Она действует не как диктатор, а как руководитель, то есть более демократично и на основе гуманных технологий, которым и надо обучать молодежь, претендующую на роль элиты. Сегодня в рекламе многих институтов, выпускающих кадры для управления, можно встретить следующие обещания: «Приходите к нам, и мы научим вас манипулировать людьми». Все это кажется не только низким, но и явно устаревшим. Необходимо научиться создавать социальные коллекторы, где люди не пребывали бы в одиночестве и не скапливались бы как толпа, а вступали в человеческие отношения, испытывая доверие и сострадание, терпимость друг к другу.

Объединение общества вождем может принимать различные формы: целерациональную (этот человек заботится о моих интересах); традиционную (вождь как легитимный господин); дисциплинарно юридическую (родители и дети, старшие и младшие); кровнородственную, клановую, где вождь ведет происхождение от основателей рода; наконец, персонально аффективную, завязанную на харизму вождя (призвание в отличие от службы). Личностный, харизматический вождизм является изначальным. Это лидерство в связывающих вождя и массу отношениях веры, доверия, любви, преданности, страха, уважения и почитания. Во время перемен и революций харизматический вождизм снова возрождается. Он не требует никакого «учения», что служит подтверждением различия фигур вождя и ученого.

У людей всегда есть «духовная надстройка», которая представляет собой господствующий набор потребностей, аффектов, ценностей и идей. (А. А. Ухтомский назвал «установкой» главный принцип работы сознания, согласно которому внимание всегда сосредоточено на чем-то, что представляется ясно, тогда как все, не относящееся к делу, остается в темноте.) Реализацию этого закона можно наблюдать в любых сообществах — называются они коммунитаристскими или либеральными. Везде есть господствующее, управляющее меньшинство и исполняющее большинство. Этот закон действует внутри монархии и внутри республики, в демократии и аристократии. Не следует обманываться идеями равенства. На самом деле нужно научиться как управлять, так и исполнять.

Совсем иначе обстоит дело с «образцом». Это понятие ценностное. Образцом служит то, что считается благим, истинным, красивым — словом, ценным. Между идеалом и теми, кто ему подражает, складывается какая-либо форма симпатии, аффективно связывающая их в целое. Особенно четко эти качества проявляются

на примере модели подражания, которая выбирается не из эмпирического, а из духовного мира высших ценностей. В качестве таких моделей чаще всего выступает святой, гений, мудрец, герой, художник. Эти образцы синтезируют идеи личности и ценности. Отсюда мы часто понимаем исторических деятелей согласно идеям, которые они воплощают. Всякий образец содержит эмпирический и априорный, образный и ценностный элементы. Каждый человек формируется не на основе абстрактной морали, а через подражание образцам. Поэтому теория образцовой личности много важнее и фундаментальнее концепций фюрерства.

Ответственность власти реализуется в искусстве управления. Искусство управлять, умение организовать продуктивное производство — это то, чего не хватает нашим рыночникам. В современном российском обществе управленец занят тем, чтобы по возможности больше урвать для себя из вверенного ему дела. Опасность в том, что никто не заинтересован в усовершенствовании дела, которое ему поручено. «Несогласные» призывают сменить правительство. Но приходят новые люди, а все остается по-старому. Мы уже не надеемся на ответственность избранников, ибо убеждены, что они пользуются властью в своих интересах.

То, что у нас сложилось, напоминает южные республики СССР в эпоху Брежнева, где были весьма распространены мелкие взятки. Давали всем — врачам, учителям, чиновникам, таксистам и официантам. Это была какая-то всеобщая «серая» экономика, в принципе, по-своему эффективная: ведь что такое взятка, как не форма перераспределения доходов? Но кроме мелких взяток складывалась и более крупная по финансам и товарам теневая экономика. Она тоже что-то производила и была порождением эпохи дефицита.

Эта «дефицитная экономика» и сегодня препятствует конкуренции. Выигрывает не тот, кто более экономно и эффективно делает свое дело, а тот, кто получает наибольший «навар» за счет монополизации и устранения конкурентов, прибегая к защите бандитов или чиновников. Все, что не приносит личного обогащения, игнорируется. Пример — пробки на дорогах. Стоят машины и вхолостую сжигают бензин. По идее, нужно строить дороги, но их не строят, потому что потери входят в цену продукта. Таким образом, стоять в пробках — это и есть труд. И так везде, под разговоры о модернизации и инновационности все заняты созданием препятствий, чтобы за их преодоление получать деньги. Нынешние молодые люди спокойно «варят» деньги на том, чего раньше стыдились. Предприниматели обманывают потребителей, продавая недоброкачественный товар, предлагая сомнительные услуги, и при этом дают взятки, включая расходы в цену товара. Хуже того, спекуляции, обману и прочим «легким» способам заработать деньги учат частные университеты.

Сегодня начали говорить о «социально ориентированных предпринимателях». Всех беспокоит распад социальной ткани, разрушительные последствия предпринимательства, ориентированного на личный успех и контроль. Выход видится в реформе образования, которое должно быть не утилитарным, а социально и гуманитарно ориентированным. Предпринимательская революция предполагает переоценку ценностей: главное не порядок, а творчество. Бюрократия — старая организационная форма порядка. Она ограничивает свободу индивида. Отсюда борьба против бюрократии. Но и в новых организациях контроль не уменьшается, а усиливается. Главный стимул перехода от бюрократии к постбюрократии — это свобода. Предпринимательство — это не профессия, а функция. Считается, что оно модифицирует капитализм, и даже разрушает его. На самом деле, это не так. Крупные корпорации процветают, а небольшие частные фирмы имеют много проблем. Предприниматель не свободен, он существует в определенном контексте, который и задает его ресурсный потенциал, и от него во многом зависят позитивные или негативные последствия деятельности. Социализированный предприниматель ориентирован на создание новых (рискованных) предприятий. Госслужба обеспечивает минимизацию риска. Чтобы предпринимательство могло обеспечивать социальную интеграцию и одновременно способствовать инновационному развитию, следует соблюдать баланс социального и экономического интереса.

Как известно, при социализме главной проблемой ответственности является справедливое распределение общественного, точнее обобществленного, продукта. Для рыночников распределение вообще неприемлемо. Они впадают в другую крайность, считая, что производитель сам распоряжается продуктом своего труда. В России система осталась распределительной. Главное в ней — доступ к благам. Таким образом, устройство «экономики» в сегодняшней России не соответствует ни социалистической, ни либеральной модели, хотя некоторые аналогии внушают энтузиазм как рыночникам, так и государственникам. В рамках либеральной модели активно прорабатывается модель социально ориентированного, цивилизованного предпринимателя. В рамках государственной модели ответственность понимается через призму служения. Наконец, консерваторы говорят о благотворительности, то есть об ответственности за поддержку бедняков, детей, инвалидов и т. п.

Общество стало постаграрным, постиндустриальным, информационным. Отсюда переоценка традиционных ценностей. Часть из них действительно устарела, часть нуждается в сохранении. Но уже недостаточно говорить об упадке нравов и настаивать на сохранении традиционных добродетелей. Необходимо шире развивать социальные программы для преодоления неравенства и не-

справедливости. Впрочем, и сами представления о справедливости и равенстве нуждаются в пересмотре. Проблема в том, что каждый индивид выполняет в обществе ту или иную роль и при этом является человеком. Как совместить должностные инструкции с моральными нормами, как заинтересовать предпринимателя в ответственном и честном бизнесе — такова наша проблема.

Развитие современного общества порождает множество противоречий, обострение которых может привести к кризису. Например, в обществе благоденствия наблюдается опасное снижение рождаемости, то есть слабая биологическая инвестиция, что в конечном итоге сводит на нет все усилия, связанные с ростом богатства. Сценарий развития будущего должен включать в себя осмысление тенденций развития не только экономики и политики, но и демографии. Выживают те общества, которые проявляют больше заботы о подрастающих поколениях, то есть о детях. Все это предполагает обострение чувства ответственности на самых разных уровнях. Какие бы перспективные программы социального развития не предлагали ученые, как бы эффективно политики не воплощали их в жизнь, без активного участия масс в модернизации общества невозможно добиться успеха.

Современные общества представляют собой все усложняющуюся систему, множественность структур которой требует все более тонких настроек и механизмов их согласования и подсоединения. Рыночная экономика предполагает автономность бизнеса, ибо попытки его ограничения моральными или иными требованиями могут привести к застою. Однако отсутствие социальной ориентированности у предпринимателей тоже может стать источником серьезных проблем. Простые призывы к моральной ответственности, конечно, вежливо выслушиваются, однако если предприниматели будут излишне чувствительны к страданиям других людей, то вряд ли окажутся конкурентноспособными. Таким образом, серьезным препятствием модернизации российского общества оказывается разное понимание ответственности. Когда на место старых управленцев-производственников приходят эффективные менеджеры-финансисты, то работников охватывает страх. Люди боятся, что организация, в которой они служили, будет «распилена» и продана. Конечно, и так бывает. Поэтому социальная ответственность управленцев состоит в том, чтобы совместить труд, который, как известно, является формой жизни, и рынок, который измеряет результаты труда деньгами. Нужно честно признать, что ни государство, ни бизнес не озабочены счастьем людей и не ставят своей задачей развитие человека. Но проблема не в том, чтобы их разрушить, а в том, чтобы добиться их согласования с другими подсистемами общества, добиться их тонкой настройки и подсоединения к моральным нормам.

1.7. Ответственность в условиях современности

Что такое современность, что старшему поколению в ней не нравится и чем оно не нравится современности? Легенда о Золотом веке — это утопия, но нельзя считать опыт прошлых поколений чем-то бесполезным, тем более, вредным и опасным. Поскольку главным требованием современности становится креативность и способность к инновациям, то старшее поколение представляется как тяжелый груз, мешающий ускоренному развитию.

Может быть, самая серьезная проблема современности — это разрушение механизмов передачи традиции. Социальный кризис, процесс ломки старого порядка еще не завершился. Поэтому всякий разговор о сохранении традиций вызывает подозрение в старческом консерватизме. Однако он неизбежно встает и перед молодым поколением, забывшим своих предшественников. Время истории ускоряется и опережает время жизни, и нынешнее молодое поколение может оказаться не у дел еще раньше, чем сегодня старшее. Если к этому прогнозу можно отнестись с юмором (кому не хочется отдохнуть у тихой речки), то гораздо серьезнее звучит предположение, что, на самом деле, не старшее, а младшее поколение является «потерянным».

И все же моральные оценки не должны абсолютизироваться. Чаще всего разговоры об ответственности поколений сводятся к суду над историей. Но не пора ли нам взглянуть на себя глазами своих славных предков, которые жили в более тяжелых условиях, действовали по другим правилам, не совпадающим с нашими. Поэтому морально-правовой дискурс должен дополняться историческим.

Свобода, рынок и демократия ведут к разрушению органических связей между людьми, к росту индивидуализма и конкуренции. Частная собственность и капитал также приводят к отрицательным последствиям, в частности, к противоречию общественного характера труда и частного присвоения его результатов. Если капитализм в России будет развиваться по классической схеме, это может привести к социальным взрывам. Благодаря использованию ресурсов стран третьего мира Западу удалось повысить уровень жизни и решить проблему бедности, но расплатой за это стали потоки беженцев из бедных стран и этнические конфликты. Поскольку Россия идет по пути использования мигрантов в качестве дешевой рабочей силы, она сталкивается с похожими проблемами.

Противоречие богатых и бедных сгладилось внутри стран первого мира и обострилось между передовыми и отсталыми странами. В силу этого политические и экономические конфликты перешли на международный уровень и обострились настолько, что заговорили о войне цивилизаций. Ответственность за конфликты

возлагают на терроризм, однако многим уже ясно, что протест граждан третьего мира вызван деятельностью международных корпораций и финансовых рынков, которые используют ресурсы развивающихся стран в своих интересах и не оставляют им иного пути, кроме пути сырьевых придатков.

Вместе с тем современный капитализм уже недостаточно осмыслять в таких ценностных понятиях, как «эксплуатация», «отчуждение», «классовая борьба». Сам термин политическая экономия под вопросом. Вместо этого предлагается «economics», где главными понятиями являются «потребление», «символическое производство», «обмен услугами» и др. Действительно, капитализм второй половины XX века поднял благосостояние людей на небывалый уровень — у них стало много свободного времени, доля тяжелого труда снизилась. Европейское общество перешло в постиндустриальное состояние. При этом одни воспринимают его как воплощение мечты о стране с молочными реками и кисельными берегами, а другие — как раковую опухоль современности.

Какие же упреки высказываются в адрес капитализма эпохи ультрамодерна? Зеленые протестуют против разрушения естественной среды обитания, пацифисты — против гонки вооружений, страны третьего мира — против империализма, антиглобалисты — против превращения Земли в зону свободной торговли, а гуманитарии говорят о новых формах отчуждения. Классический капитализм развивался в рамках суверенизации национальных государств и одновременно в условиях создания общего рынка, который способствовал либерализации потоков товаров и капиталов и который регулировался в интересах государства. Отсюда классическая экономика — это политика, поэтому как наука она получила название политической экономии. Неоклассическая экономическая теория абстрагируется от политики и описывает исключительно экономические процессы, хотя и настаивает на ограничении власти, препятствующей свободе предпринимателей. Для либеральных экономистов общество, мораль, человеческие потребности не имеют значения, главное — прибыль.

По мнению других, рыночная экономика действует на общество как «сатанинская мельница». Э. В. Альтфатер отмечал: «Рынок предстает перед нами как отвратительное место, где идет борьба за контроль над ценами, контроль объема сбыта, контроль доступа к природным ресурсам, дешевой рабочей силе»[32]. Дерегуляция привела к тому, что борьба ведется без правил. Наибольшей властью обладают транснациональные концерны, доходы которых превышают бюджет небольших государств. Крупные фонды и бан-

---

[32] *Альтфатер Э.* Какая теория и какие категории позволяют понять современный капитализм? // Альтернативы. № 3. М., 2007. С. 88.

ки способны вызвать кризисы в Азии или Латинской Америке. Разграбление стран «третьего мира» продолжается, как и сто лет назад.

Ф. А. фон Хайек утверждал, что рынок — это система обменов, свободная от давления власти. Этот теоретический конструкт опровергает экономика России, власти которой чинят производителям всяческие препятствия. Кроме того, превращение вещи в товар — это и есть политика, которая идет на поводу у финансовых рынков. В области денег и финансов рынки обладают абсолютной властью. Спекулянты не несут ответственности ни перед государством, ни перед народом. Менеджеры крупных банков, инвестиционных фондов несут ответственность только перед теми, кто предоставляет им деньги и ожидает прибыли. Частные игроки действуют путем вымогательства, фальсификации, коррупции. Отсюда огромное количество «грязных» денег, которые «отмываются» в офшорных зонах, где вмешательство государства сведено к нулю.

Если раньше источником несправедливости считалось господство меньшинства над большинством, то сегодня конформистская система порядка существует до или помимо власти. Она определяется континуальным процессом циркуляции товаров, знаний, услуг, в котором функционирует и человек. Грубо говоря, раньше человек испытывал влечения, имел натуральные потребности и сталкивался с сильными препятствиями на пути их реализации в форме простой нехватки или запрета. Сегодня, особенно в развитых странах, порядок проник на уровень самих потребностей. При этом потребности не подавляются, а стимулируются. Но парадокс в том, что если нет запретов, то человек уже не испытывает и влечений. Нет никакого конфликта между «хочу» и «можно» — таким образом, пропадает очевидный, непосредственно переживаемый каждым опыт столкновения с чуждой силой.

Как же достигается единство общества, если ответственность перестает действовать? Мораль, религия в секулярных обществах были объявлены частным делом. Больше нет прямой связи между верой в Бога, добрыми делами и хорошим будущим. Будущее уже не определяется моральными достоинствами людей. Хорошие идеи имеют плохие последствия, если осуществляются революционными методами, и наоборот, пороки способны двигать развитие вперед.

В современном мире, который характеризуется мультисистемностью, человек становится агентом тех или иных социальных институтов и принимает решения исходя из логики их развития, а не из интересов совместно живущих людей. В связи с этим необходимо исследование интегративных механизмов, соединяющих людей в общество, и достижение баланса между множеством видов ответственности, определяемых институтами, и «большой ответственностью» перед человечеством, обществом и природой.

Обычно подразумевают ответственность индивида перед обществом. Речь идет об обязанности, долге. Родители и государство инвестируют материальный и символический капитал в форме воспитания и образования молодежи и, естественно, надеются на то, что эти вложения окупятся сторицей. Чем более здоровыми, сильными, и умными вырастают индивиды, тем более крепкими и жизнеспособными становятся коллективы. Таким образом, можно говорить как о взаимной выгоде, так и о взаимной ответственности.

К сожалению, в жизни получается не столь гладко, как в теории. Бесспорно, что люди отличаются от других животных чрезмерно затянутым периодом детства, требующим длительной поддержки взрослых, но столь же бесспорно, что они наделены индивидуализмом, переходящим в эгоизм и недоброжелательность по отношению к другому. Может быть, Аристотель имел основания утверждать, что человек является общественным животным. Однако сегодня более реалистичным представляется мнение Канта о злобно-недоверчивой природе человека.

Слабое, незавершенное, беспомощное существо долгое время нуждается в заботе, прежде чем сможет жить самостоятельно. Кажется, что никогда в истории общества затраты на воспитание подрастающих поколений не были столь велики, как сегодня. И вместе с тем именно сегодня и родители, и общество сталкиваются с неблагодарностью и безответственностью своих воспитанников. Инвестиции в детей становятся все более значительными и вместе с тем «невыгодными», и только так можно объяснить падение рождаемости в развитых странах.

Все это заставляет спросить, верно ли формулировать проблему ответственности в терминах долга, включающего в себя не только этическое, но и экономическое значение? Такое сомнение посещает и неолибералов — авторов теории «человеческого капитала». Дети, конечно, вызывают чувство умиления, и стремление их бескорыстно опекать является вполне естественным. Но сегодня поддержка детей требует все больших усилий и уже не исчерпывается материнской лаской и отцовской заботой. Воспитание и образование, нацеленное на формирование необходимых для функционирования современного общества индивидов, требует значительных затрат. Причем даже здоровье и физическая подготовка, не говоря о культуре и специальных знаниях, умениях и компетенциях, уже не являются естественными следствиями проживания в природной среде. Напротив, они предполагают весьма дорогостоящие и искусственные условия существования, включая очистку воды, воздуха и продуктов питания от вредных примесей. Для развития тела уже недостаточно улицы, требуются специальные помещения и систематические упражнения под контролем специалистов и т. п.

Самое обидное при этом, что дети вырастают не совсем такие, как хотелось бы. Выросшие в условиях «профилактория» — так можно определить сегодняшние парки для выращивания детей, — они не могут эффективно противостоять грубым внешним вызовам. Хуже того, есть подозрение, что «кисло-молочный гуманизм» на самом деле способствует накоплению агрессии, которая выплескивается в форме ужасных эксцессов. Однако это вовсе не означает, что стоит вернуть старые практики воспитания.

В условиях продолжающегося финансового кризиса консерваторы с новой силой заговорили о необходимости развития производства, о ценности тяжелого труда, о ресурсах и источниках энергии. Но дискредитация экономики «производства впечатлений» совсем не означает необходимости возврата к индустриальному обществу. На самом деле, можно реинкарнировать традиционные экономики, в которых сохранение природы, воспроизводство человека и общества были главными целями.

Если раньше речь шла о том, что молодые люди не должны уронить свой род в глазах других и вести себя сдержанно и достойно, то теперь одной аскезы недостаточно. Для сохранения хорошей физической формы необходимы натуральные продукты, а также спортивные студии и фитнес-клубы. А все это стоит дорого. Сегодня на рынке женихов и невест к конкурентам предъявляются новые требования. Помимо собственности, красоты и культуры требуется здоровье. Следует различать расизм и современное экономическое использование генетики. Последнее состоит в том, что общество заинтересовано в сохранении человеческого капитала путем его контроля и отбора. Но тут тоже возможны нежелательные демографические и политические последствия — например, отъезд молодых женщин за рубеж с брачными целями. В России государство ответило на это «материнским капиталом» в обмен на рождение детей. Но проблема не только в количестве, но и в качестве. Родители должны передать ребенку культурный капитал, а это требует времени и усилий. Они инвестируют в детей, оплачивая тот кредит, который когда-то получили от своих родителей. Признавая интересной попытку неолибералов описать в терминах экономики рождение, воспитание, образование подрастающих поколений, нельзя не указать на поверхностность и, может быть, ошибочность рыночной аналогии. Для этого годится, скорее, понятие дара, то есть язык доэкономических обществ. То, что дают детям, не возвращается сторицей. Они остаются должниками своих родителей, но могут возвратить отданное ими тепло и заботу свои детям.

Несмотря на заявления об «отмирании государства», о «смерти Бога», об «исчезновении реальности» в науке, о «дегуманизации искусства», названные феномены культуры становятся даже более значимыми, затрагивающими широкие массы людей. Все это под-

нимает философские проблемы их согласования. Дело в том, что в наследство от прошлого нам достался некий антиномизм, противопоставление, разграничение морали и права, науки и религии, искусства и жизни. Например, три «Критики» Канта представляют собой, по сути, разные дисциплины, в каждой из которой действуют свои критерии оправдания. Поэтому вопрос о том, как они согласуются, остается весьма актуальным. В частности, проблема подсоединения морали и права, науки и религии, которая в свое время обсуждалась в России как конфликты правды и истины, закона и благодати, не только не исчезла, но и обострилась.

Конечно, это не означает, что нужно вернуться к временам, когда следовало устанавливать, какая из «дисциплин» диктовала остальным критерии рациональности. Например, безусловное господство религиозных или моральных норм привело бы к стагнации социальную, экономическую, научную и эстетическую структуры общества. Абсолютизация морали и религии при отсутствии терпимости ничем не лучше господства идеологии. То, что раньше называли тоталитаризмом, сегодня превратилось в угрозу фундаментализма.

В науке согласование противоположностей осуществляется на основе принципа дополнительности. Подобный прием следует применять и в гуманитарном познании. Например, очевидно, что невозможно прописать юридические законы на все случаи жизни, но и делать все, что не запрещено, тоже не следует. Здравый смысл, культурные традиции и обычаи, нормы морали и профессиональной этики эффективно регулируют сферу повседневной жизни. Законы вступают в силу, если возникает угроза жизни, собственности, наконец, чести и достоинства граждан.

При обсуждении теоретической согласованности критериев истины, ценности, художественного вкуса, права и морали также следует учитывать границы их применимости. Например, истины, хотя и проходят стадию проверки, однако, в принципе, не зависят от согласия людей. Наоборот, ценности предполагают признание, и оно достигается по-разному. На страже юридических законов стоит государство, этические нормы и эстетические суждения вкуса принимаются обществом.

Все сказанное имеет непосредственное отношение к постановке и решению проблемы ответственности. Основанием закона являются не только чьи-то сиюминутные и часто эгоистические интересы. Пренебрежение традициями, обычаями, принятыми в обществе, ценностями обрекает законы на бездействие. Чтобы этого не произошло, должны применяться санкции. Однако к каждому полицейского не поставишь — и кто же тогда будет контролировать полицию? Поэтому установка на правовое государство не должна вытеснять моральное сознание. Точно так же и с религией. Как из-

вестно, церковное и светское право регулируют разные стороны жизни людей. Обоснование юридических законов происходит иначе чем в науке. Например, преступление остается преступлением, даже если оно не раскрыто и принесло большую пользу совершившему его лицу. Критерий практической реализуемости в праве применяется иначе чем в научном познании. И вместе с тем очевидно, что наука не находится по ту сторону права, морали и религии. Она подлежит оценке и в то же время сама может спросить о доказательности, обоснованности — иными словами, легитимности тех требований, которые к ней могут предъявлять мораль, право и религия. Получается, как в догме о тринитарности: ипостаси нельзя ни смешивать, ни разделять. Фемида изображается с весами. Но не следует рассматривать юстицию как математическую машину со входом и выходом. На самом деле, судья — это не вычислительная машина. Он должен учитывать как интересы сторон, так и цели правосудия. Отсюда исполнение закона — это творческая и ответственная деятельность. Исходя из различия закона и способа его применения можно попытаться исследовать соотношение права, морали и религии, выявить различные инстанции ответственности и попытаться достичь их баланса.

Осознавая мультисистемность общества, трудно признать язык какой-либо из его подсистем за универсальный. Даже научный дискурс, который внедряется во все сферы жизни, наталкивается на сопротивление. Зато мораль кажется применимой к самым разнообразным сферам человеческой деятельности, ибо с помощью дифференциации на плохое и хорошее можно оценивать все остальные феномены. Однако право не может сводиться к морали, как оно не сводится к науке или идеологии. Необходимость дистанцирования вызвана осмыслением границ опыта морального осуждения, который является весьма распространенным в российской истории. Другим мотивом его сдерживания является тот факт, что мораль не может оценивать сама себя. Какая мораль считается хорошей? Та, которая совпадает с моим представлением о границах плохого и хорошего? Но тогда те, кто принимает мою мораль в качестве универсальной, сильно рискуют.

Представим на минуту, что в современном обществе какая-то его подсистема станет претендовать на абсолютную власть. Когда-то таким абсолютным масштабом была идеология, и это подавляло развитие экономики. Сегодня приоритет отдается бизнесу, но общество страдает от беззастенчивых дельцов. Допустим, как советуют некоторые, в качестве противовеса финансовым спекуляциям и бизнесу вообще мы выдвинем на передний план нормы религии и морали. Многие считают, что моральные ограничения будут способствовать оздоровлению общества. Возможно, это произойдет, но какой ценой? Либералы правы, когда утверждают, что господст-

во норм морали и религии приведет бизнес в упадок. Конечно, есть доля истины и в концепции М. Вебера, который считал, что капитализм опирается на протестантскую этику. Но отметим, он указывали на этику, а не на мораль, согласно которой богатство — это зло. Другое дело этика. Она имеет не запретительный, а разрешительный характер и ее предписания учитывают как требования морали, так и условия, при которых ими можно руководствоваться. Решение этической комиссии — это тоже достижение баланса интересов сторон. Каждая заявляет о своих интересах, однако решение принимается с учетом мнения остальных. Таким же справедливым способом следует решать проблему ответственности. Если понимать право как оправдание сильного, то вряд ли можно добиться его всеобщего признания. Наоборот, абсолютная, «чистая» ответственность практически недостижима — невозможно отвечать за все. В споре об ответственности целесообразно искать баланс. И философ здесь не судья, а, скорее, арбитр.

* * *

В эпоху Просвещения утвердилась модель человека как активного автономного субъекта. На самом деле, с антропологической точки зрения значительный период жизни человек нуждается в опеке и поддержке со стороны родителей и общества. Это дети, больные, старики. Да и в других состояниях человек не всегда отдает приказы, ибо чаще всего должен подчиняться. Это требует ограничения модели активного субъекта и концептуализации таких практик ответственности, как преданность, заботливость, солидарность, справедливость. Ответственность предполагает служение, отказ от самоволия и даже отречение, доходящее до жертвенности, которая есть радикальная форма осуществления себя и другого. Конечно, отдать жизнь за спасение других — это крайняя мера. По идее, гуманное общество должно исключать такой выбор, стремиться разнообразить возможности самореализации. Самопожертвование уместно в «терминальных» состояниях — это граница человеческого существования. Балансируя между фатализмом и волюнтаризмом в своих повседневных поступках, обычно человек принимает то или иное решение исходя из своей конечности.

Общество не является безличной структурой, как оно выглядит в моделях политологов и социологов, а остается, особенно в своей приватной сфере, формой бытия с другим, для чего, собственно, и предназначен человек. Тот факт, что, добившись независимости, он ужасно страдает от одиночества, вселяет надежду, что общество, все-таки сохранится не только как система безличных связей, но как частная жизнь людей, стремящихся к духовному единству, к эмоциональному межличностному общению.

Способно ли общество к самостабилизации, или для этого требуются специальные усилия? Нельзя не видеть, что кроме экономических критериев в современном обществе складываются иные требования. Идеи свободы, равенства, солидарности и справедливости образуют ядро человеческих желаний. В сущности, этот набор входил еще в христианскую философию. Эти идеи, трансформированные в демократической и социалистической идеологиях, стали источником модернизации. Однако чувства равенства, справедливости и свободы имели и разрушительные последствия. На самом деле, права человека имеют ограниченную сферу применения и не определяют, как человек реализует право на жизнь. Будет он хорошим или плохим человеком, зависит от воспитания; будет он умным или глупым, зависит от качества образования; будет он врачом или военным, зависит не только от личного выбора, но и от набора профессий, которые предоставляет общество.

Задача философской антропологии и состоит в том, чтобы в современном обществе восстановить арсенал прототехнологий формирования и воспитания людей. Не додав ребенку любви и тепла в семье и дома, нельзя наверстать упущенное путем образования. Как бы потом его не приучали на уроках этики к толерантности, отсутствие сострадания и сопереживания непременно скажется в каких-нибудь ужасных эксцессах, не в школе, так в казарме или офисе. Существует набор антропологических констант и практик их формирования, которые должны воспроизводиться на любом уровне развития цивилизации. Иначе за комфорт мы заплатим душевной пустотой, а за благоденствие — падением рождаемости, то есть детско-материнской нищетой.

Глава 2
АНАЛИТИКА ОТВЕТСТВЕННОСТИ

2.1. Определение и разновидности ответственности

Ответственность — это особое отношение между поступками человека, его намерениями, а также оценками этих действий другими людьми или обществом. Взятое относительно человека как рационального агента действия, это отношение есть сознательная интеллектуальная и физическая готовность субъекта к реализации или воздержанию от совокупности действий, могущих потребоваться вследствие выполнения или, наоборот, невыполнения данным субъектом некоторых других действий[1]. Феномен ответственности представляет собой нормативное отношение или отношение долженствования, но это долженствование особого сорта. Оно не возлагается на кого-либо, подобно долгу, и никому не предоставляется, как это происходит с правами или привилегиями, не делегируется, подобно полномочиям, но устанавливается между реальным или виртуальным субъектом поступка и его деятельностью. Ответственность — следствие намеренной деятельности людей, следствие того, что люди действуют рациональным образом. Ответственность при определенных условиях может предстать как обязательство — моральное, юридическое, религиозное или экзистенциальное, — хотя для того чтобы субъекту поступка быть ответственным, ему достаточно быть рациональным, или, как это формулирует Х. Арендт, обладать «способностью суждения» в смысле способности судить о поступках людей, в том числе и о своих собственных[2]. «Не потому поступок ответственен, что рационален, а потому он и рационален,

---

[1] См.: *Лисанюк Е. Н.* Ответственность, рациональность и власть // Правовое государство и ответственность личности: Коллект. Моногр. / Под ред. И. Д. Осипова, С. И. Дудника. СПб.: СПФО, 2011. С. 61–77.

[2] *Арендт Х.* Личная ответственность при диктатуре / Пер. с англ. Р. Гуляева // Арендт Х. Ответственность и суждение. М.: Изд. Института Гайдара, 2013. С. 52.

что ответственен», — утверждает петербургский философ Г. Л. Тульчинский[3].

Системы оценок, такие как мораль, право, религиозная вера, экзистенциальное чувство или какие-либо еще, для того чтобы *быть* ответственным, не требуются, при условии, что ответственность понимается как отношение агента — индивида, группы индивидов или некоторой общности — к своим действиям, их оценке и последствиям таких действий. Системы оценок такого рода нужны лишь для того, чтобы *признать* ответственного достойным порицания или одобрения и, если необходимо, возложить на него вытекающие из этого обязательства.

Отношение между ответственностью как характеристикой поступка или деятельности и их оценкой в какой-либо системе не носят необходимого характера и, как будет показано далее, являются результатом коммуникативного взаимодействия. Данное взаимодействие можно видеть в двух ракурсах: как каузально-оценочное и как оценочно-каузальное. Далее мы будем использовать также би-латинизированную версию этих названий: каузально-аксиологический и аксиологически-каузальный подходы к ответственности. В первом случае ответственность агента есть отношение между его деятельностью в смысле причинных связей между ним самим и вызванными этой деятельностью событиями; после установления причинных связей так понимаемое отношение ответственности может быть в дальнейшем оценено на основе какой-либо системы норм или ценностей. Вместе с тем в этом случае оценка является своеобразной «надстройкой», налагаемой на уже установленное отношение ответственности агента к действию или событию. В англоязычной литературе для указания на так понятый каузальный аспект отношения ответственности используют термин *liability*, или вменимость. Во втором, оценочно-каузальном, случае оценивание отношения ответственности выступает первичным в связи с действиями агентов, причем сначала устанавливается отношение подотчетности между агентами, именуемое в англоязычной литературе термином *accountability*[4]. Подотчетность — это несимметричное отношение между одним агентом, на которого возложена обязанность предоставлять объяснения по поводу своих действий, и дру-

---

[3] *Тульчинский Г. Л.* Рациональность как форма ответственности: метафизика эффективности ответственного социального партнерства // Миссия интеллектуала в современном обществе: Сб. статей / Под ред. Ю. Н. Солонина и др. (Вестник СПбГУ. Министерство образования и науки РФ. Приложение). СПб., 2008. С. 525—536.

[4] Подробнее о соотношении понятий вменимости, подотчетности и ответственности см.: *Lisanyuk E.* Five steps to responsibility // Revista da Faculdade de Direito da UFMG, issue 63 (2013) (URL: http://www.direito.ufmg.br/revista/. Дата обращения: 30.09.2013).

гим агентом, которому предоставлено право требовать такого отчета от первого агента. Таким образом, оценочно-каузальное понимание ответственности носит деонтологический характер и является императивно-атрибутивным. Как будет показано в параграфах 2.4 и 3.5, этот путь ведет к исследованию ответственности посредством деонтической логики. В этом случае ответственность есть разновидность нормативных мультиагентных социальных отношений и, будучи рассмотрена в таком ракурсе, позволяет исследовать особенности социальных институтов общества, но не дает возможности разграничить каузальный и аксиологический аспекты отношения ответственности. Однако это можно сделать, основываясь на каузально-оценочном подходе, в русле которого мы и будем исследовать ответственность в этой главе. Такой же подход используется, в частности, и для того, чтобы выявить специфику моральной ответственности, которая в противном случае, то есть если ее анализировать в оценочно-каузальном аспекте, неминуемо сведется к деонтологическому аспекту социальных связей и будет поглощена им[5]. Напротив, конфликтная ответственность, служащая проявлением такого рода социальных связей и их нормативного характера, в других разделах этой книги исследуется именно в оценочно-каузальном аспекте[6].

Считать чье-либо действие или поступок ответственным и быть ответственным в связи со своими действиями — это не одно и то же. Все дело в том, что внешняя оценка поступка, производимая уже после его совершения, и планирование поступка действующим лицом, обращенная в будущее и подразумевающая исследование альтернативных историй развития событий, — это два различных аспекта отношения ответственности. Оценка поступка производится на основе исследования каузальных связей между событиями, в которые активно вовлечен агент. В отличие от этого задумывание поступка есть создание определенной модели деятельности агента, в которой с учетом действий самого агента не только различным сценариям развития событий может быть придано разное значение в рамках одной и той же модели, но эти сценарии могут быть рассмотрены при помощи качественно разных моделей. Например, одна модель может оценивать поступки с точки зрения полезности, другая модель — с точки зрения вероятности и т. п. В результате оказывается, что признать поступок ответственным означает, помимо прочего, реализовать некий когнитивный проект изучения мотивации агента к его совершению. Таким образом, здесь мы стремимся к тому, чтобы провести границу между ответственностью агента как особой оценкой его рациональной деятельности —

[5] О моральной ответственности см. главу 4 в этой книге.
[6] О конфликтологии ответственности см. главу 5 в этой книге.

планирования действий — и оценкой поступков, в рамках которой агент вместе со своим поступком может быть одобряемым или порицаемым.

Первая оценка — это оценка действия самим агентом, своеобразная оценка «от первого лица». Мы будем называть ее обоснованием. В контексте обоснования речь идет об исследовании отношения ответственности, устанавливаемого между намерениями агента и его действиями. Вторая оценка происходит со стороны, через призму уже совершенных агентом действий, то есть постфактум. Это оценка «в третьем лице», назовем ее легитимацией. Легитимация возможна только при наличии обоснования. Если агент не является ответственным «в первом лице», в том смысле, что не может сформулировать и представить обоснование своих поступков, то и считать его ответственным «в третьем лице», в смысле легитимации, проблематично. Правоведы называют вторую оценку вменением, различая объективное вменение, не связанное с намеренностью действий агента, и субъективное, подразумевающее сознательное совершение поступков. Обе разновидности вменения суть легитимация в нашем понимании.

Введенное разграничение между ответственностью агента и оценкой его поступков позволит аргументировать три важных положения:

1) о различном характере ответственности в связи с действиями, различающимися с точки зрения мотивации агентов и с точки зрения их успешности и эффективности;

2) о разграничении между ответственностью агента за совершенные им действия и ее последующей оценкой в терминах какой-либо системы оценок или норм;

3) об особенностях оценивания различных действий агентов при помощи статических и динамических моделей.

Во-первых, действия людей, составляющие их поступки, качественно различаются в смысле того, каким образом в них связаны два важных аспекта всякого поступка: намерение и план действия как интеллектуальная деятельность и результаты ее реализации — собственно событие. Различные в этом отношении поступки людей требуют разных моделей оценки их действий. Так, в сознательных действиях, которые далее будут рассмотрены как стратегические, можно выявить мотив, собственно поступок и результат, причем все эти аспекты поступка в ходе его реализации могут быть сохранены, но могут и измениться. Таким образом, не все сознательные действия людей таковы, что можно с точностью эти аспекты установить. Часто бывает так, что люди, действуя в реальных житейских условиях, пересматривают и свой ранее сформулированный мотив, и конкретные намерения, а подчас и саму цель, ради которой поступок был задуман. В таких весьма распространенных на

практике случаях, несмотря на то что установить определенно мотив и намерения агента бывает непросто, это не означает, что они вообще отсутствуют и действие агента было случайным, непреднамеренным. Вместе с тем, намеренный характер действий — это очень важный аспект применительно к определению меры ответственности агента за совершенный им поступок, однако в большинстве случаев, за неимением лучшего, различные в указанном смысле поступки оцениваются при помощи одних и тех же моделей, уже опробованных ранее на других видах действий. Наиболее распространены каузальные модели, которые, как будет далее продемонстрировано, лучше всего подходят для оценки стратегических действий, однако представляют собой упрощенные модели для коммуникативных и креативных действий.

Во-вторых, меру ответственности агента естественно определять на основе установления причинно-следственных связей между поступком человека и различного рода последствиями этого поступка, что, в принципе, можно сделать для большинства действий людей, но все же не для всех. Этим же способом можно установить меру каузальной вины, однако невозможно определить меру ответственности, а также то, является данный поступок одобряемым или порицаемым. Чтобы определить меру ответственности и оценить поступок, требуется некая система оценок, а также инстанция, ее применяющая. Поэтому здесь мы условимся разграничивать собственно ответственность агента за свои действия и оценку этих действий. В этом и заключается суть границы между каузальным и оценочным, или аксиологическим, аспектами ответственности, составляющими каузально-аксиологическую и оценочно-каузальную модели ответственности.

В-третьих, оценивание ответственности и поступков агентов связано с каузальным характером их действий и аксиологическими аспектами поведения людей. При этом оценивание поступков в терминах каузальных зависимостей и в аксиологических терминах происходит на основе специальных моделей, которые во многом носят презумптивный характер. Поскольку установить однозначно прямую и единственную причинно-следственную связь между агентом и результатом его действия часто бывает затруднительно, в целях оценивания поведения поступки людей рассматриваются путем сопоставления с некоей идеальной моделью для данного типа действий или данного типа агентов. Такого рода модели неявным образом сводят разнообразную деятельность людей к основным выделенным заранее типам поведения, тем самым в известной мере упрощая и обобщая ее. Поэтому моделям оценки действий людей здесь будет уделено особое внимание.

Основная проблема изучения ответственности в логическом ракурсе заключается в том, чтобы установить, между какими поня-

тиями, отражающими определенные аспекты этого отношения, надлежит установить формальные связи. Имеется ряд затруднений на этом пути, касающихся вычленения таких аспектов отношения ответственности. Первый важный шаг состоит в том, чтобы выявить внутри исследуемого феномена объектный и методологический уровни. «Мы будем тщательно различать логику, *которую* мы изучаем, и логику, *с помощью которой* это делается. Тогда нам придется различать и соответствующие *языки*: изучаемая нами логика формулируется на некотором языке, который мы будем называть *предметным языком* (или *языком-объектом*), поскольку этот язык, так же как и связанная с ним логика, является предметом (объектом) нашего изучения», — пишет С. Клини, характеризуя предмет логики как науки[7]. Следуя примеру Клини, мы отграничим многообразие форм проявления ответственности — юридическую, моральную, экзистенциальную и т. п. — от того, чем выступает ответственность в логическом ракурсе. Как будет показано далее, ответственность может быть представлена логически как разновидность отношения следования посредством введения праксеологических, аксиологических и некоторых других модальных операторов.

С точки зрения логики ответственность — это многосортное интенсиональное отношение между агентом, его намерениями и действиями и их оценками. Здесь важно подчеркнуть, что для логического изучения ответственности потребуется сконструировать специальное понятие логического значения, отличное от того, что обычно используется в модальных системах. Совокупность отношений между агентом, его намерениями и поступками, с одной стороны, а также между этим агентно-деятельностным аспектом и его оценкой, с другой стороны, составляющая вместе искомое отношение ответственности, очевидным образом опирается на понятия действия и оценки, а не на понятие положения дел. Это обстоятельство означает, что для изучения ответственности требуется отказаться от привычного представления об истинности высказывания, выражающего некоторое описание ситуации, в пользу истинности высказывания, указывающего на совершенное действие. Таким образом, мы будем двигаться в русле проверенной временем рекомендации Р. Карнапа, и для исследования нового объекта — ответственности — нам предстоит не только сформулировать новый язык, но и ответить на «два вида вопросов о существовании: первый — вопросы о существовании определенных объектов нового вида в данном каркасе, называемые внутренними вопросами; и второй — вопросы, касающиеся существования или реальности системы объектов в целом, называемые внешними вопросами. Внут-

---

[7] *Клини С.* Математическая логика / Пер. с англ. Ю. А. Гастева под ред. Г. Е. Минца. М.: Мир, 1973. С. 11.

ренние вопросы и возможные ответы на них формулируются с помощью новых форм выражений. Ответы могут быть найдены или чисто логическими методами, или эмпирическими методами, в зависимости от того, является каркас логическим или фактическим. Внешний вопрос имеет проблематический характер, нуждающийся в тщательном исследовании»[8]. Ответы на внешний вопрос содержатся в других разделах этой книги. Создание специальной семантической модели и формулирование определений, фиксирующих логические аспекты отношения ответственности, и будут ответом на внутренний вопрос.

Затруднения методологического характера в логическом исследовании преодолеваются посредством принятия соответствующих абстракций. Одно из них — это проблема «сущего-должного», подмеченная еще Д. Юмом. Юм писал: «Автор в течение некоторого времени рассуждает обычным образом, устанавливает существование Бога или излагает свои наблюдения относительно дел человеческих; и вдруг я, к своему удивлению, нахожу, что вместо обычной связки, употребляемой в предложениях, а именно: „есть" или „не есть", не встречаю ни одного предложения, в котором не было бы в качестве связки „должно" или „не должно". Подмена эта происходит незаметно, но тем не менее она в высшей степени важна. Раз это „должно" или „не должно" выражает некоторое новое отношение или утверждение, последнее необходимо принять во внимание и объяснить, и в то же время должно быть указано основание того, что кажется совсем непонятным, а именно того, каким образом это новое отношение может быть дедукцией из других, совершенно отличных от них»[9]. Сформулированная в этом известном отрывке проблема «сущего-должного» в силу своей остроты заслужила название «гильотины Юма».

Требовать разъяснений относительно того, каким образом возможно при помощи описания фактов обосновать возникновение долженствования, вполне справедливо, и имеется множество возражений, почему такое обоснование спорно. Одно из таких возражений в логике известно под названием дилеммы Йоргенсена, и к нему мы вернемся ниже. Здесь же уместно будет обратиться к тому, что обоснование возникновения долженствования при помощи фактических обстоятельств на практике весьма распространено, и процитированное рассуждение Юма в явной форме подтверждает это. В последнем предложении Юм указывает на факт того, что связка «„должно" или „не должно" выражает некоторое новое от-

---

[8] *Карнап Р.* Эмпиризм семантика онтология // Карнап Р. Значение и необходимость. М., 1959.

[9] *Юм Д.* Трактат о человеческой природе // Юм Д. Соч. в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1965. С. 618.

ношение», и посредством этого *факта* он обосновывает два своих *требования*: «принять во внимание... это новое отношение» и «указать... каким образом это новое отношение может быть дедукцией из других, совершенно отличных от них».

Таким образом, проблема «сущего-должного» применительно к изучению ответственности играет двоякую роль. В теоретическом плане она предостерегает против того, чтобы возникновение какого бы то ни было долженствования, составляющего, на первый взгляд, суть ответственности, формально обусловливать при помощи фактов. В практическом отношении она служит своеобразной подсказкой о том, что такое обоснование есть не просто переход от одного утверждения о наличии в действительности некоторой ситуации к другому утверждению такого же рода. Такое обоснование — это разновидность деятельности, которую мы здесь предлагаем рассмотреть как стратегическую деятельность рациональных агентов, принимающих решения о том, как должно поступать на основе присущей им свободы воли. В ракурсе агентной акциональной перспективы проблема «сущего-должного» теряет свое методологическое значение, подобно тому как это происходит с ее деонтическим аналогом — дилеммой Йоргенсена (см. также параграф 3.1).

Формализмы, моделирующие ответственные поступки и ответственное поведение людей, переводят проблему отношений между фактами и долженствованием в практическую плоскость при помощи двух презумпций, эпистемической и праксеологической. Праксеологическая презумпция — это презумпция рациональности и разумности агентов, которую в известном смысле можно считать презумпцией свободы воли. Суть этой абстракции заключается в следующем. Субъекты действий считаются разумными агентами, в смысле способности формулировать намерения действий на основе своей воли, и рациональными агентами, поскольку подразумевается, что они способны придерживаться линии поведения, сформулированной ими путем соотнесения своих целей со средствами и условиями их достижения. Технически презумпция рациональности и разумности агентов выражается при помощи специальных праксеологических операторов, определенных над действиями агентов и вводимых в формальные языки логических теорий дополнительно к другим модальным операторам, в том числе алетическим («возможно», «невозможно», «необходимо») и деонтическим («обязательно», «позволено», «запрещено»), определенным над положениями дел.

Приведем *пример принятия праксеологической презумпции* (далее — Пример):

Герой совершил Поступок, в ходе которого спас заложников, захваченных Террористом. Не решись Герой на такой Поступок, залож-

никам грозила бы неминуемая гибель. Целью Героя при совершении Поступка было спасти всех заложников, однако осуществить это Герою не удалось — некоторые заложники погибли.

Оценим результат Поступка Героя по 5-балльной шкале:

+2 — в ходе Поступка все заложники спасены;

+1 — в ходе Поступка большая часть заложников спасена, меньшая часть погибла;

0 — в ходе Поступка никого спасти не удалось, но никто не погиб;

–1 — в ходе Поступка меньшая часть заложников спасена, большая часть погибла;

–2 — в ходе Поступка никто не спасен, все заложники погибли.

Презумпция рациональности состоит в том, чтобы считать, что Герой способен сформулировать план действий по реализации Поступка таким образом, чтобы достичь наиболее благоприятного исхода +2. Подразумевается также, что Герой способен адекватно оценить как собственные силы и способности в этом деле, так и реальную ситуацию, в которой ему придется действовать. То обстоятельство, что в результате Поступка имел место менее благоприятный исход +1, а на деле могло бы все закончиться еще хуже, никак не влияет на факт наличия определенных намерений и способностей у Героя. Иными словами, до тех пор пока нет оснований заключить обратное, мы будем придерживаться допущения о том, что агенты действуют во имя заявленных ими целей, и они ведут себя разумно и рационально, стремясь составить и реализовать планы наиболее эффективного достижения своих целей.

Разумеется, возникает вопрос, несет ли Герой ответственность за гибель тех, кого он желал спасти, но не смог? Для того чтобы ответить на этот вопрос, нужно преодолеть два других методологических затруднения на пути логического анализа ответственности. Во-первых, нужно условиться, каким образом проводить разграничение между двумя группами фактов: между ситуациями, возникающими независимо от поступков людей, и ситуациями, наступающими в результате их действий. Во-вторых, требуется оценить, в какой мере на результат поступка повлияли не зависящие от его субъекта обстоятельства, например, естественные причины, действия других лиц и т. п. Назовем этот второй аспект действиями Другого, имея в виду, что субъекту рассматриваемого поступка неизвестны причины такого рода обстоятельств, равно как и то, являются они результатом спланированных действий других лиц или нет. Отложим обсуждение этих вопросов до параграфов 3.4 и 3.5, где действия Другого, будь то другой агент или природа, представлены в рамках стратегической модели, и сосредоточимся пока на первом затруднении.

В Примере вопрос о разграничении между обстоятельствами, которые Герой учитывал, планируя Поступок, и факторами, которые сознательно или неосознанно он оставил за рамками своего плана, равнозначен вопросу о том, является печальная участь погибших заложников следствием спланированных действий Героя или она есть результат стечения обстоятельств, которые Герой в своем плане Поступка предвидеть вряд ли мог. В первом случае можно говорить, что Герой несет ответственность за гибель людей, потому что она могла наступить по причине неверной оценки Героем общей ситуации захвата заложников, намерений Героя или осознаваемых им собственных способностей; однако во втором случае наверняка утверждать этого нельзя. Вместе с тем, во втором случае Герой несет ответственность за риск, который явным образом сопровождал его план Поступка, но не за гибель людей. Понятие ответственности за рискованные действия мы рассмотрим далее специально, для чего нам сначала потребуется ввести классификацию видов действий с учетом праксеологической презумпции — это будет сделано в параграфе 3.1, а также обсудить действия Другого через призму оптимальных стратегий агентов — в параграфах 3.4 и 3.5.

Таким образом, требуется установить границу между двумя типами поведения агента. С одной стороны, это детерминистское поведение, когда действия агента считаются обусловленными фактическими ситуациями, причем эти действия, в соответствии с праксеологической презумпцией, включают в себя и способности агента — в Примере это непредвиденная гибель части заложников. С другой стороны, это индетерминистское поведение, когда поступок агента рассматривается вне такой обусловленности — в Примере это знание Героя об ущербности его плана. Вызван ли поступок человека внешними обстоятельствами, обусловлен ли он исключительно личными намерениями, отдавало ли действующее лицо себе отчет в том, какие последствия могут иметь его действия, или вообще оно действовало только из эмоциональных побуждений — эти и другие подобного рода вопросы указывают сразу на несколько взаимосвязанных аспектов логического изучения ответственности. В русле аналогии с проблемой «сущего-должного» их можно назвать проблемой «должного-сущего». Эта проблема основательно была изучена И. Кантом в «Критике практического разума». «Различие между законами такой природы, которой *подчинена воля*, и такой *природы, которая подчинена воле* (касательно отношения воли к ее свободным поступкам), покоится на том, что в первом случае объекты должны быть причиной представлений, которые определяют волю, а во втором — воля должна быть причиной объектов, так что причинность этой воли имеет свое определяющее основание исключительно в способности чистого разума, ко-

торая может быть поэтому названа также чистым практическим разумом»[10].

В логическом смысле проблема «должного-сущего» состоит в ответе на вопрос, действуют рациональные и разумные агенты в условиях свободы выбора или всегда подчиняются долгу. Эпистемическая презумпция, или презумпция свободного выбора, используется в целях моделирования ответственного поведения в ряде случаев, но не всегда. Содержательно эта презумпция означает принятие гипотезы о том, что в условиях наличия осознаваемых агентом обязательств или неизбежных обстоятельств агент может выбрать, следовать такого рода требованиям, учесть обстоятельства или пренебречь и ими. Если агент *выбирает* второе и решает пренебречь первым, то в планах его будущей деятельности, помимо действий во исполнение обязательства, имеется хотя бы одна линия поведения, где он *выбирает* действие вопреки данному требованию или обстоятельствам. Соответственно, непринятие эпистемической презумпции означает, что в условиях, когда агент знает о существовании обязательства, каждая из формулируемых им линий деятельности предполагает его исполнение, и нет ни одной линии поведения, где оно бы нарушалось[11]. В отличие от свободы воли — необходимого и достаточного условия разумности, согласно И. Канту, свобода выбора есть причина поступков, цели которых многообразны и не всегда соответствуют тому, как следовало бы поступать исходя из долга и разумности. «Разумное существо может с полным основанием сказать о каждом своем нарушающем закон поступке, что оно могло бы и не совершить его, хотя как явление этот поступок в проистекшем времени достаточно определенен и постольку неминуемо необходим»[12].

В Примере мы будем считать, что Герой действует в условиях свободы выбора, то есть придерживается индетерминистской линии поведения, если ему известно, что его план Поступка небезупречен или что существует другой план Поступка, в котором исходы более благоприятны, однако Герой тем не менее принимает решение избрать первоначальный план. Это может произойти, когда, например, Герой действует, руководствуясь соображениями личной славы или иными мотивами, помимо цели спасения заложников. Если же Герой действовал, руководствуясь наилучшим, на его

---

[10] *Кант И.* Критика практического разума. СПб.: Наука, 1995. С. 159.

[11] Непринятие презумпции свободного выбора и лояльное поведение — не одно и то же (см.: *Lisanyuk E.* Preference, priority and defeasibility in the logic of norms // Восьмые смирновские чтения по логике: материалы Междунар. науч. конф. Москва 19—21 июня 2013 г. / Отв. ред. В. И. Маркин. М.: Современные тетради, 2013. С. 157—158.

[12] Кант И. Критика практического разума. С. 426—427.

взгляд, планом Поступка по их спасению, хотя, возможно, и осознавал рискованность своих действий, то такое поведение Героя условимся считать детерминистским и будем говорить, что никакой свободы выбора у Героя не было. Таким образом, отказ от эпистемической презумпции ведет к детерминистскому проекту изучения ответственности, а ее принятие — к индетерминистскому, или рассудительному (делиберативному), проекту. Технически это разграничение выражается посредством использования различных праксеологических операторов и разных логических моделей (см. Приложения 1 и 2 после главы 3).

В свете исследования ответственности важно подчеркнуть, что эпистемическая презумпция, принимаемая в отрыве от анализа способностей агентов и других существенных обстоятельств, может привести к парадоксальным выводам относительно связи между рациональными поступками людей, то есть совершенными на основе свободы воли, и эффективностью таких поступков. Например, во многих странах граждане являются не только субъектами, но и *объектами* системы социальной безопасности. Система социальной безопасности направлена на сохранение и улучшение уровня и качества жизни граждан и включает в себя разнообразные социальные услуги. В этом смысле каждый гражданин является объектом системы социальной безопасности. Одновременно большинство граждан участвуют в ее создании и поддержании, являясь налогоплательщиками, на средства которых она существует, а многие — также и работниками, обеспечивающими ее функционирование. Получается, что факт того, что некий гражданин желал бы стать субъектом системы социальной безопасности своей страны, не обязательно влияет на то, что он является уже не только ее объектом, будучи гражданином своей страны, но также и субъектом, если находится в трудоспособном возрасте и исправно платит налоги[13]. Иными словами, свобода выбора линии поведения агента есть определенная абстракция, указывающая на специфическое мнение агента о целях и задачах своих действий, сформулированных с опорой на некие факты или ситуации. При этом в свете эпистемической презумпции ни фактическое существование такого рода фактов или ситуаций, ни адекватность определяемых на их основе целей поведения не исследуются, но принимаются как имеющие место. Тем самым при помощи эпистемической презумпции удается избежать того, чтобы изучать непостоянные и не всегда достоверные мнения людей относительно их деятельности и, в соответствии с рекомендациями Аристотеля[14], сосредо-

[13] *Sen A.* Rationality and Freedom. Harvard UP, 2004. P. 416.

[14] *Аристотель.* Вторая аналитика I 33 88b 30 — 89a10 // Аристотель. Соч. в 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1978. С. 255—346.

точиться на том, чтобы рассматривать лишь необходимые связи между рациональными намерениями людей и результатами их реализации.

2.2. Каузальный и аксиологический аспекты отношения ответственности

Социально-философское осмысление ответственности берет свое начало в трудах античных философов и развивается преимущественно в намеченных еще Аристотелем в «Никомаховой этике» двух ракурсах рассмотрения: причинности, детерминизма и свободы воли, а также зрения справедливости, долга, ценностей и воздаяния.

В этих двух тенденциях оказываются переплетенными два ключевых аспекта феномена ответственности — каузальный и аксиологический, причем, как уже говорилось выше, соотношение этих аспектов можно понимать двояко: в каузально-аксиологическом и аксиологическо-каузальном ракурсах. Здесь мы придерживаемся идеи о том, что каузальный аспект служит своеобразным основанием для аксиологического. В уточнении философских особенностей каузального и аксиологического аспектов ответственности заключается основное значение начального этапа логического исследования этого отношения.

Рассмотрим подробнее каузальный и аксиологический аспекты ответственности, с тем чтобы сформулировать определение ответственности. Каузальный аспект связан с причинно-следственными отношениями между фактами окружающего мира и событиями в нем и реализованными и планируемыми действиями людей, а аксиологический — с оценкой этих отношений, взятых вместе или по отдельности в какой-либо системе оценок, например правовой или моральной. И в каузальном и в аксиологическом аспекте для анализа ответственности можно выделить разновидности каузальных и аксиологических отношений, сообразно тому как понимается этот феномен. Так, в каузальном аспекте можно разграничить причинно-следственные отношения между событиями, понимаемыми как факты действительности, и отношения опричинивания, или причинения, — между субъектом поступка, которого будем называть агентом действия, и неким свершившимся событием. В первом случае одни факты считаются причиной других, как например грозы и дожди считаются проявлением погодного циклона, а особенности циклонов и антициклонов в данной местности, в свою очередь, — проявлением климата, характерного для нее. Во втором случае причиной наступления события, возможно наряду с причинами первого рода, также является некий агент. Например, Герой и

его действия выступают причиной совершенного им Поступка, грабитель — причиной совершенного им грабежа, а Перун в древнеславянской мифологии — причиной гроз и дождей. В дальнейшем причинение мы будем считать особой разновидностью действия, в отличие от инструментального и стратегического действий (см. параграф 3.2).

Помимо этих двух разновидностей каузальных отношений можно выделить и третье, описывающее соотношение между событием и совокупностью физических и интеллектуальных способностей агента, то есть соотношение «способность агента → событие». Это соотношение подразумевает не только праксеологическую презумпцию, подобно отношению «агент → событие», но в некоторых случаях также и эпистемическую, потому что может включать в себя оценивание агентом ситуации выбора применительно к уже сформулированному плану действий. Уточнение этой разновидности каузального отношения, наряду с первыми двумя, позволяет разграничить особые случаи вменения ответственности агенту в процессе оценки его поступков. Так, отношение «способность агента → событие» является весомым в случае с определением *меры* ответственности грабителя, поскольку подразумевается, что грабитель осознавал криминальный характер своих действий. Однако в случае с Героем дело обстоит иначе, потому что в этом случае, для того чтобы положительно оценить действия Героя и сформулировать применительно к ним идею поощрения, необходимо и достаточно установить наличие лишь первых двух каузальных отношений «событие → событие» и «агент → событие», а изучение третьего не требуется, ведь Герой принимает решение совершить Поступок в силу того, что не видит иных способов достичь своей цели и освободить заложников. В случае с Перуном отношение «способность агента → событие» также играет важную роль. Признание его наличия или отсутствия не только определяет различие между древнеславянским и современным представлениями о природе погодных явлений, но и вообще помещает современные метеорологические представления в область каузальных отношений «событие → событие», то есть преимущественно вне сферы агентной ответственности, оставляя в ней лишь древнеславянские.

Это происходит в силу двух обстоятельств. Во-первых, вследствие особенностей разграничения внутри аксиологического аспекта производных относительно выделенных разновидностей каузального аспекта. Аксиологический аспект ответственности подразумевает проведение границы между событиями, которые считаются вызванными причинами, не предполагающими действий рациональных агентов, то есть укладывающимися в отношение «событие → событие», и событиями, вызванными действиями агентов, то есть выраженными в отношениях «агент → событие» и «способ-

ность агента → событие». Это разграничение необходимо для того, чтобы отличать события с точки зрения отношения ответственности, исключая из его области события первого рода, наступающие в результате действий естественных причин, не связанных с поступками агентов. Влияние естественных причин на поступки и поведение рациональных агентов обычно выражают при помощи соответствующих модальностей — алетических, временных, деонтических и др.

Во-вторых, каузальное отношение «способность агента → событие» можно понимать по-разному: в строгом и в нестрогом смысле. В строгом смысле способность агента — это только совокупность его физических и интеллектуальных компетенций, служащая необходимым, но не достаточным условием того, чтобы событие наступило. В нестрогом смысле способность агента, помимо личных компетенций агента, включает в себя также осознание агентом общей ситуации его деятельности. Способности агента в нестрогом смысле включают в себя его способности в строгом смысле, но не наоборот. Эпистемическая презумпция может быть принята только во втором, нестрогом понимании способностей, но это необязательно для понимания способностей агента, поэтому в дальнейшем ее принятие будет всякий раз оговариваться специально. Условимся сохранить за выражением «способности агента» строгое понимание, которое будем фиксировать при помощи выражения «С-способности агента», а на способности агента в нестрогом смысле будем указывать посредством выражения «Д-способности агента», имея в виду их делиберативный характер.

Изучение всех четырех разновидностей каузальных отношений: «событие → событие», «агент → событие» и двух типов отношений «способность агента → событие» представляет собой в равной мере эпистемологический и практически-прикладной проект. С точки зрения анализа ответственности разграничение этих разновидностей каузальных отношений весьма существенно, потому что его результат лежит в основании последующего аксиологического аспекта. Так, сегодня большинство согласится, что Герой, ответственный за совершенный им Поступок, заслуживает поощрения, грабитель — наказания, потому что и Герой, и грабитель по результатам исследования каузальных связей были признаны элементом этих связей в смысле второго отношения, то есть отношения «агент → событие». Однако вряд ли большинство согласится, что поощрения или наказания за дождь и грозу заслуживает Перун, потому что вне зависимости от религиозных предпочтений с точки зрения современной науки причина дождя и грозы лежит в сфере каузального отношения «событие → событие», а не в сфере отношения «агент → событие», тогда как в аксиологическом аспекте феномен ответственности связан лишь с каузальным отношением

«агент → событие», подразумевающим также отношение «способности агента → событие», и не связан с отношением «событие → событие». Сопоставляя поведение Героя и грабителя, можно заметить, что грабитель несет ответственность за свои действия, поскольку в них идентифицируются все четыре разновидности каузальных отношений. В случае с Героем, вопрос о том, насколько он был способен на Поступок в сильном смысле отношения «С-способности агента → событие», нуждается в специальном исследовании. Возможно, свой вклад в анализ ситуации и составление плана действий Героя внесли сотрудники спецслужб и другие специалисты по безопасности, которые в таком случае разделяют ответственности за риск, сопутствовавший Поступку, но не за сам Поступок. Иными словами, даже при первом общем приближении к феномену ответственности становится ясно, что краеугольным камнем его анализа являются понятия агента, намерений и действий агента, причем как отличные друг от друга и от представлений о фактах.

2.3. Структура отношения ответственности

Ключевая идея логического анализа отношения ответственности, отстаиваемая здесь, состоит в следующем. Утверждать, что агент α является ответственным за действие φ, означает утверждать сразу несколько положений касательно α и φ. Помимо утверждения (0) о том, что имеет место φ, выражаемого при помощи пропозициональной переменной φ, это утверждения о том, что:

1) агент α намеренно совершил действие φ;

2) агент α способен был совершить действие φ;

3) действие φ, совершенное агентом α, одобряемо (порицаемо);

4) на агента α возлагаются некоторые обязательства в связи с (1)—(3).

Условимся называть эти утверждения следующим образом: ситуация (0) — утверждение о факте φ, или имевшем место событии; намерения (1) — утверждение о намерениях агента α в смысле праксеологической презумпции; способности (2) — утверждение о способностях агента α, включая эпистемическую презумпцию, если потребуется; оценка (3) — утверждение об оценке поступка φ агента α со стороны лиц или институтов, компетентных это делать; для удобства изложения такой источник оценки поступка агента мы будем называть Инстанцией ответственности, или просто Инстанцией; последствия (4) — нормативные последствия из (3), если таковые имеются, в том числе для агента α.

В структуру нормативных последствий (4) могут войти и обязательства агента α, возникающие вследствие (0)—(3), и, если это применимо, объект таких обязательств, который условимся назы-

вать бенефициарием ответственности β. Мы полагаем, что возникновение обязательств такого рода и наличие бенефициария является важным, но не необходимым аспектом отношения ответственности. С точки зрения соотношения субъектов обязательств и прав агент α, выступающий субъектом ответственности, в результате (3)—(4) может стать и субъектом возникающего обязательства. Бенефициарий ответственности β в такой ситуации станет субъектом соответствующего права, если возникшее обязательство — в его пользу. Стоит особо подчеркнуть, что Инстанция и Бенефициарий ответственности — это разные субъекты, хотя они и могут совпасть в некоторых случаях. В Примере роль Инстанции будет выполнять, по-видимому, ведомство, где служит Герой, и, если потребуется, государство в лице суда, представляя интересы граждан, или сами граждане, признанные потерпевшими. Бенефициарием ответственности, которую, быть может, возложат на Героя, станут те люди и организации, которым, согласно решению Инстанции, действиями Героя был нанесен урон. Вместе с тем, решение Инстанции может быть и таково, что Поступок признают одобряемым — Подвигом, и тогда либо обойдется без того, чтобы существовал какой-либо Бенефициарий ответственности Героя, либо в этой роли выступит сам Герой, представленный к награде, повышению по службе и т. п.

Как будет далее показано, при условии определенных допущений философского характера совокупности утверждений (1)—(3) и (3)—(4) могут быть представлены как утверждения о формальных отношениях и, стало быть, могут быть предметом логического анализа. Другие группы отношений, составленные из утверждений (0)—(4), при помощи предлагаемых здесь средств анализа выразить формально нельзя, потому что они либо выступают атомарными единицами в составе молекулярного отношения ответственности, либо уже выражены посредством презумпций, либо носят социально-коммуникативный характер. Так, соотношение намерений и способностей агента (1)—(2) напоминает кантовский постулат «должен, значит, можешь», который мы ранее условились считать праксеологической презумпцией. Установить формальное отношение между утверждением Инстанции (3) и каким-либо из утверждений (0)—(2), взятым по отдельности, очевидно, невозможно по соображениям здравого смысла[15]. Утверждение Инстанции (3) есть результат аргументативного взаимодействия сторон по поводу утверждений (1) и (2), за исключением тех случаев, когда Инстанция и субъект действия придерживаются одной и той же

[15] См. *Сёрль Дж.* Почему не существует дедуктивной логики практического разума // Сёрль Дж. Рациональность в действии. Глава 8. / Пер. с англ. А. Колодия, Е. Румянцевой. М.: Прогресс-Традиция, 2004.

системы оценок. Утверждение о нормативных последствиях (4) может быть логическим следствием из утверждения Инстанции (3) лишь при условии существования некоторой нормативной системы. В большинстве случаев, в ракурсе каузально-оценочного подхода, которому мы здесь следуем, принятие утверждения о том, что некто обязан выполнить какое-то действие, поскольку ответственен за что-либо, является не формальным отношением, как это обстоит с (1) и (2), а продуктом обсуждения этого утверждения заинтересованными сторонами, в идеале — равными. Для сторонников оценочно-каузального подхода к ответственности, напротив, первично утверждение Инстанции (3). Такое утверждение фиксирует обязательство агента по отношению к кому-либо и, как уже подчеркивалось выше, непременно носит деонтологический характер. В силу этого оказывается, что каузальные отношения между агентом и его действием также носят деонтологический характер, и это означает, что агент изначально считается рациональным и обязан быть ответственным в связи со своим действием. Тем самым нормативные последствия, вытекающие из утверждения Инстанции (3), понимаются в сугубо деонтологическом ключе, и специфика отношения ответственности как отношения между агентом, его действием и оценкой этого действия со стороны инстанции поглощается изначально деонтологическим характером так понятой ответственности. В результате получается, что невозможно провести разграничение между ответственностью и различного рода обязанностями агента, коренящимися в нормативной системе, моральных установлениях или традиционном укладе жизни. По этой причине здесь мы рассматриваем ответственность в каузально-оценочном ракурсе, позволяющем выявить особенности отношения ответственности, отличающие это отношение от агентных обязательств.

Таким образом, в структуре отношения ответственности формальными являются два отношения: между событием — действием агента (0), намерениями (1) и способностями агента его совершить (2), которые также можно оценить (3), если имеется система оценок, и между утверждением Инстанции (3) и последствием такой оценки (4). Отношения между вменением и оценкой ответственности (3) и обязательствами агента, вытекающими из него (4), — это разновидность социально-коммуникативного отношения, которое может быть выражено в форме аргументативного диалога. Это отношение можно описать средствами логики, но нельзя представить как логическое отношение.

В дальнейшем мы введем дополнительные разграничения внутри отношений (1) и (2), чтобы уточнить разновидности ответственности. Так, нам потребуется отличить успешное и эффективное намеренное действие агента, когда ему удалось в полной мере

достичь цели, ради которой было задумано действие, от успешного, но не эффективного действия, когда, несмотря на то что задуманное действие было выполнено, цель агента достигнута не была. Мы будем разграничивать понятия стратегической и результирующей успешности и эффективности. В результирующем смысле действие агента будем считать успешным, если удалось достичь минимального положительного исхода, и эффективным, если исход — максимальный положительный. Как увидим далее, позитивная ответственность возможна только в случае успешного действия. Неуспешные действия, когда агенту не удалось выполнить действие и исход его — меньше минимального положительного, говорить об эффективности не приходится. Это, однако, не означает, что агент не несет никакой ответственности за свое действие — в случае неуспешного действия можно говорить об ответственности за риск и за попытку действия. Такую каузальную ответственность, возникающую в результате неуспешного действия, будем называть негативной.

В связи с этим особое значение имеет успешность и эффективность в стратегическом смысле. Эти понятия в полной мере можно отнести лишь к стратегическим действиям, когда агент намеревается осуществить именно то действие, о котором идет речь; и такие разновидности агентных действий, как причинение, инструментальное действие и некоторые другие, считаться успешными и эффективными в стратегическом смысле не могут. В Примере в результирующем смысле исходы +1 и +2 Поступка Героя успешны, хотя эффективность этих исходов Поступка неодинакова: +1 есть минимальный положительный исход, стало быть, Поступок успешен, но не эффективен, так как максимальный положительный исход не был достигнут Героем. Остальные исходы Поступка неуспешны и, следовательно, не являются эффективными. При помощи такого разграничения можно по-разному квалифицировать ответственность за поступки, эффективность которых различается. Как уже говорилось при рассмотрении Примера, в случае исхода +2 Герой несет ответственность за Поступок и за риск гибели заложников в ходе осуществления Поступка, который, как увидим далее, есть определенное соотношение между намерениями (1) и способностями (2). В случае исхода +1 Герой ответственен за риск гибели заложников, но не-ответственен за факт гибели людей, так как гибель людей, строго говоря, не является элементом стратегического Поступка. Применительно к остальным исходам Герой также ответственен за риск. Вопрос о причинно-следственной связи между фактом гибели заложников при неблагоприятных исходах 0, −1, и −2 — это вопрос о каузальном отношении между отдельными аспектами реализации Поступка Героем и последствиями этой конкретной реализации, то есть это утверждения о наличии связи между (0), (1) и (2). Чтобы выяснить степень ответственности Героя в этих исхо-

дах, данный вопрос необходимо исследовать в терминах действия-причинения и инструментального действия, но не стратегического действия, потому что неблагоприятные исходы, очевидно, были как раз теми сценариями, которых Герой стремился избежать в ходе планирования Поступка и его реализации. Стоит подчеркнуть, что вопрос о вине Героя, понимаемой как разновидность каузального отношения, есть утверждение об отношении между утверждениями (1) и (2). Вместе с тем вопрос о вине Героя в аксиологическом смысле — это утверждение (3) Инстанции и, возможно, (4), об обязательствах, возникающих вследствие утверждений (2) — об ответственности, (3) и (4) — об оценке этой ответственности и последствиях, вытекающих из данной оценки. При этом, несмотря на то что утверждения (3) и (4) связаны с группой утверждений (0)—(2), эта связь носит социально-коммуникативный, а не логический характер.

2.4. Логический анализ ответственности как отношения в праве

Одним из первых, кто обратился к анализу правовых понятий как особого рода отношений, был американский правовед Уэсли Ньюкомб Хохфельд. Свои идеи он изложил в двух статьях, опубликованных в «Йельском Журнале Права» в 1913 и 1917 годах[16], однако широкую известность они получили только во второй половине XX века — в 1978 году отдельной книгой были опубликованы рукописи Хохфельда, находившиеся до этого в архиве. Одна из идей Хохфельда, интересующая нас здесь в связи с логическим изучением отношения ответственности, состоит в том, что фундаментальные понятия права представляют собой юридические отношения, устанавливаемые между субъектами, и связи между такими отношениями можно выразить логически. Таковы понятия обязанности и противоположное ему понятие привилегии, а также соотносимое с ним понятие права, аналогично — понятия ответственности, иммунитета и власти соответственно. Связи пар юридических понятий по Хохфельду изображены в таблице 2.1.

Пары отношений, изображенные в двух крайних справа столбцах Таблицы 2.1, можно представить в виде схемы, расположив их наподобие логического квадрата, с учетом того, что они несимметричны относительно пары субъектов, между которыми они уста-

---

[16] *Hohfeld W. N.* Some Fundamental Legal Conceptions as Applied in Legal Reasoning // 23 Yale Law Journal 16 (1913); *Hohfeld W. N.* Fundamental Legal Conceptions as Applied in Judicial Reasoning. Yale University Press (1946). The article appeared earlier at 26 Yale Law Journal 710 (1917).

Таблица 2.1

Юридические понятия и отношения по У. Хохфельду

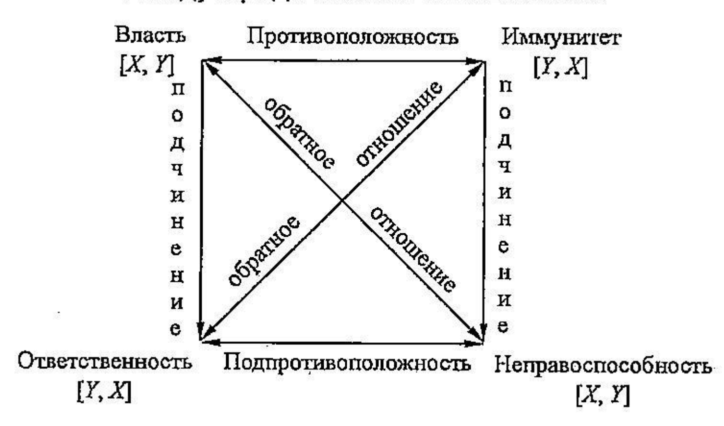
	Право	Привилегия	Власть	Иммунитет
Юридические противоположности	отсутствие права	обязанность	неправоспособность	ответственность
Юридические соотношения	обязанность	отсутствие права	ответственность	неправоспособность

навливаются. В соответствии с этим, если нормой установлена ответственность агента *X* по отношению к агенту *Y*, то из этого следует отсутствие иммунитета у *X* по отношению к агенту *Y*, и обратное также верно. Наличие власти у агента *X* по отношению к агенту *Y* влечет ответственность *Y* перед лицом *X*, но обратное неверно, однако отсутствие ответственности у *Y* перед лицом *X* подразумевает отсутствие власти у *X* над *Y*. Вместе с тем, если неверно, что *Y* ответственен перед *X*, то из этого следует, что *X* неправоспособен в отношении *Y*, однако обратное неверно. Под неправоспособностью здесь понимается невозможность для агента быть субъектом прав и обязанностей. В Таблице 2.2 отношения внутри пар субъектов берутся абстрактно, вне связи с какими-либо конкретными действиями или ситуациями.

Согласно Хохфельду, норма права — это не указание на должный порядок и не правило поведения, как считается в стандартной деонтической логике, но установление определенного отношения

Таблица 2.2

Логические зависимости между юридическими отношениями

между субъектами. Анализ таких отношений в духе Хохфельда приводит к заключению о том, что если обязательство, запрет или позволение можно рассматривать при определенных условиях и как нормы, и как отношения, то ответственность, равно как и власть (полномочие), привилегию и ряд других отношений можно исследовать лишь как отношение, но нельзя — как правило или норму, понимаемую в качестве долженствования определенного рода, потому что отождествление ответственности *Y* перед лицом *X* исключительно с обязательством *Y* не отражает того, что *X* наделен властью (полномочиями, правами) в отношении *Y*. Такое отождествление ответственности *Y* с обязательством, субъектом которого также выступает *Y*, правомерно лишь в том предельном случае, когда *Y* также является и субъектом ответственности, и властным субъектом, например если *Y* — бог.

Подход Хохфельда стимулировал изучение логических аспектов сначала таких юридических понятий, как право, привилегия, ответственность, иммунитет и т. п. в ракурсе особых отношений между агентами, а в дальнейшем в этом же ключе и понятий доверия, полномочия, компетентности и др.[17]

У. Хохфельд не был первым, кто подметил относительный и агентно-зависимый характер норм морали и права. По-видимому, пионером подобной идеи был И. Бентам, который считал, что «положение человека в жизни устанавливается его легальным отношением к окружающим его лицам, то есть устанавливается обязанностями, которые, будучи положены на одну сторону, порождают *права* и *род власти* другой»[18]. С именем И. Бентама часто связывают становление деонтической логики, хотя судьба его сочинения «О законах» (Of Laws in General), где он изложил идеи ее построения, напоминает историю с наследием У. Хохфельда. Считается, что этот труд Бентам написал в 1872 году, однако лишь в 1945-м были опубликованы отрывки из него, а целиком он увидел свет только в 1970 году, благодаря усилиям философа права Г. Харта и его коллег[19]. В силу этого, детали Бентамовой концепции построения деонтической логики, которую он называл Логикой командования, или Логикой воли, в полной мере стали известны только в последней трети XX века, когда развитие соответствующего разде-

---

[17] *Миков А. А.* Формализация целей и ограничений ИТС средствами деонтической логики. URL: http://www.ict.edu.ru/ft/005705/68351e2-st07.pdf. Дата обращения: 12.08.2010. *Lorini E., Demolombe R.* From Trust in Information Sources to Trust in Communication Systems: An Analysis in Modal Logic. KRAMAS, 2008. P. 81—98.

[18] *Бентам И.* Введение в основание нравственности и законодательства. М.: РОССПЭН, 1998. С. 310.

[19] *Lindahl L.* Position and change: A studt in law and logic. Synthese Library. Vol. 112. Dordrecht, 1977. P. 5.

ла логики ушло далеко вперед, и поэтому широкого признания они не нашли. Вместе с тем, Бентам был весьма плодовитым автором, и многие из его идей, включая и некоторые соображения касательно логических свойств основных правовых отношений, изложены сразу в нескольких его произведениях. Так, финский логик Г. фон Вригт еще в 60-х годах XX века был знаком с концепцией Логики командования, называя ее линией Бентама в деонтической логике в противовес линии Лейбница[20], в русле которой сам фон Вригт и создавал свои деонтические системы.

По всей видимости, Бентам не был знаком с идеями Лейбница и к мысли о создании Логики командования пришел независимо от него. Подобно трактатам Хохфельда и Бентама, сочинение Лейбница «Элементы естественного права» (Elementa Juris Naturalis), датируемое 1671 годом, где Лейбниц выдвинул свои идеи создания Логики Права, было опубликовано лишь в 1930 году. Основное различие между двумя этими подходами состоит в том, что Лейбниц и Бентам по-разному понимали суть деонтической модальности. По версии Лейбница, деонтическая модальность — это указание на соответствующий статус ситуации, а в концепции Бентама — это установление определенного отношения между субъектами права.

Замыслы Бентама и Лейбница касательно операторов для деонтической логики весьма похожи:

Бентам	*Лейбниц*
Позволено	Законно
Запрещено	Незаконно
Приказано	Обязательно
Не приказано	Безразлично.

Расхождения между Бентамовым и Лейбницевым проектами построения особой логики, применимой к понятиям права, как ясно из этого сопоставления, относятся не к тому, каким образом можно выразить нормативное долженствование, но к тому, что представляет собой такое долженствование. Может показаться, что дистинкция между тем, считать нормой указание на определенный статус ситуации/действия, как в позиции Лейбница, или видеть в норме определенное отношение между субъектами, как это делает Бентам, есть вопрос философских предпочтений, и к исследованию логических аспектов ответственности он напрямую не относится. Однако это не так, потому что в русле линии Лейбница ответственность предстает исключительно как разновидность долженствования, тогда как в контексте идей Логики командования

[20] *Вригт Г. Х. фон.* Нормы, истина и логика // Вригт Г. Х. фон. Логико-философские исследования. М., 1986. С. 291—293.

Бентама она есть нормативное отношение между субъектами (права или морали).

Согласно Бентаму, главное в норме — это тот факт, что она определяет требуемое отношение между субъектами, а то обстоятельство, что такое отношение может быть установлено между ними как в отношении к какому-либо положению дел или действию, так и вообще безотносительно, для существа нормы является второстепенным. Другой важной особенностью Логики командования Бентама является то, что центральное место в ней отведено понятию позволения. Бентам пишет: «Власть, будь то над собственной личностью данного человека, или над другими личностями или вещами, создается прежде всего разрешением, но в той мере, в какой закон берет на себя активную роль в подкреплении ее, она создается запретом и приказом»[21]. Бентам считал власть и право проявлением воли законодателя, и поскольку, по его мнению, эта воля разумна, правовые отношения, включая отношение ответственности, выразимы в терминах особой логики — Логики воли.

В отличие от Бентама Лейбниц задумывает свою Логику права как ответвление логики вообще, так что основные логические постулаты, уже сформулированные ранее в связи с анализом закономерностей природы, здесь должны быть уточнены применительно к юридическим оценкам поступков людей. Задача Лейбница — не в том, чтобы выявить логические свойства командования и воли, как это делает Бентам, но в том, чтобы показать, что соответствие логическим постулатам и есть свидетельство нормативности, поскольку эти постулаты не подвержены казуистике, не зависят ни от сферы применения, ни от субъектов, в рассуждениях о действиях которых они используются. Лейбниц подчеркивает: «Правосудие вообще одно и то же у Бога и у людей; но факт в данном случае совершенно различен»[22]. Лейбниц отождествляет разумное поведение человека со свободным поведением, и поэтому для него разумность и есть главное свойство субъекта права. Он пишет: «Высшее совершенство человека не только в том, что он действует свободно, но и в том, что действует разумно; пожалуй, это даже одно и то же, потому что чем человек свободнее, тем реже его разум приходит в замешательство под натиском аффектов»[23]. Руководствуясь этим принципом, при помощи специальной константы «добропорядочного гражданина» (*vir bonus*)[24] Лейбниц распространяет формаль-

---

[21] *Бентам И.* Введение в основание нравственности и законодательства. С. 279.

[22] *Лейбниц Г.* Теодицея // Лейбниц Г. Соч. в 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 1983. С. 98.

[23] Там же. С. 182.

[24] См.: *Глинчикова А. В.* Истоки деонтической логики в философии Лейбница // Логико-философские штудии. Вып. 11 (2013). С. 136.

ные свойства понятий необходимого, возможного и невозможного положения дел, введенных ранее применительно к закономерностям природы, на область права и морали. Лейбниц видел определенные аналогии между алетическими и деонтическими модальностями[25]:

$O(\alpha) \leftrightarrow \Box_b(\alpha)$	α обязательно
$\neg O(\alpha) \leftrightarrow \neg \Box_b(\alpha)$	α не-обязательно
$P(\alpha) \leftrightarrow \Diamond_b(\alpha)$	α позволено
$F(\alpha) \leftrightarrow \neg\Diamond_b(\alpha)$	α запрещено.

Помимо этого, он видел аналогии также и между этими группами модальностей и соответствующими квантифицированными выражениями[26]:

законно	возможно	некоторые
незаконно	невозможно	ни один
обязательно	необходимо	всякий
безразлично	случайно	некоторые не.

Таким образом, выдвинутые Хохфельдом, а до него Бентамом, идеи создания логики правовых понятий и отношений во многом предвосхитили логические изучения ответственности как агентно-зависимого отношения. В отличие от этого, детерминистский подход в деонтической логике, в русле которого двигался Лейбниц, а поначалу также и фон Вригт, подразумевают онтическое понимание ответственности, отождествляя ее с долженствованием.

В этом контексте нужно упомянуть российского правоведа польского происхождения Л. И. Петражицкого (1867—1931), служившего профессором права в Санкт-Петербургском университете вплоть до своего отъезда за рубеж в 1921 году. Петражицкий — основатель психологической, или эмотивистской теории права. Его первые сочинения, написанные на немецком языке, увидели свет в Германии, где Петражицкий в конце XIX века находился в рамках научной стажировки, и почти сразу привлекли внимание международного академического сообщества[27]. В 1905 году в Петербурге на русском языке была опубликована «Теория права и го-

---

[25] Алетические операторы: $\Diamond$ — возможно, $\Box$ — необходимо; деонтические операторы: F — запрещено, O — обязательно, P — позволено; пропозициональные связки $\neg$ — отрицание, $\leftrightarrow$ — эквивалентность, нижний индекс *b* указывает на константу «добропорядочного гражданина».

[26] *Lindahl L.* Position and change. P. 11.

[27] *Тимошина Е. В.* Теория и социология права Л. И. Петражицкого в контексте классического и постклассического правопонимания: дис. ... докт. юрид. наук. М., 2013. С. 2—3.

сударства в связи с теорией нравственности», в которой Петражицкий обосновывает ряд теоретико-правовых соображений, во многом предвосхищающих анализ правовых отношений в духе Хохфельда. В частности, Петражицкий считает, что источником норм права и морали являются определенные эмоции, возникающие в связи с межсубъектными отношениями, а в нормах он видит особые императивно-атрибутивные отношения между субъектами. Сообразно этому, классификация норм Петражицкого связана с тем, каким образом обязательства и притязания в ней устанавливаются относительно субъектов права (морали). В соответствии с этим критерием Петражицкий выделял две группы норм:

— односторонне обязательные беспритязательные императивные нормы, накладывающие обязательства лишь на одного определенного субъекта нормы;

— обязательно-притязательные императивно-атрибутивные нормы, «которые, устанавливая обязанности для одних, закрепляют эти обязанности за другими, дают им права, притязания, так что по этим нормам то, к чему обязаны одни, причитается, следует другим»[28].

Далее Петражицкий подразделяет эти две группы норм по другим критериям — пассивного и активного отношения, автономные и гетерономные, индивидного и коллективного действия и т. п. Обязательно-притязательные нормы и есть установление отношений между субъектами, представимые далее как содержательные, в том числе и в духе Хохфельда. Таким образом, в терминах Петражицкого, ответственность есть разновидность обязательно-притязательной нормы, устанавливающей определенные отношения между субъектами, а источником такого отношения являются соответствующие этические переживания.

---

[28] *Петражицкий Л. И.* Теория права и государства в связи с теорией нравственности: Репринт изд. СПб.: Лань, 2000. С. 64—65.

Глава 3
ЛОГИКА ОТВЕТСТВЕННОСТИ

3.1. Существует ли логика ответственности?

Вопрос о том, каким образом можно выразить логически отношение ответственности, не относится к темам, широко обсуждаемым в логике. Он привлек внимание логиков лишь во второй половине XX века, когда технический аппарат формально-логического анализа, развиваемый в области логики и компьютерных наук, оказался в состоянии выразить многообразные аспекты ответственности, выявленные в сфере социальной философии, теории права и этике.

Несколько «запаздывающее» и, пожалуй, не слишком активное, внимание логиков к изучению ответственности объясняется двумя обстоятельствами — философским и логическим. Логическая причина «запаздывания» двоякая. Во-первых, логические концепции ответственности до сих пор носят, во многом, содержательный характер, что обусловливает создание адекватных формализмов опережающим уточнением философских аспектов этого отношения. Это в равной мере относится и к концепции ответственности, отстаиваемой здесь. Некоторые ее аспекты могут быть аксиоматизированы, но не все. Во-вторых, ответственность — сложное понятие, своеобразный логический *hi-tech*, требующий задействовать инструменты сразу нескольких концептуальных логических платформ, а развитие формального аппарата логики, как будет показано далее, лишь к концу XX века достигло таких технических возможностей, чтобы предоставить подходящие инструменты для его логического исследования. Дело здесь не в том, что логики оказались тугодумами в данном вопросе, а в том, что для того чтобы сделать ответственность предметом формально-логического анализа, требуется сначала изучить философскую сторону вопроса, выявив базовые разграничения и ключевые понятия. Особенности философского понимания ответственности, изложенные в других разделах этой книги, отчасти проясняют это обстоятельство, указывая на сложность и многоплановость феномена ответственности.

Первопроходцами логического изучения ответственности стали скандинавские исследователи. В 1957 году шведский ученый Стиг Кангер (1924—1988) предложил формализм, моделирующий некоторые разновидности понятия ответственности. Его подход исследует оценочный и агентный аспекты ответственности. Он основан на деонтической логике действий и предполагает особое понимание семантики действия. Мы вернемся к идеям Кангера ниже. Ключевым аспектом подхода Кангера и некоторых из его последователей выступил субъектный и акциональный характер отношения ответственности, для чего в выразительный язык своей деонтической логики действий он ввел агентные структуры и специальные операторы агентно-зависимого действия. Это позволило, помимо анализа ответственности, изучать логику сложных нормативных отношений, в отличие от простых действий, исследуемых в стандартных деонтических логиках. Идеи Кангера в русле логики действий развивал Ингмар Пёрн[1] и в русле деонтической логики нормативных отношений — ученик Кангера Ларс Линдаль[2].

Независимо от Кангера идеи специальной логики действий, не связанной ни с деонтическими модальностями, ни с изучением ответственности, выдвинули практически одновременно такие известные логики, как Г. фон Вригт, Ф. фон Кучера, Н. Белнап[3]. Существенный вклад в становление семантики для логики действий внесли Б. Челлас и Д. Габбай, независимо друг от друга предложившие схожие специальные семантические формализмы для индетерминистского анализа действий.

Современный этап логического анализа ответственности связан с применением аппарата теории игр к содержательным идеям, выдвинутым С. Кангером и Л. Линдалем, а также американским логиком Дж. Хорти. Теоретико-игровой подход дает возможность рассмотреть действия агента при помощи утилитаристской модели на основе оценки эффективности поступков и в зависимости от типа взаимодействия с другими агентами, в том числе с природой как неперсонифицированным агентом. Далее мы рассмотрим логическую концепцию анализа ответственности датского логика Мартина Мозе Бентцена[4], базирующуюся на ветвящихся структурах логики действий и утилитаристской модели игрового взаимодействия.

---

[1] *Pörn I.* Action Theory and Social Science: Some Formal Models. Synthese Library, D. Reidel Publishing Company, Dordrecht and Boston, 1977.

[2] *Lindahl L.* Position and change: A study in law and logic. Synthese Library. Vol. 112. Dordrecht, 1977.

[3] Подробнее о различиях в подходах см.: *Aqvist L.* Old Foundations for the Logic of Agency and Action // Studia Logica: An International Journal for Symbolic Logic. Vol. 72. N 3 (Dec., 2002). P. 313—338.

[4] *Mose Bentzen M.* Stit, Iit, and Deontic Logic for Action Types: PhD Dissertation. Roskilde University, 2009.

Подход Мозе Бентцена исследует индивидуальные стратегические действия и ответственность агента в связи с ними, однако его можно применить и для изучения групповых действий и деятельности в целом, понимаемой как последовательность стратегических действий определенного типа. На примере результатов Кангера и Мозе Бентцена будет продемонстрирован высокий эвристический потенциал каузально-оценочного подхода в противовес подходам, базирующимся на оценочной платформе.

В русле каузально-оценочного подхода развивается и теоретико-игровой подход голландских ученых Б. Коойя и А. Тамминги. В отличие от подхода Мозе Бентцена, ориентированного на индивидуальные действия независимых агентов, Б. Коой и А. Тамминга для анализа групповой ответственности используют элементы коалиционной логики и строят свой формализм при помощи консеквенциалистской, или квазиутилитарной, модели коалиционной игры. Это позволяет анализировать ответственное поведение групповых агентов в тех случаях, когда интересы индивидов в составе группы могут не совпадать с интересами группы. Б. Коой и А. Тамминга конструируют отношение ответственности как деонтическую надстройку над каузальными аспектами стратегических действий агентов в составе группы, причем эти действия они рассматривают через призму оптимальных стратегий. Тем самым выразительные средства выдвинутого ими формализма открывают возможность для того, чтобы оценить ответственность агентов, действующих в группе, отдельно от ответственности группы в целом, а также сопоставить эти два уровня ответственности. Таким образом, каузально-оценочный подход и теоретико-игровые методы позволяют создать вполне адекватные модели коллективной ответственности, правда, лишь в отношении стратегических действий. Детальный анализ подхода Б. Коойя и А. Тамминги мы оставляем за рамками данного исследования.

Подходы Кангера, с одной стороны, и Мозе Бентцена и Коойя—Тамминги, с другой, для анализа ответственности используют разные семантические формализмы — теоретико-модельный и теоретико-игровой соответственно. В ходе обсуждения этих подходов Кангера и Мозе Бентцена мы надеемся продемонстрировать, что создание моделей определенного рода деятельности рациональных агентов является узловым аспектом логического анализа ответственности и что конструирование такого рода моделей связано с философским осмыслением особенностей поведения рациональных агентов. Переход от теоретико-модельного к теоретико-игровому представлению поведения агентов с философской точки зрения есть переход от анализа действий путем оценки ситуаций, наступающих после их совершения, к исследованию поведения, состоящего из набора действий, реализуемых в русле определен-

Таблица 3.1
Абсолютные деонтические операторы и их алетические аналоги

	Стандартные деонтические операторы	Алетические аналоги деонтических операторов
обязательно	$O\varphi$	$\Box(\neg\varphi \supset S)$
запрещено	$F\varphi$	$\Box(\varphi \supset S)$
позволено	$P\varphi$	$\Diamond(\varphi \wedge \neg S)$

ных сознательно формулируемых стратегий агентов, выражающих их намерения. Тем самым удается перейти от моделирования ответственности, связанной с последствиями отдельных действий агентов, к моделированию ответственного поведения в целом. Последнее означает, что вместо совокупного суждения об ответственности на основе и каузальных, и аксиологических аспектов поступка появляется возможность судить о поступке в терминах ответственности и вины как каузального отношения отдельно от того, чтобы относительно этого же поступка выносить суждение лишь относительно его оценки, то есть о порицаемом или одобряемом характере данного поступка.

В последнее время активно развивается логический анализ ответственности посредством уточнения семантического понимания абсолютных деонтических операторов на платформе динамической логики. Сама идея динамической деонтической логики не нова, однако приоритет в исследовании ответственности в терминах динамически интерпретируемых деонтических операторов принадлежит отечественному логику А. Г. Кислову[5].

В деонтической логике нормы принято выражать при помощи деонтических операторов, представленных в Таблице 3.1. Пусть φ — это пропозициональная переменная, обозначающая какое-либо положение дел, тогда $O\varphi$, $F\varphi$ и $P\varphi$ будут выражать обязательный, запрещающий и дозволяющий статус ситуации φ. В русле линии Лейбница—фон Вригта, о которой еще пойдет речь ниже, обязательство, запрещение и позволение можно выразить при помощи алетических модальных операторов, опираясь на аналогию между ними и деонтическими модальными операторами и понятие константы-санкции S[6]. Санкцию S часто интерпретируют как ухудшение ситуации.

---

[5] *Кислов А. Г.* Динамическая логика и деонтические операторы в «строгом смысле» // Философия науки. 2012. Т. 52. № 3. С. 65—80.

[6] См.: *Лисанюк Е. Н.* Деонтическая логика // Логика: Учебник / Под ред. А. И. Мигунова, И. Б. Микиртумова, Б. И. Федорова. М.: Проспект, 2010. С. 377—424.

Таблица 3.2

Деонтические операторы Кислова

	Обязательно	Запрещено	Позволено
стандартные операторы (высокая степень ответственности)	O — воздержание от действия ухудшает ситуацию	F — выполнение действия ухудшает ситуацию	P — действие выполнимо без ухудшения ситуации
строгие операторы (низкая степень ответственности)	O^{+} — воздержание от действия может сделать ситуацию хуже	F^{+} — выполнение действия может сделать ситуацию хуже	P^{+} — выполнение действия точно не сделает ситуацию хуже

Краеугольным камнем анализа ответственности Кисловым выступает отграничение деонтических операторов в «строгом» смысле от их стандартного понимания (Табл. 3.2). В связи с введением «строгого» понимания деонтических операторов по Кислову, стандартное их понимание предстает как понимание в «слабом» смысле.

Формулируя некоторую норму, авторитет нормы может по-разному видеть ее субъекта, которому адресует данную норму: как исполнителя с высокой степенью ответственности или как исполнителя с низкой степенью ответственности. Законодатель полагает, что действия первого из них по реализации некоторой нормы или приказа в любом случае не повлекут ухудшения ситуации. Действия второго исполнителя, напротив, в некоторых случаях могут вызвать ухудшение. Такое презумптивное представление законодателя об исполнителе ведет к тому, чтобы формулировать нормы в терминах разных операторов в зависимости от того, как оценивают субъекта нормы. В случае высоко-ответственного субъекта норму формулируют в терминах стандартных, или «слабых», деонтических операторов, подразумевающих самостоятельный выбор субъектом стратегии поведения из широкого спектра доступных ему в условиях выполнения данной нормы. Если субъекта считают низко-ответственным, то норму для него выражают в терминах «строгих» деонтических операторов, значительно сужая область таких стратегий и тем самым ограничивая свободу субъекта нормы. Подход Кислова является оценочно-каузальным, однако не ведет к узости деонтологизма в понимании ответственности, свойственной подходам такого рода, когда ответственность агента предстает как одно из обязательств или запретов и особой спецификой по сравнению с другими обязательствами и запретами не обладает. Поскольку операторы Кислова носят динамический и презумптивный характер, постольку они открывают возможности для разви-

тия анализа ответственности агентов применительно к коммуникативному действию, а не только стратегическому.

Особенность подхода, предлагаемого здесь, заключается в том, чтобы разграничить каузально-оценочный, или каузально-аксиологический подход, и оценочно-каузальный, или аксиологически-каузальный, подход к ответственности. В первом случае ответственность понимается как разновидность агентного каузального отношения, надстройкой над которым служит некоторая нормативная система, оценивающая уже установленные каузальные отношения. При этом агент является ответственным сам по себе в силу стратегического характера своего поведения, а не по причине того, что должен или обязан быть ответственным, как того требует нормативная система. Такого рода обязывание, или долженствование, оказывается первичным во втором случае, что уравнивает обязательство агента и его ответственность, не делая различия между ними, если не предусмотреть технических средств выражения для агентных особенностей или для динамического характера обязывания. Второй подход, взятый в абсолютной и статической перспективе, ведет к тому, что быть ответственным и, стало быть, рациональным агентом есть не более чем обязательство в ряду других обязательств социального характера, таких как быть честным, вежливым и т. п. По этой причине слияние нормативной оценки и исследования каузального аспекта ответственности средствами логики здесь производится раздельно.

Таким образом, в логическом исследовании ответственности можно выделить три этапа: предыстории, или философский этап, в ходе которого были сформулированы каузальная и аксиологическая линия философских исследований ответственности, начальный — этап создания первых формализмов на основе модальной логики и теоретико-модельного подхода, и современный этап, характеризующийся теоретико-игровыми подходами, применяемыми в логике действий и динамической логике. Основные вехи первого из этих трех этапов изложены в других разделах книги. Здесь мы упомянем лишь те аспекты философских исследований ответственности, которые непосредственно относятся к логическому анализу этого отношения, и подробнее остановимся на двух последующих этапах.

Логика изучает отношение логического следования — это центральная категория логического знания. Сообразно тому, как понимать логическое следование — нормативно или дескриптивно, — в корпусе логического знания можно выделить две широкие области соответственно: фундаментальную и прикладную. Аристотеля по праву считают основателем логики как науки, потому что именно он в Органоне впервые вычленил из корпуса диалектики, включавшей в себя также разделы о практике рассуждений и особенностях их речевого представления, аналитику — так он назвал норма-

тивную часть диалектики, которую позже стали называть логикой. Аристотель же указал два ключевых аспекта нормативного характера отношения логического следования — истинность посылок и корректность процедуры умозаключения, благодаря которым логическое следование, представленное в форме дедуктивного рассуждения, обрело нормативный характер. Фундаментальная часть логики призвана создавать нормативно понимаемые логические теории, для того чтобы определить логическое следование формально и сделать это применительно к заданным понятиям. Многочисленные ответвления современной логики в область логики действий, отношений, мультиагентных взаимодействий и т. п. — яркое тому подтверждение. Прикладная, или дескриптивная, часть логики — это логический анализ понятий, событий или отношений, заключающийся в том, чтобы логические теории, порождаемые фундаментальной частью логического знания, применить для изучения специальных аспектов деятельности людей в целях систематизации последних[7]. При этом, призывая аппарат логических теорий для исследования особых ситуаций и отношений, ученые подчас не нуждаются в том, чтобы была создана соответствующая нормативная теория.

Такое разграничение на фундаментальную и прикладную отчасти указывает и на методологическую функцию логики применительно к научному знанию в целом. Вплоть до второй половины XX века было свойственно отождествлять фундаментальный ракурс логического знания с логикой вообще. Такая «традиция» сложилась во многом по причине того, что понимаемая в нормативном ключе логика стала базисом математической науки — так родилась математическая, или символическая, логика. В дальнейшем логический анализ стали активно применять в философии, лингвистике, а в последнее время в праве и компьютерных науках. Подчеркнем, что здесь важно соблюдать методологическую границу и из описательного режима не перейти в нормативный режим, что часто чревато либо тривиальными результатами, либо чрезмерными обобщениями[8].

Применительно к анализу ответственности это означает следующее. Отношение (см. параграф 2.3) между каузальными аспектами ответственности агентов (между утверждениями (0)—(2)) есть

---

[7] См.: *Герасимова И. А.* Формальная грамматика и интенсиональная логика. М.: ИФРАН, 2000. С. 147.

[8] В этом отношении показательна дискуссия о логическом характере системности права. См.: *Антонов М. В.* О системности права и «системных» понятиях в правоведении // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2014. № 1; *Лисанюк Е. Н.* Логические аспекты презумпций системности права // Там же.

утверждение о факте, поэтому его можно представить как нормативное при помощи логических теорий. Отношение между утверждениями (3)—(4) — это утверждение о норме или оценке, его также можно представить при помощи логических теорий, но в отличие от утверждения о факте оно будет модальным суждением. Однако отношение между установленной таким образом ответственностью агента и ее оценкой, то есть между группой утверждений (0)—(2) и утверждениями (3)—(4), можно лишь выразить логическими средствами, но нельзя представить как нормативное в логическом смысле. Разумеется, дескриптивный в логическом смысле характер такого отношения не означает, что данное отношение не может быть нормативным в каком-либо другом понимании, например в правовом или моральном, что чаще всего и происходит на практике.

В логике факты в форме ситуаций и (описаний) положений дел служат коррелятами для установления логических значений, необходимых, чтобы определить отношение следования. Однако в ракурсе исследования ответственности описание ситуации непосредственно связано только с утверждением (0) — утверждением об имевшем место событии. Все другие утверждения, составляющие отношение ответственности, если и говорят о фактах, то имеют в виду факты принципиально иного рода. Действительно, утверждения о наличии способностей, намерений, об оценке поступка и стратегий его реализации указывают на наличие определенной ситуации. Однако в силу того, что эти ситуации невозможно уравнять с описаниями положений дел, для указанных аспектов моделирования деятельности агентов требуется сконструировать специальную логическую семантику, чтобы на ее основе приписывать логические значения соответствующим символам, выражающим эти элементы действий агентов. Такая семантика в техническом смысле может и не слишком отличаться от логической семантики для высказываний-описаний положений дел. Главное здесь в том, чтобы она предусматривала выразительные возможности для установления логических значений различного рода и тем самым позволяла строить соответствующие формализмы.

Понятия действия и агента действия в отличие от понятия описания положения дел, давно используемого в логике и в содержательном и в формальном смыслах, появляется в предметном поле логической науки лишь во второй половине XX века. Первым, кто ввел их в научный обиход логиков, был Г. фон Вригт; и поначалу эти понятия рассматривали в модальных логиках по аналогии с описанием фактов[9]. Дело здесь не в том, что ученые не видели разли-

---

[9] *Вригт Г. Х. фон.* О логике норм и действий // Вригт Г. Х. фон. Логико-философские исследования: Избр. тр. / Пер. с англ. Общ. ред. Г. И. Рузавина, В. А. Смирнова. М.: Прогресс, 1986. С. 254 и далее.

чий между ними, но в том, что соответствующие формализмы, и семантические в особенности, например реляционные структуры (в духе Крипке), пригодные для изучения логических отношений между положениями дел, в том числе посредством аксиологических и деонтических модальностей, оказались чересчур «жесткими» для исследования действий, агентов и их намерений. Так, И. Б. Микиртумов справедливо замечает, что наиболее слабая из модальных систем — система K «может интерпретироваться как логика ограниченной возможности, например, для репрезентации семантики некоторых модальных глаголов и выражения „способен сделать что-то“»[10]. Система K подходит для выражения каузального отношения «C-способности агента — событие», то есть способностей агента в строгом смысле, но не подходит для выражения способностей в нестрогом смысле, потому что не годится для моделирования способностей с учетом эпистемической презумпции. Для действий, способностей и намерений агента, интерпретируемых с учетом этой презумпции, требуются иные формализмы, сконструированные на основе слабо-нормальных (ненормальных) систем.

Логики действий и другие логические теории, исследующие агентные структуры (эпистемическая логика, мультиагентная логика и т. п.) часто опираются на более слабые семантические формализмы, получившие название окрестностных. По-видимому, первыми, кто осознал значение слабых (ненормальных) логик для изучения действий и намерений людей, были Б. Челлас и Д. Габбай[11]. Особое значение это приобрело в конце XX века, когда в логике сформировались три научные платформы для изучения различных аспектов рационального поведения агентов: AGM, динамическая логика и логика stit-графов (структур). AGM-теории позволяют исследовать логику изменения внутри различных систем, таких как убеждения людей, нормативные кодексы и др.[12] Динамическая логика выступает средством анализа разного рода рациональных интенций агентов, например, предпочтений, альтернатив, оценок. В ракурсе исследования ответственности динамические

---

[10] *Микиртумов И. Б.* Модальная логика // Символическая логика: Учебник / Под ред. Я. А. Слинина, Э. Ф. Караваева, А. И. Мигунова. Гл. X. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2005. С. 363.

[11] *Chellas B.* Modal Logic. An Introduction. Cambridge 1980; *Gabbay D.* Investigation in Modal and Tense Logic with Application to Problems in Philosophy and Linguistics. Dordrecht, 1976.

[12] Концепцию AGM см.: *Альчуррон К., Герденфорс П., Макинсон Д.* О логике изменения теории: функции сокращения и ревизии частичного пересечения // «Нормативные системы» и другие работы по философии права и логике норм / Пер. с англ., нем., исп.; под ред. Е. Н. Лисанюк. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2013. С. 318—343.

структуры требуются для того, чтобы продемонстрировать особенность отношений между утверждением (3) и группой утверждений (0)–(2), с одной стороны, и утверждениями (3) и (4), с другой. Вместе с тем, динамическая логика базируется на детерминистском понимании действий, которое свойственно нормальной модальной логике и чаще всего выражается посредством реляционных структур. По этой причине, для того чтобы изучить индетерминистские аспекты деятельности агентов, например, деятельность в смысле эпистемической презумпции, используют логические теории, опирающиеся на stit-графы и слабо-нормальные модальные системы.

Понятие субъекта, или агента, играет ключевую роль в логических теориях с stit-графами, предназначенных для моделирования стратегических действий агентов. Это делается при помощи специальных формальных структур, фиксирующих отличие агентного действия от положений дел и от совершаемых агентом действий. В логике понятие агентного действия становится предметом изучения лишь в конце XX века. Это происходит во многом благодаря прогрессу в области информационных технологий и компьютерных наук. В результате развития конструктивистских подходов в логике, например диалоговых логик, а также логических теорий игр и мультиагентных систем, происходит своеобразный субъектный поворот в логике, вследствие которого эти понятия постепенно входят в сферу логического знания. Расширение области логического знания в XX веке, включившее в нее, помимо других новых понятий, также и понятия стратегического действия, самого агента, его намерений, убеждений и его субъективных представлений, открыло возможность логического исследования не только феномена ответственности, но и других новых горизонтов, например доверия, уполномочивания и др. Вместе с тем, такое расширение сопровождается широкой дискуссией о предмете логического знания, охватившей представителей ведущих современных логических школ[13].

В новейших разделах логики, таких например как логика действия, логическая прагматика, или аргументация, способность быть элементом отношения логического следования, распространяется за пределы описания состояний — не только на действия, но и на речевые акты, отношения агентов, процедуры убеждения и т. п. Это также верно и для изучения феномена ответственности, где, как уже говорилось выше, требуется дополнительно ввести понятия действия и агента. Само собой разумеется, при этом и отношение логического следования не остается прежним, оно может приобретать новые свойства и абстрагироваться от приписанных ему ранее, часто наталкиваясь на связанные с этим парадоксы, что

---

[13] *Лисанюк Е. Н.* Предмет логики и логическая теория предмета // Вестник СПбГУ. 2012. Сер. 6. Вып.1. С. 108–112.

побуждает логиков и философов к поиску новых свойств и построению формальных аппаратов для них. «На самом деле, — замечает А. С. Карпенко, — это титанические усилия строгой науки представить в совершенно точных терминах понятие „логической системы" и удовлетворить требования компьютерных наук в вопросе о том, что такое *дедуцирование*»[14]. Такова траектория процессов создания особых логических предметов теорий, характерных для новейших разделов логической науки. Например, дилемма Йоргенсена в логике норм дала толчок переосмыслению понятия нормы, что в итоге привело к переосмыслению места и роли стандартных вригтовских деонтических систем и развитию альтернативных stit-логик на основе агентных структур действия[15].

В логике спорность утверждения о том, что существует логика норм, известна под названием дилеммы Йоргенсена, названной так по имени датского правоведа, впервые обратившего внимание на то, что высказывания-описания фактов и высказывания-предписания имеют различную природу, и в силу этого они не могут иметь логических значений в одном и том же смысле. В самом деле, описание ситуации, включая существование некоторой нормы, выражается высказыванием, которое может быть истинным или ложным, а долженствование носит предписывающий характер, его можно исполнить или нарушить, но нельзя считать истинным или ложным в том же смысле, что и высказывание-описание. Логика исследует отношения следования, выявляя процедуры сохранения истинного значения при переходе от посылок к заключению. Одна часть дилеммы гласит, что, поскольку высказывания-предписания не могут быть истинными или ложными, постольку для них невозможно определить отношение следования и, значит, невозможно построить логическую теорию. Однако, говорит другая часть дилеммы, высказывания-описания могут выражать не только положения дел, но также и факты существования норм и оценок, и для таких нормативных высказываний вполне можно построить логическую теорию, потому что в качестве описания (фактов существования) норм и оценок они могут иметь истинностные значения[16].

Дилемма Йоргенсена оказывала ощутимое влияние на становление деонтической логики в XX веке, вплоть до последних его

---

[14] *Карпенко А. С.* Предмет логики в свете основных тенденций ее развития // Логические исследования. Вып. № 11 (2004). С. 150—173.

[15] См.: *Лисанюк Е. Н.* Развитие представлений о нормах в деонтической логике // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. Философия. Т. 8 (2010). Вып. 1. С. 147—152.

[16] См.: *Антонов М. В., Лисанюк Е. Н.* Деонтическая логика и теория нормативных систем // «Нормативные системы» и другие работы по философии права и логике норм.

десятилетий, когда выяснилось, что можно конструировать специальные формализмы, по-разному моделирующие социальные обязательства, логический анализ которых тяготеет к детерминистскому пониманию, абстрагирующемуся от агентных аспектов, и личный долг индивида в эпистемической, праксеологической или стратегической перспективе, имеющий тенденцию к индетерминистскому подходу[17].

Логические исследования норм и нормативного регулирования социальной реальности берут свое начало в идеях античных мыслителей, прежде всего Аристотеля[18]. В становлении деонтической логики можно выделить две линии. Одна стремится изучать нормы как деонтические модальности применительно к положениям дел (Sein-Sollen или Ought-to-be), а другая рассматривает нормы как акциональные модальности, оперирующие не положениями дел, но действиями (Tun-Sollen, или Ought-to-do). Первую линию часто называют линией Лейбница, а вторую — линией И. Бентама, и о них уже шла речь выше. В ракурсе нашего исследования их можно также назвать оценочной (аксиологической) и каузальной линиями соответственно, потому что в первом случае ключевым предметом логических формализмов является положение дел, и в своем абсолютном выражении эта линия ведет к деонтологическому их пониманию. Напротив, во втором случае ключевым предметом логической теории становится действие, точнее деонтический статус связи действий (агентов) между собой. Понятно, что дилемма Йоргенсена имеет большое влияние в контексте первой линии, где она явным образом отмечает границу между логикой норм и деонтической логикой[19]. Однако в контексте второй линии деонтической логики эта дилемма располагается на периферии исследовательского интереса, потому что создание семантических формализмов для акциональных теорий уже само по себе ведет если и не к полному отказу истинностно-функциональных моделей, то к существенным ограничениям их применимости[20]. Основополагающие для деонтической логики результаты Г. фон Вригта принадлежат к оценочной линии в этой области.

---

[17] *Lisanyuk E.* Deontic 'cocktail' according to E. Mally's receipt // Logical Investigations 19 (2013). Moscow; St. Petersburg, 2013. P. 100—121.

[18] См.: *Лисанюк Е. Н.* Развитие представлений о нормах в деонтической логике.

[19] См.: *Лисанюк Е. Н.* О различии между логикой норм и деонтической логикой // Философия и современное международное право PhilosInLaw 2013. Материалы международного симпозиума 13—14.05.2013 / Под общ. ред. Е. Н. Лисанюк. СПб., 2013. С. 72—74.

[20] См.: *Блинов А. Л., Петров В. В.* Элементы логики действий. М.: Наука, 1991.

На начальном этапе развития стандартных вригтовских систем было принято абстрагироваться от дистинкций между тем, понимать φ в составе нормы как описание ситуации или как действие. В ракурсе оценочной линии деонтической логики Лейбница—фон Вригта агент — это необязательная вспомогательная единица анализа нормативной системы, он рассматривается как абстрактный адресат нормы, поведение которого она призвана регулировать. В диадических стандартных формальных теориях нормы рассматриваются относительно ситуаций или агентов, но по-прежнему — в оценочной перспективе[21].

Первой попыткой построить в русле каузальной линии Бентама логическую теорию, моделирующую действия агентов в условиях норм, была «Деонтика» (*Deontik*) австрийского логика Э. Малли, ученика А. Мейнонга, опубликованная в 1926 году[22]. Малли стремился выразить нормативный статус ситуаций и нормативные квалификации действий абстрактных агентов средствами деонтической логики, однако потерпел неудачу. Одной из причин этой неудачи была путаница между агентным долгом и обязательством, носящим объективный по отношению к агенту характер, или принятие тезиса Мейнонга—Чизхольма. Мы вернемся в этому вопросу ниже, после того как будут введены другие необходимые определения.

Деонтический формализм Малли в дальнейшем был подвергнут критике, так как в качестве теорем в нем были доказуемы положения, не соответствующие представлениям о сути нормативного регулирования.

На современном этапе индетерминистские деонтические формализмы представлены двумя традициями. Одна из них берет свое начало в работах С. Кангера и развивается далее в логику действий. Представителями этой традиции являются Л. Линдаль, К. Сегерберг, Г. Хольмстрём-Хинтикка. Другая традиция вырастает из идей А. Прайора в области временной логики на основе ветвящихся графов и ведет к созданию используемых здесь stit-графов. Существенным вкладом в развитие этой традиции стали результаты Н. Белнапа, Дж. Хорти и Я. Брёрсона.

В русле второй традиции условимся отличать абстрактную норму, требующую агента α выполнить φ, которую будем называть обязательством, от осознанного агентом α долженствования выполнить φ, которому агент α намерен подчиниться и которое назо-

---

[21] Лучшим, на наш взгляд, в этой области является прикладное исследование: *Альчуррон К. Э.*, *Булыгин Е. В.* Нормативные системы.

[22] *Лисанюк Е. Н.* Э. Малли и его «Деонтика» // Известия Уральского Федерального Университета. 2012 № 4 (109). Сер. 3 (Общественные науки). С. 31—44.

вем долгом агента. По разным причинам на практике люди не всегда выполняют обязательства, адресованные им законом и моралью. Однако то обязательство, которое человек считает своим долгом, он всеми силами стремится выполнить. Например, всякий согласится, что не следует лгать, и, соглашаясь с тем, что такое обязательство имеется, не всякий считает выполнение этого обязательства своим долгом в любой ситуации. Иными словами, долг агента — это его намерение реализовать некоторое действие на основе праксеологической презумпции, которое агент считает для себя необходимым и приписывает ему сильный нормативный статус. Обязательство же в сравнении с долгом предстает как намерение агента действовать или на основе праксеологической презумпции, или на основе эпистемической презумпции. В силу свободы выбора, подразумеваемой во втором случае, агент вполне может *выбрать* нарушение обязательства, однако поскольку мы считаем агента рациональным и обладающим свободой воли, постольку сознательно нарушить свой долг он не может, ведь свобода воли такой возможности ему не дает.

Для выражения обязательств будем использовать представленные выше стандартные деонтические операторы, а для обозначения агентного долга (*долг агента*) введем новый оператор Θ и получим:

$$\Theta\ [\alpha \text{ cstit } \varphi].$$

Агентный долг будем понимать как норму — специальную функцию, накладывающую ограничение на выбор агентом линий поведения. Θ-оператор является сильным положительным нормальным оператором □-типа, он определен над действиями, и на него распространяются обычные постулаты, принимаемые в K-модальных системах и сильнее. Θ-норма указывает на оптимальные стратегии поведения агента, следуя которым агент может достигнуть наилучшего исхода своих действий из доступных ему, причем наилучших из тех, что он может реализовать при любых обстоятельствах и вне зависимости от того, насколько эффективны действия иных лиц. В Примере O-обязательством Героя является спасение заложников, а Θ-долгом выступает его сознательное стремление достигнуть положительного исхода при спасении заложников, то есть исхода, по крайней мере не худшего чем +1.

Обратимся теперь к первой логической концепции ответственности, выдвинутой шведским логиком С. Кангером. Именно он предложил и первые логические операторы действий, или акциональные операторы, а также деонтическую логику с их использованием. Отечественному исследователю Кангер известен прежде всего как исследователь деонтической логики, выдвинувший версию

построения деонтических логик на основе алетических модальных систем при помощи введения специальной деонтической константы[23]. Наряду с Я. Хинтиккой и С. Крипке, С. Кангер стоит у истоков формальных семантик для модальной логики, впоследствии получивших название семантик возможных миров, с легкой руки Крипке. Весомый вклад Кангера в этой области состоит в том, что он первым сформулировал особенности отношения достижимости применительно к деонтическим логикам и логикам действий.

Идеи логического подхода к анализу ответственности, предложенного Кангером, основаны на одной из его версий деонтической логики, в которой он соединил деонтические и аксиологические модальности с логикой действий. Версия деонтической логики, о которой далее пойдет речь, была сформулирована Кангером в 1957 году, а в 1971-м он выдвинул на ее основе логическое понятие ответственности. В своем определении ответственность он сразу представил в форме положительной или отрицательной оценки некоторого сознательного поступка агента. Иными словами, Кангер не видел различия между ответственностью поступка и тем, оценивается ли такой поступок положительно или отрицательно, то есть расценивал ответственность как отношение (3) в нашем определении. Такой подход является и оценочным, и каузальным — в нем эти два аспекта слиты воедино. Здесь мы реконструируем подход Кангера с некоторыми изменениями в символике, с учетом принятых теперь обозначений.

Формальный язык своей деонтической логики, для того чтобы выразить отношение ответственности, Кангер модифицировал следующим образом. Во-первых, вместо обычных алетических («необходимо», «возможно») и деонтических («обязательно», «запрещено» и «позволено») модальных операторов он использует их субъективированные аналоги. Во-вторых, Кангер вводит два вида праксеологических операторов — операторы действия агента и операторы убеждений агента. Рассмотрим сначала измененные модальные операторы. Так, алетические модальности необходимость и возможность, которые в силу традиции ассоциируются с объективированными представлениями о естественных закономерностях, не зависящих от людей, он преобразует в соответствующие субъективированные версии:

$\mathsf{Unav}\,\varphi$ (неизбежно, что φ как аналог сильного оператора $\Box\varphi$ — необходимо, что φ);

$\mathsf{Can}\,\varphi$ (допустимо, что φ как аналог слабого оператора $\Diamond\varphi$ — возможно, что φ).

$$\mathsf{Unav}\,\varphi \leftrightarrow \neg\,\mathsf{Can}\,\neg\varphi.$$

---

[23] См.: *Лисанюк Е. Н.* Деонтическая логика.

В результате вместо обычных алетических модальностей получаются модальности способностей агента, которые в целях удобства выражения мы далее будем называть агентно-алетическими модальностями — АА-модальностями. Оператор Unav φ понимается так, что наступление ситуации φ считается неизбежным вообще и для агента α — в частности, например, падение метеорита, экономический кризис или докучливый сосед для агента α. Оператор Can φ означает, что агент α не вмешивается в течение событий и допускает такое их развитие, что наступает ситуация φ, хотя мог бы этому воспрепятствовать. Например, агент α позволяет расти своей бороде путем отказа от бритья или допускает, чтобы соседский пес громко лаял, — α не предпринимает никаких действий против этого, хотя мог бы пожаловаться самому соседу или властям, применить силу к псу или его хозяину. Can φ можно понимать как «φ можно избежать». Такая «субъективизация» привычной алетической модальности дает возможность ограничить использование эпистемической презумпции, или презумпции свободы выбора, теми случаями, когда у агента действительно мог иметься выбор. Так, в Примере с исходом –2, когда все заложники погибли, вряд ли можно было бы говорить о свободе выбора для Героя, случись это вследствие внезапного падения метеорита на помещение, где они находились. Позже для выражения АА-модальностей вместо обозначений Unav и Can стали использовать символы и A и E, причем сильный оператор — чаще в положительной форме (Unav φ ↔ A ¬φ).

Аналогично с агентно-алетическими модальностями, вместо привычных деонтических операторов, Кангер также использует их версии, указывающие на обязательства, дозволения и запреты, обращенные непосредственно агенту:

Shall φ («должно сделать φ» вместо «обязательно, чтобы имело место φ» — O φ);

May φ («дозволено сделать φ» вместо «позволено, чтобы имело место φ» — P φ);

¬ May φ («не дозволено φ» вместо «не дозволено, чтобы имело место φ» — F φ).

Ключевое отличие обычных деонтических операторов от их агентных версий, введенных Кангером, состоит в том, что агентные деонтические операторы подразумевают праксеологическую презумпцию, или презумпцию свободы воли, а обычные абстрагируются от этого. Так, обычное деонтическое обязательство, даже если это диадическое обязательство и в нем специально указан субъект, которому оно адресовано, понимается «объективно», в том смысле что существование такого обязательства не зависит от того, знает ли субъект о нем, считает ли субъект данное обязательство действующим и т. п. Оператор Shall φ, напротив, означает,

что имеется некий агент α, который должен сделать φ, потому что считает это своим обязательством, независимо от того, имеется ли такая норма вообще, то есть является Shall φ также и O φ или нет. В Примере Герой обязан спасти заложников, а поступает он так из чувства долга вообще, сострадания к заложникам или во исполнение своих служебных обязанностей — неважно. Отметим, что для того чтобы выразить конкретные намерения Героя, потребуются специальные праксеологические операторы. В дальнейшем вместо символа Shall для выражения «субъективированного» оператора обязательства стали использовать символ Θ, похожий на «объективированный» оператор обязательства O и указывающий на деонтическую модальность относительно агента регулируемого действия.

Первоначально Кангер свою идею обязательности «должного» выразил при помощи оператора Ought φ, однако в дальнейшем стал использовать Shall φ в том числе для того, чтобы избежать ненужных ассоциаций с O-оператором. Кангер придерживался утилитаристской модели понимания ценностей и считал, что для всякого обязательства имеет место Ought φ → ¬ Unav φ.

В соответствии с этой идеей, объектом нормативного регулирования могут быть лишь ситуации и действия, не являющиеся неизбежными с точки зрения разумных и планируемых действий людей[24]. Интерпретация O-оператора в деонтических теориях, базирующихся на аналогии между алетическими и деонтическими модальностями, отвлекается от таких ограничений.

Другим отличием кангеровского Shall φ от обычного деонтического O φ является то обстоятельство, что Shall φ понимается как «обязательно действие φ», то есть как оператор обязательности *действия*, тогда как O φ поначалу считали оператором над пропозициональным содержанием и интерпретировали как «обязательно, чтобы было φ» или использовали и для действий, и для ситуаций безотносительно такого разграничения. Позже, когда в рамках изучения рассуждений о нормах разграничение между операторами над действиями и над положениями дел стало существенным с точки зрения создания соответствующих формализмов, Θ φ преимущественно интерпретируется как акциональный оператор — по аналогии с Shall φ, а за O φ закрепилась роль оператора над описаниями ситуаций.

Установление формальных отношений между двумя этими группами деонтических операторов затруднительно. Попытка связать логически обе группы известна как уже упоминавшийся выше

---

[24] *Kanger S.* New foundations for ethical theory // Deontic logic: Introductory and systematic readings / Ed. by R. Hilpinen. Dordrecht: D. Reidel, 1970. P. 40—41.

тезис Мейнонга—Чизхольма, в соответствии с которым агент α должен сделать φ, если и только если имеется норма, требующая выполнения φ:

$$O\,\varphi \leftrightarrow \mathrm{Shall}\,\varphi.$$

Выражение «тезис Мейнонга—Чизхольма» как специальную формулировку связи агентно-зависимых и агентно-независимых обязательств ввел в научный обиход американский логик Дж. Хорти[25]. В соответствии с его идеями, тезис Мейнонга—Чизхольма чаще представляют через операторы действия, что будет сделано далее.

Рассмотрим праксеологические операторы агентного действия и агентного убеждения, введенные Кангером. К первым относится оператор Do (α, φ), понимаемый как выражение утверждения о том, что агент α путем выполнения необходимых для этого действий следит за тем, чтобы имело место φ. В современных формальных теориях вместо символа Do (α, φ) используют символ α stit φ (α следит за тем, чтобы φ) — сокращение от «α sees to it that φ» (См. Приложение 1). Оператор α stit φ выражает понятие эффективного намеренного действия агента α, в результате которого наступает положение дел φ. Данный оператор позволяет абстрагироваться от того, какое именно действие или совокупность действий совершает агент α, для того чтобы достичь своей цели, представленной описанием положения дел φ. По замыслу, stit-оператор выражает и действия и осознанные намерения их осуществить, поэтому он подразумевает презумпцию свободной воли. Его можно понимать как с учетом презумпции свободного выбора, так и без нее — в зависимости от принимаемых постулатов.

Для создания определения ответственности Кангер использовал особый эпистемический оператор Conv (α, φ) — агент α убежден, что φ, который в отличие от обычных эпистемических операторов знания и убеждения тоже носит «субъективированный» характер, наподобие других введенных им операторов — оператора действия Do (α, φ), в дальнейшем эволюционировавшего в α stit φ, и оператора обязательства Shall φ, трансформировавшегося в Θ φ.

В результате формальный язык логики действий Кангера получился громоздким, ведь в нем были предусмотрены различные группы операторов для моделирования разных модальных отношений, которые прежде и еще долго после Кангера в большинстве случаев принято изучать посредством разных логических теорий, а не в рамках одной теории, как стремился сделать Кангер. Он считал, что задача логики состоит в том, чтобы многообразные отно-

[25] *Horty J.* Agency and Deontic Logic. P. 45.

шения между людьми, непосредственно изучаемые философией, социологией и психологией морали, представить в виде формальных теорий, описывающих корректным образом множества императивов и норм[26]. В частности, при помощи своего формализма Кангер выдвинул идеи аксиоматизации понятия прав, обязанностей и иных нормативных отношений между агентами, развивая тем самым идеи анализа отношений У. Хохфельда. Современные логические концепции в данной области во многом наследуют результатам Кангера.

Итак, Кангер предложил считать ответственность отношением между действием агента, имеющимися обязательствами, субъектом которых выступает данный агент, его способностями, обстоятельствами ситуации, знаниями агента об этих обязательствах, своих обстоятельствах и способностях, а также моральной оценкой этого поступка[27]. В соответствии с этим, он различал ответственность в нормативно положительном и нормативно отрицательном смысле и рассматривал ее как пару двойственных понятий одобряемого и порицаемого поступков:

«одобряемый» (*praiseworthy*) — агент α заслуживает одобрения за совершенное им ψ;

«порицаемый» (*blameworthy*) — агент α заслуживает порицания за совершенное им ψ.

Кангер дает следующее *определение ответственности* для порицаемого поступка, которое мы представим сразу и в современной символике:

1)	Shall ¬ ψ	Θ ¬ ψ
2)	Do (α, ψ)	[α, cstit ψ]
3)	¬Unav Do (α, ψ)	¬ A [α, cstit ψ]
4)	Can Conv (α, Shall ¬ ψ)	EK, Θ ¬ ψ
5)	Can Conv (α, Do (α, ψ))	EK, [α, cstit ψ]
6)	Can Conv (α, ¬Unav Do (α, ψ))	EK, ¬ A [α, cstit ψ]

Определение одобряемого поступка аналогично определению порицаемого поступка, за исключением того, что на месте Shall ¬ ψ в 1) и 4) стоит Shall ψ. E — слабый ◇-оператор агентной способности, двойственный A-оператору, понимаемый как «агент может», K — сильный эпистемический □-оператор, читается «агент знает».

Как видно из этого определения, во главу угла Кангер ставит «объективированное» представление об ответственности — ответ-

---

[26] *Kanger S.* New foundations for ethical theory. P. 36.

[27] *Kanger S.* Law and Logic // Collected Papers of Stig Kanger with Essays on His Life and Work / Ed. by G. Holmström, S. Lindström. Dordrecht: Synthese, 2001. P. 165.

ственность агента α перед кем-то за поступок ψ: «в большинстве случаев ответственность перед p за ψ сводится к ответственности за ψ плюс обязанность отвечать за ψ перед лицом p»[28].

Тем самым он объединяет инстанцию оценки поступка ψ агента α как одобряемого и порицаемого и субъекта, перед лицом которого агент α несет ответственность за поступок ψ. Иными словами, ответственность по Кангеру предстает как би-агентное несимметричное отношение: агент α, совершивший поступок ψ, при выполнении условий, обозначенных в указанном определении, выступает субъектом обязательства по отношению к другому агенту, бенефициарию соответствующей привилегии. Тот факт, что субъект этой привилегии и инстанция оценки поступка ψ совпадают, как это происходит в определении Кангера, трансформирует понятие ответственности из агентно-зависимого акционального отношения в онтическое би-агентное понятие, то есть в би-агентное отношение обязанности-привилегии, в терминах У. Хохфельда, или в императивно-атрибутивное обязательство, по классификации Л. Петражицкого.

М. Мозе Бентцен, анализируя определение ответственности, выдвинутое Кангером, справедливо указывает на то, что в нем отождествляются ответственность агента за поступок и оценка этого поступка как порицаемого или одобряемого, однако не замечает, что в определении Кангера отождествлены также инстанция оценки и объект ответственности, то есть ее бенефициарий. Мозе Бентцен проходит мимо второго отождествления по причине того, что использует утилитаристскую теоретико-игровую модель для логического исследования ответственности. В этой модели всякая деятельность предстает как антагонистическая игра двух агентов, придерживающихся утилитарных стратегий поведения, и ответственность рассматривается как отношение между конкретными поступками и элементами таких стратегий, а оценивание поступков агентов осуществляется на основе системы оценок, устанавливаемой независимо от модели игры. Поэтому в подходе Бентцена инстанция оценки, подразумевающая некоторую систему оценивания, и бенефициарий ответственности разграничены на уровне модели.

Как справедливо замечает Д. Оквист в своей статье, посвященной наследию С. Кангера, Кангер стремился формально выразить понятия ответственности, права и других нормативных отношений через логику действий и, в целом, деятельностный подход в логике. При этом он отвлекался от представления о неизбежности как разновидности исторической необходимости, которое формулировал абстрактно, не опираясь на аппарат временной логики[29].

---

[28] Ibid. P. 165.

[29] *Aquist L.* Stig Kander's influence on my Philosophical Development // Collected Papers of Stig Kanger with Essays on His Life and Work. P. 27.

К этому стоит добавить, что выразительные возможности деонтического фрагмента языка, предназначенные Кангером для выражения отношений между действиями, на деле оказались эквивалентны тем, что используются в стандартных деонтических исчислениях вригтовского типа. Это означает, что с формальной точки зрения такие деонтические фрагменты ставят знак равенства между деонтическими модальностями и модальностями другого сорта и не позволяют различать эти аспекты деятельности агентов с точки зрения их семантики. Именно по этой причине деонтический оператор Кангера Shall, задуманный в качестве оператора над действиями агентов, на деле оказался аналогичен стандартному деонтическому оператору O, использование которого не предполагает различия между тем, является он оператором над действием или над положением дел. Это затруднение в дальнейшем было преодолено в русле деонтической логики действий на основе stit-графов.

Исследования Кангера и его учеников, а в дальнейшем и развитие логики действий в ее разнообразных ответвлениях продемонстрировали, что такие понятия, как ответственность, долг, право и т. п. вполне могут быть предметом логической теории, несмотря на их субъектный характер и ограничения на применение к ним истинностно-функционального анализа.

3.2. Логические аспекты классификации действий

Говорить об ответственности вне рациональной деятельности человека не приходится. При этом важно иметь возможность различать разные типы действий людей и установить в качестве основания их классификация такие аспекты действий, которые существенны для разграничения ответственных и не-ответственных поступков. Например, обнаружение того факта, что некое действие было осуществлено, а также факта, что оно было реализовано определенным агентом, служит необходимой предпосылкой для того, чтобы приступить к обсуждению вопроса о том, являются ли ответственными данное действие, его субъект или хотя бы намерение агента о реализации данного действия, если таковое намерение имелось. Придадим более четкий смысл разграничениям внутри каузального аспекта ответственности, то есть выделенным выше отношениям «событие → событие», «агент → событие» и «способности агента → событие». Нам также потребуется сформулировать типологию действий и дать определение того, что такое действие, деятельность и поведение.

Действие — одна из центральных категорий социально-философских концепций в XX веке. Наиболее известной методологической платформой классификации действий является предложен-

ная Ю. Хабермасом теория коммуникативного действия[30], сменившая активно использовавшуюся до этого типологию М. Вебера. Согласно М. Веберу, социальное действие может быть целерациональным, ценностно-рациональным, традиционным и аффективным. Первые три типа выделяемых Вебером действий так или иначе соотносятся с рациональными представлениями людей, аффективное же действие совершается в силу особого эмоционального состояния, и его можно считать внерациональным.

В классификации Хабермаса различаются стратегическое и коммуникативное действия. К первому относятся собственно стратегическое, а также инструментальное, норморегулирующее и экспрессивное действия. Под экспрессивным понимается эмоциональное, постановочное или драматургическое действие, целью которого выступает выражение чего-либо внеположенного самому действию. Инструментальное действие носит технологический характер, стратегическое — есть действие, для осуществления которого агент создает проект его реализации и на основе просчитываемых им шансов на достижение своей целей с учетом поступков других агентов делает рациональный выбор в пользу какой-либо одной линии поведения. Норморегулирующее действие выполняется для достижении практических целей, подобно инструментальному, стратегическому и экспрессивному действиям, однако линия поведения избирается с учетом правовых, моральных или иных принципов.

Общим для всех этих типов действия является практическая направленность и, за исключением, быть может, экспрессивного, наличие рационального выбора стратегии реализации из спектра возможных, поэтому можно объединить их в стратегическое действие. Здесь важно, что такое действие носит не только стратегический, но и утилитарный характер, а двумя его ключевыми характеристиками являются наличие цели и сознательный выбор линии поведения. Действие, обладающее этими характеристиками, считается рациональным, в соответствии с праксеологической презумпцией.

Иначе обстоит дело с коммуникативным и креативным действиями. По Хабермасу, суть коммуникативного действия состоит в том, чтобы наполнить смыслом сам акт его совершения, в котором агенты наделяются определенными, возможно различными, ролями, действуют по определенным правилам и ради совместного поэтапного освоения реальности. Выбор цели и линии поведении в коммуникативно понимаемом действии может быть сделан и пред-

---

[30] *Хабермас Ю.* Моральное сознание и коммуникативное действие / Пер. с нем. под ред. Д. В. Скляднева, послесл. Б. В. Маркова. СПб.: Наука, 2000.

варительно, что роднит коммуникативное и стратегическое действия. Однако коммуникативно понимаемое действие предполагает, чтобы и цель поступка, и стратегия агента были связаны с действиями других агентов, учитывали эти действия и опирались на них. Особенность креативного действия такова, что цель поступка и стратегия его осуществления могут быть подвергнуты модификации в процессе самой реализации действия под влиянием обстоятельств, а также других агентов. С норморегулирующим действием коммуникативное действие объединяет наличие внеположенного идеала или образца. Для норморегулирующего действия таковым выступает долг, вера, закон и пр., а для коммуникативного действия — правила совместной реализации действий агентами.

Развитием понятия коммуникативного действия в направлении преодоления противопоставления коммуникативного и стратегического действий является понятие креативного действия Х. Йоаса[31]. Йоас полагает, что его понятие креативного действия наделяет коммуникативными характеристиками всякое действие вообще, потому что даже в простейшем подтипе стратегического действия агент заново создает противолежащую ему реальность, включая и других агентов в ней.

3.3. Коммуникативное и креативное действия

Исследование коммуникативного и креативного действия в терминах каузальных отношений затруднительно по двум причинам. Во-первых, в таких действиях сложно отделить само действие от его цели, и в силу этого оказывается проблематичным оценивать намерения агента в рамках утилитаристской и консеквенционалистских моделей, к которым, как будет показано далее, тяготеет анализ ответственности в терминах каузальных отношений. Во-вторых, поскольку намерения агента могут меняться в процессе самого коммуникативного и креативного действия, постольку их сложно фиксировать как отличные от этого действия. В результате этого практически невозможно уточнить особенности каузальных связей между намерениями агента и результатами его действий.

В практической плоскости эти две причины ведут к тому, что анализ коммуникативного и креативного действия на предмет ответственности агента, их осуществляющего, производится в терминах стратегических действий, то есть на основе каузальных отношений. Это не значит, что, исследуя действия рационального агента, мы непременно утверждаем, что всякие его действия являются

[31] *Йоас Х.* Креативность действия. СПб.: Алетейя, 2005. С. 181.

стратегическими, хотя такое заключение и напрашивается, особенно с учетом праксеологической презумпции. Это означает, что большинство действий считаются стратегическими, за неимением более продуктивных моделей их анализа, нежели утилитаристские.

Условимся различать деятельность агента, взятую как некоторую совокупность его действий, и поведение агента как то, чем представляется совокупность действий данного агента с точки зрения какого-либо наблюдателя. Различие между деятельностью и поведением можно пояснить на примере со списком покупок. Иван идет в магазин, вооружившись списком покупок, которым его снабдила жена. Жена Ивана, в свою очередь, составила этот список исходя из набора блюд, которыми намерена угостить своих гостей. Поэтому список Ивана имеет ряд пунктов, обусловленных другими пунктами. Так, для яблочного десерта ему поручено купить яблоки «антоновка», миндаль, коричневый сахар и корицу, однако в списке жена указала, что если в магазине нет коричневого сахара, то можно обойтись обычным белым, а если нет яблок «антоновка», то яблочный десерт отменяется — вместо него гостям предложат мороженое. Поэтому в списке Ивана помечено, что если нет яблок «антоновка», то остальные продукты для яблочного десерта — миндаль, сахар и корицу — покупать не нужно, а вместо них купить мороженое. За действиями Ивана пристально следит Социолог, интересующийся структурой расходов на питание в российском домохозяйстве. Социолог внимательно фиксирует покупки Ивана в магазине, и в результате список покупок Социолога совпадает с набором продуктов, приобретенных Иваном, но не со списком покупок, которым Ивана снабдила жена. Более того, Социолог, исходя их своих наблюдений, не знает, почему в корзине Ивана оказался именно этот набор продуктов, и *считает*, что полученный им список полностью отражает намерения Ивана. Деятельность рационального агента можно сравнить со списком покупок (жены) Ивана, а поведение рационального агента — со списком покупок Социолога, которому за неимением лучшего приходится считать свой список отражением структуры расходов на питание в домохозяйстве семьи Ивана[32]. Иными словами, если деятельность агента состоит (преимущественно) из стратегических действий, то *является* стратегической, и поэтому рассматривается в терминах каузальных отношений. В отличие от этого поведение агента *считается* стратегическим и рассматривается в терминах каузальных отношений,

---

[32] Этот пример напоминает примеры, при помощи которых Дж. Сёрль разъясняет особенности интенциональных состояний и рационального сознания, в том числе пример «китайской комнаты» (см.: *Сёрль Дж.* Сознание, мозг и наука / Путь. Международный философский журнал. 1993. № 4. С. 19–21).

вследствие того что нет иного способа выяснить, ответственно ли поведение данного агента, чем признать это поведение сознательным хотя бы в какой-то мере. Таковы концептуальные рамки, накладываемые утилитаристскими моделями исследования действий агентов. Идея *считать* поведение рациональных агентов стратегическим и исследовать его в терминах каузальных отношений была выдвинута в 70-х годах XX века Д. Деннетом[33] и впоследствии нашла широкий отклик в самых разных областях науки, изучающих поведение и деятельность — в логике, когнитивистике, компьютерной науке, математике, лингвистике, нейрофизиологии, этике.

Наиболее адекватные модели коммуникативной деятельности и поведения агентов можно создать на основе динамической логики, являющейся ответвлением компьютерной науки. Этот вопрос вкратце изложен в параграфе 3.1.

3.4. Разновидности стратегических действий

В ракурсе изучения ответственности мы условимся различать причинение, инструментальное и стратегическое действие, и под стратегическим действием объединим экспрессивное и норморегулирующее действия, руководствуясь соображением о том, что для этих действий можно выделить внеположенную цель поступка и намерение действовать в соответствии с ней, сознательно формулируемое агентом. В случае причинения действия φ агент α вольно или невольно сам служит причиной того, что наступает ситуация ψ:

$$\psi \supset [\alpha \text{ cstit } \varphi\ ]^{34}.$$

Выражение «$[\alpha \text{ cstit } \varphi]$» включает в себя специальный оператор действия cstit, оно читается как «агент α следит за тем, чтобы имело место φ» (англ. «agent α sees to it that») и обозначает стратегическое намерение действовать. Для того чтобы отличать причинение от стратегического действия, введем его слабую версию —

---

[33] *Dennett D. C.* Intentional Systems // Journal of Philosophy 1971. 68(4). — Краткую версию идеи Деннета об интенциональной установке (*stance*) по отношению к другому см.: *Деннет Д.* Условия присутствия личности / Пер. с англ. Г. Хасина // Логос. 2003. 2 (37). С. 138.

[34] Здесь и далее мы используем символику обычной пропозициональной логики. Пропозициональные связки: $\vee$ — дизъюнкция, $\wedge$ — конъюнкция, $\supset$ — импликация, $\neg$ — отрицание. Строчные греческие буквы ψ, φ... — это пропозициональные переменные, указывающие на положения дел; α, β — агенты действий.

двойственный ему оператор $\langle \alpha \text{ cstit } \varphi \rangle$, который будем понимать как «агент α допускает, чтобы имело место φ»:

$$\langle \alpha \text{ cstit } \varphi \rangle \equiv_{df} \neg[\alpha \text{ cstit } \neg\varphi].$$

В случае причинения в намерения агента α не входит действовать так, чтобы наступило φ, он может не знать или не учитывать такого последствия своих действий. Вместе с тем агент может знать о них и не обращать на это внимания и тем самым допускать или позволять, чтобы φ произошло. Для того чтобы отразить *причинение* как аспект непреднамеренности действия φ агента α, воспользуемся введенным выше слабым оператором стратегического действия:

$$\langle \alpha \text{ cstit } \varphi \rangle.$$

В Примере Герой во время Поступка мог занести в помещение, где находились заложники, уличную грязь на своих ботинках и испортить ковер. Вряд ли испортить ковер входило в намерения Героя, проникшего в помещение с целью освободить заложников. Он просто не задумывался о такой мелочи и был поглощен своей миссией по вызволению людей. Таким образом, причинение — это разновидность каузального отношения типа «событие → событие», хотя в нем и задействован агент. В смысле причинения, если происходит некое φ, то это означает, что всегда имеется некий агент α, позволяющий этому φ произойти:

$$\varphi \supset \langle \alpha \text{ cstit } \varphi \rangle.$$

Важным аспектом действия-причинения φ является отсутствие у агента α намерения реализовать φ, независимо от того, известно ли ему о том, что происходит φ или, наоборот, случается $\neg\varphi$:

$$\langle \alpha \text{ cstit } \varphi \rangle \supset \neg[\alpha \text{ iit } \varphi].$$

Выражение $[\alpha \text{ iit } \varphi]$ — это аббревиатура от «agent α intends to it that φ» и читается как «агент намеревается сделать φ». iit-оператор здесь необходим, чтобы выразить рациональное или когнитивное намерение агента реализовать определенное действие φ, причем неважно, выполняет фактически агент α действие φ, которое он собирался реализовать, или нет. В отличие от iit-оператора, выражающего только намерение агента, его рациональный мотив или интенцию, cstit- и dstit-операторы выражают и намерение, и фактическую реализацию этого намерения агентом. Дальнейшие разъяснения относительно формального смысла операторов даются в Приложении 1, где сформулированы условия истинности для вы-

ражений, содержащих слабый и сильный операторы стратегических действий, а также оператор намерения, а здесь ограничимся неформальными замечаниями.

Оператор стратегического действия stit можно рассматривать как уточнение наиболее распространенного модального оператора — алетического □-оператора необходимости применительно к агентно-деятельностным структурам. Всякое стратегическое действие — это действие, в основе которого лежит праксеологическая презумпция, однако в зависимости от того, понимается такое действие без учета эпистемической презумпции или, напротив, как основанное также и на ней, можно понимать stit-операторы как нормальные модальные операторы или как слабо-нормальные (ненормальные). В соответствии с этим современные исследователи выделяют две разновидности stit-операторов: нормальный Челласов stit-оператор — cstit, названный так по имени его создателя, и слабо-нормальный делиберативный (рассудительный) stit-оператор — dstit. Эти операторы различаются принимаемыми постулатами, характеризующими формальный смысл каждого из них, и, соответственно, условиями истинности. cstit-оператор — это S5-подобный оператор, и он подразумевает, что агент действует на основе праксеологической презумпции, но не на основе эпистемической. Иными словами, предполагается, что агент выполняет все необходимые и обязательные действия, согласно своей воле, и он считает обязательными для себя также и все их логические следствия, то есть cstit-оператор замкнут на операцию взятия следствий. dstit-оператор выражает презумпцию свободы выбора. Выражение с dstit-оператором означает, что агент выбирает линию поведения из каких-либо альтернатив, и вопрос о том, как ему надлежит действовать, решает на основе эпистемической презумпции. При этом для всякого необходимого и обязательного действия у агента всегда имеется альтернативный путь, который может подразумевать и нарушения агентом своих обязательств. Когда агент выбирает свою линию поведения с учетом эпистемической презумпции, то тем самым самостоятельно формулирует отношения между событиями и действиями в рамках избираемой линии. В таком случае его поведение не подразумевает, что, избрав какую-то линию поведения, он принимает и все логические следствия своего выбора, поэтому dstit-оператор — как более слабое отношение между действиями и событиями и в отличие от cstit-оператора не универсализуемое по агентам — замкнут на операцию тождества, а не на операцию взятия следствий. Вопрос о том, является iit-оператор нормальным, наподобие cstit-оператора, или слабо-нормальным, как dstit-оператор, остается открытым. Все дело в том, что интеллектуальные намерения-интенции составляют рациональные мотивы действия и в тех случаях, когда поведение агента базируется

только на праксеологической презумпции и описывается выражениями с cstit-оператором, и в тех случаях, когда его поведение основывается также и на эпистемической презумпции и описывается выражениями с dstit-оператором. В силу этого iit-оператор можно понимать и как сильно-нормальный, то есть подразумевающий осознание агентом всех логических следствий, вытекающих из его намерений, и как слабо-нормальный, то есть замкнутый на отношение равенства. В содержательном смысле различие между сильно-нормальным и слабо-нормальным пониманием iit-оператора заключается в том, что в первом случае принимается, что агент рассматривает мир и себя в нем в детерминистском ключе, а во втором случае — в индетерминистском ключе. Здесь мы условимся придерживаться сильно-нормального понимания iit-оператора.

В связи с разграничением особенностей поведения агентов, выражаемых cstit- и dstit-операторами, заметим важные обстоятельства. cstit-оператор в известном смысле выражает кантовскую идею морального поступка, dstit-оператор — идею легального поступка. При помощи cstit-оператора невозможно выразить отказ агента действовать в соответствии с некоторой линией поведения, так как отклонение агентом некоторой линии поведения есть не что иное, как рассмотрение этим агентом возможной альтернативы избранной линии поведения уже на стадии стратегического планирования поступка, и, стало быть, избранная линия поведения не является необходимой. Однако такой отказ можно выразить при помощи dstit-оператора.

Идеи создания специальных формализмов для действий, отличных от тех, при помощи которых изучают положения дел, принадлежат С. Кангеру, концепция которого была рассмотрена выше, а также Г. фон Вригту. Однако наиболее весомый вклад в становление логической теории стратегических действий внесли Б. Челлас, Н. Белнап и Дж. Хорти.

Инструментальное действие φ агента α имеет место, когда агент α при помощи действия φ желал достичь и достиг того, чтобы реализовалась ситуация ψ:

$$[\alpha \text{ cstit } (\varphi \supset \psi)].$$

В Примере Герой мог сломать стену — φ, чтобы проникнуть в помещение и спасти заложников — ψ. Герою вполне удалось бы достичь своей цели освободить заложников и без того, чтобы разрушать здание, имейся другой способ проникнуть в помещение, где удерживали заложников, — однако такого способа в данном здании не было. Инструментальное действие представляет собой разновидность каузального отношения «агент → событие», подразумевает каузальное отношение «С-способности агента → событие»

(способности в строгом смысле), однако исключает каузальное отношение «Д-способности агента → событие» (в нестрогом смысле). Соответственно, инструментальное действие предполагает намерение агента $(\varphi \supset \psi)$:

$$[\alpha \text{ cstit } (\varphi \supset \psi)] \supset [\alpha \text{ iit } (\varphi \supset \psi)].$$

Если iit-оператор понимается как сильно-нормальный, то имеет место:

$$(K_{iit})\ [\alpha \text{ iit } (\varphi \supset \psi)] \supset ([\alpha \text{ iit } \varphi] \supset [\alpha \text{ iit } \psi]).$$

Стратегическое действие заключается в том, что агент α выполняет действие φ, ради того чтобы имело место ψ, причем φ есть достаточное условие для наступления ψ: $[\alpha \text{ cstit } (\psi \supset \varphi)]$. В Примере Герой в ходе совершения Поступка убивает Террориста, выстрелив в него, потому что посредством устранения Террориста он стремился освободить удерживаемых заложников. Стратегическое действие — это совокупность двух каузальных отношений «агент → событие» и «способности агента → событие». В самом деле, составляя план освобождения заложников, Герой мог исследовать различные способы достижения своей цели, однако остановился на том, который предполагал устранение Террориста, потому что счел этот способ наиболее эффективным — без устранения Террориста освобождение заложников было бы невозможным. Поскольку в стратегическом действии подразумевается совокупность двух каузальных отношений, одно из которых опирается только на праксеологическую презумпцию, а другое — также и на эпистемическую презумпцию, постольку требуется при помощи различных операторов действий уточнить эти разновидности действий:

С-Стратегическое действие — $[\alpha \text{ cstit } \varphi]$,

Д-Стратегическое действие $[\alpha \text{ dstit } \varphi]$.

И в том и в другом случае агент совершает намеренные действия и действует сообразно сформулированному интеллектуальному мотиву, поэтому всякое сознательное действие подразумевает соответствующее намерение:

$$[\alpha \text{ cstit } \varphi] \supset [\alpha \text{ iit } \varphi]$$
$$[\alpha \text{ dstit } \varphi] \supset [\alpha \text{ iit } \varphi].$$

Стратегическое действие в строгом смысле имеет место, когда агент действует, руководствуясь свободой воли, то есть на основе

праксеологической презумпции. Оно обозначено как «С-Стратегическое действие» и является совокупностью каузальных отношений «агент → событие» и «С-способности агента → событие». Делиберативное стратегическое действие, или стратегическое действие в нестрогом смысле, то есть реализуемое агентом также и на основе эпистемической презумпции, означает, что агент рассматривал альтернативные линии поведения, в которых допускал невыполнение каких-либо своих обязательств. Вообще говоря, в позитивном смысле разграничить эти два типа стратегических действий затруднительно, потому что граница между ними пролегает на уровне мотивации агента к действию, а не на уровне самого совершения действия. Стало быть, можно лишь предполагать, каким образом данный агент задумывает свое действие, и только гипотетически опираться на С-стратегический или Д-стратегический способ такого задумывания, определение которых позволяет ограничить то, каким образом агент вообще может планировать свои действия. Вместе с тем без этой дистинкции невозможно провести границу между собственно стратегическим действием, предотвращением и отказом от действия.

Сообразно причинению, инструментальному и стратегическому действиям можно сформулировать двойственные им пары предотвращающих действий. Наиболее просто формулируется предотвращение причинения, то есть *не-причинение*:

$$\langle \alpha \text{ cstit } \neg\varphi \rangle.$$

Поясним, почему предотвращение причинения есть, по существу, разновидность не-причинения, в том смысле что агент α допускает, чтобы произошло $\neg\varphi$. Говорить об «отрицательном» действии-причинении как о предотвращении неправомерно, так как в терминах стратегических действий провести границу между причинением и не-причинением невозможно, ведь в случае причинения как $\neg\varphi$, так и φ у агента α нет стратегических намерений совершить действие φ — агент α в равной мере может допускать развитие и $\neg\varphi$ и φ:

$$\langle \alpha \text{ cstit } \neg\varphi \rangle \vee \langle \alpha \text{ cstit } \varphi \rangle.$$

Вместе с тем, из двух действий $\neg\varphi$ и φ всегда имеется хотя бы одно из них, которому агент α позволяет произойти, однако не может быть так, чтобы агента α одновременно допускал, что φ произошло, и не допускал этого:

$$\neg(\langle \alpha \text{ cstit } \varphi \rangle \wedge \neg\langle \alpha \text{ cstit } \varphi \rangle).$$

Так, совершая Поступок, Герой в Примере в равной мере мог испачкать ковер уличной грязью, случайно занесенной на ботин-

ках, но мог и не сделать этого; но оба этих действия могли бы быть совершены не по причине намерений Героя их осуществить, а в силу обстоятельств случайного характера. На основе этих соображений мы условимся для действия-причинения проводить различия между собственно причинением и его случайным «предотвращением», то есть не-причинением, только на уровне пропозиционального выражения действия.

В то же время, не-причинение может быть результатом особых усилий агента, однако в этом случае речь может идти уже не о каузальном отношении «событие → событие», но об отношении «агент → событие». Например, чтобы не занести грязь в помещение, люди, входя внутрь, вытирают ноги о коврик у двери или снимают уличную обувь. Тем самым они совершают специальное действие, для того чтобы предотвратить нежелательное действие-причинение. Ясно, что намеренное совершение действия ψ с целью не допустить, чтобы реализовалось другое действие φ, уже нельзя считать каузальным отношением событий ψ и φ, потому что действие ψ носит инструментальный характер по отношению к тому, чтобы имело место $\neg\varphi$. Тем самым, уже нельзя говорить, что вытирание ног о коврик — это не-причинение, и требуется выразить такое *инструментальное предотвращение* в терминах стратегических действий:

$$[\alpha \text{ dstit } (\psi \supset \neg\varphi)].$$

Будем называть предотвращение причинения инструментальным предотвращением и условимся отличать его от осуществления агентом инструментального действия, влекущего невыполнение другого действия. В Примере Герой ломает стену — ψ, чтобы проникнуть в помещение, спасти заложников, предотвратить их гибель, — $\neg\varphi$. Однако вполне могло быть и так, что Герой стену сломал, в помещение проник, но заложников не спас (исход –2). В этом случае различие между тем, чтобы агент α посредством осуществления ψ выполнил действие φ или, напротив, посредством этого же ψ предотвратил реализацию φ, то есть чтобы в результате выполнения ψ реализовалось $\neg\varphi$, выражается только на пропозициональном уровне. Такое действие, очевидно, представляет собой разновидность *инструментального действия*, но не является предотвращением чего-либо в стратегическом смысле:

$$[\alpha \text{ cstit } (\psi \supset \neg\varphi)].$$

Собственно предотвращением является лишь стратегическое действие предотвращения. В Примере Герой намерен спасти заложников, чтобы предотвратить их гибель. Это означает, что ситуация с исходом Поступка –2, когда все заложники гибнут, в плане

Поступка, составленном Героем, не только рассматривается по существу и в деталях, но и расценивается им как вероятный негативный сценарий, который как раз и требует *предотвращения*:

$$[\alpha \text{ dstit } \neg\varphi].$$

Предотвращение как разновидность стратегического действия всегда подразумевает действие на основе праксеологической и эпистемической презумпции, потому что намерение стратегического предотвращения с необходимостью включает в себя оценку естественного хода событий в терминах «событие → событие» и решение агента поступать вопреки этому.

Выделенные разновидности предотвращения, будучи версиями стратегических действий, подразумевают также и соответствующие намерения.

Таким образом, различие между причинением, инструментальным и стратегическим действиями заключается в следующем. Результат действия агента, оцениваемый в терминах ответственности, в действии-причинении является случайным, в инструментальном действии он выступает необходимым условием для других действий или достижения иных целей, а в стратегическом — элементом стратегической цели агента.

Важной разновидностью действий людей является воздержание или отказ от действия. Чтобы выразить его в терминах стратегических операторов действий, вернемся к разграничению способностей агентов применительно к каузальным аспектам деятельности. Напомним, что выше было предложено различать способности агента в строгом и нестрогом смысле как разновидности каузальных отношений «С-способность агента → событие» и «Д-способность агента → событие» соответственно. В первом соотношении подразумевается понимание способностей агента в сильном смысле, а во втором соотношении — в слабом смысле.

Условимся обозначать С-способность агента α реализовать действие φ, или его способность в строгом смысле, как:

$$E\,[\alpha \text{ cstit } \varphi].$$

Д-способность агента α реализовать действие φ, или его способность в нестрогом смысле, будем обозначать как:

$$E\,[\alpha \text{ dstit } \varphi].$$

Как ясно из формальной записи, логические свойства понятия способностей агента в строгом понимании соответствуют $\Diamond$ — слабому нормальному модальному оператору, а в нестрогом понимании — ненормальной (слабо-нормальной) версии этого же опера-

тора $\Diamond$. При помощи этих уточнений введем два различных понятия отказа от действия. Будем считать, что отказ агента α от действия φ имеет место, когда агент α способен совершить действие φ, однако допускает, чтобы это действие не совершалось:

отказ от действия в строгом смысле —
$$\alpha \text{ отказ } \varphi \equiv_{df} \mathrm{E}\,[\alpha \text{ cstit } \varphi] \wedge \langle \alpha \text{ cstit } \neg\varphi \rangle;$$

отказ от действия в нестрогом смысле —
$$\alpha \text{ отказ } \varphi \equiv_{df} \mathrm{E}\,[\alpha \text{ dstit } \varphi] \wedge \neg\,[\alpha \text{ cstit } \varphi].$$

Как видим, отказ от действия и в той и в другой интерпретации — это стратегическая интеллектуальная деятельность. Ключевым моментом разграничения между отказом от действия в строгом и отказом от действия в нестрогом смысле является эпистемическая презумпция. Если агент отказывается от действия с учетом этой презумпции на основе свободы выбора, то есть в нестрогом смысле, это означает, что агент α *предпочитает*, чтобы события развивались по иному сценарию, нежели тот, в котором агент α сам реализует φ. При этом агенту неважно, произойдет в итоге φ или наступит $\neg\varphi$. Хорошим примером такого «безразличного» отношения к течению событий может служить лейбницевское представление о Fatum Mahometanum, выраженное здесь в терминах стратегических операторов действий и операторов способностей. Если же агент воздерживается от φ, допуская противоположное развитие событий, приводящее к $\neg\varphi$, то действует на основе свободы воли, но не свободы выбора. Тем самым агент «в спокойствии невозмутимого духа» наблюдает за тем, что происходит вокруг — таков лейбницевский сценарий Fatum Stoicum.

3.5. Ответственность, вина, порицание и одобрение

Введенные выше разграничения между причинением, воздержанием от действия, инструментальным и стратегическим действиями, а также между способностями агента и его намерениями позволяют нам сформулировать каузальное определение ответственности сообразно тому, в какой мере агент послужил причиной наступления того или иного события. В классификации каузально ответственных стратегических действий мы следуем М. Мозе Бентцену, однако используем несколько иную символику и терминологию[35].

---

[35] См.: *Mose Bentzen M.* Stit, Iit and Deontie logic for Action Types. PhD Dissertation. P. 42–45.

Будем считать агента α позитивно ответственным за совершение действия φ, если φ было осуществлено указанным агентом α, и φ было реализовано агентом α как делиберативное стратегическое действие (Д-стратегическое действие). Таким образом, *позитивная ответственность* определяется как:

$$\alpha \text{ отв}_{\text{поз}} \varphi \equiv_{df} \varphi \wedge [\alpha \text{ dstit } \varphi].$$

Из этого определения следует, что позитивная ответственность обусловлена двумя обстоятельствами. Во-первых, согласно установленной связи между намерением агента и его стратегическим действием, действие φ агента α было намеренным действием:

$$[\alpha \text{ dstit } \varphi] \supset [\alpha \text{ iit } \varphi].$$

Во-вторых, данное действие было эффективным и агенту удалось реализовать свои намерения. В терминах абстрактно понимаемой субъектной полезности последнее также означает, что агенту удалось достичь наилучшего (максимального) исхода из тех, что заключались в его намерениях и были достижимы для него. В общем виде позитивная ответственность агента наступает, если ему удается достичь минимального позитивного исхода, то есть минимальной эффективности своего действия. В Примере Герой является позитивно ответственным за свои действия по спасению той части заложников, которых ему в действительности удалось спасти.

Почему агента надлежит считать позитивно ответственным в случае именно Д-стратегического действия, а не и Д-стратегического и С-стратегического действий? Ответ на этот вопрос находится в русле дистинкции между поведением и деятельностью агента. Является ли данное действие частью позитивно ответственной деятельности агента, до конца известно лишь самому агенту, который в той же мере знает, является его действие стратегическим или делиберативным. Однако когда речь заходит о поведении, то провести границу между ним и деятельностью бывает затруднительно, так как в большинстве случаев она пролегает на уровне мотивации. Поэтому представляется адекватной позиция, исходящая из разумности агента в слабо-нормальном смысле, не исключающая также и того, что агент на деле может быть разумен и в сильно-нормальном смысле. Такая позиция говорит, что все действия агентов считаются, как минимум, делиберативными, или Д-стратегическими. На практике это можно продемонстрировать, указав на наличие хотя бы одной альтернативной линии поведения, доступной агенту, то есть показав, что у агента был выбор, как

поступить[36]. Таким образом, позитивная ответственность есть некий общий случай каузальной ответственности агента за сознательно и свободно совершенное действие. В зависимости от сочетания того, были ли действия успешными, каковы были намерения агента и как они сочетались с его способностями, можно далее выделить некоторые разновидности позитивной ответственности: от минимальной степени каузальной ответственности за риск вплоть до виновной ответственности, когда агент совершил определенное действие в условиях праксеологической и эпистемической презумпций.

Начнем с *вменения ответственности* — *агенту* α можно вменить ответственность за действие φ, если φ произошло, агент был способен предотвратить φ, но не сделал этого:

$$\alpha\ \text{отв}_{\text{вмен}}\ \varphi \equiv_{df} \varphi \wedge E\,[\alpha\ \text{dstit}\ \neg\varphi].$$

Вменение ответственности (англ. *liability*, лат. *obnoxia*) — это разновидность минимальной каузальной связи между агентом, его действием и ситуацией, наступившей в результате данного действия этого агента. Вменить ответственность агенту в каузальном смысле возможно, если в намерения агента α не входило реализовывать ни φ, ни ¬φ, и он не стремился достигнуть (минимального) положительного исхода в действии φ, однако был способен воспрепятствовать наступлению φ, причем ничего не предпринял, чтобы предотвратить φ. Герою можно вменить ответственность за гибель части заложников, которых он не смог спасти, при условии что будет доказано, что Герой мог предвидеть такой исход и был способен его предотвратить. Стоит отметить особую роль наличия альтернативной линии поведения Героя при установлении и позитивной ответственности и вменения ответственности. Продемонстрировать наличие такой альтернативы — значит доказать, что агент действует на основе эпистемической презумпции (свободы выбора) и, следовательно, выступает как рациональный агент стратегического действия.

Перейдем к обсуждению разновидности каузальной ответственности агента за свои действия, когда действия агента не были стратегическими, а носили иной характер. Если φ не произошло, а случилось, наоборот, ¬φ, причем агент α был способен совершить ¬φ, но в то же время допускал, чтобы случилось φ, то агенту α можно *вменить ответственность за риск*:

$$\alpha\ \text{отв}_{\text{вмен/риск}}\ \varphi \equiv_{df} \neg\varphi \wedge \langle\alpha\ \text{cstit}\ \varphi\rangle \wedge E\,[\alpha\ \text{dstit}\ \neg\varphi].$$

---

[36] См.: *Лисанюк Е. Н.* Ответственность, рациональность и власть // Правовое государство и ответственность личности: Коллект. Моногр. / Под ред. И. Д. Осипова, С. И. Дудника. СПб.: СПФО, 2011. С. 61—77.

Понятие вменения агенту α ответственности за риск связано с действием причинения и устанавливает причинные связи между линиями развития событий, находящимися в поле рассмотрения агента α в ходе планирования им своих действий. При этом достаточными условиями вменения ответственности за риск φ являются взятые вместе способность агента выполнить $\neg\varphi$ и отсутствие у него намерений реализовывать как $\neg\varphi$, так и φ. В Примере Герою можно вменить ответственность за то, что он рисковал жизнями заложников.

Теперь, когда было введено понятие позитивной ответственности для Д-стратегического действия и понятие вменения, можно сформулировать понятие вины, или виновной ответственности, которая, как мы условились выше, бывает позитивной, если действие было успешным, и негативной, если оно оказалось неуспешным. В случае неуспешности действия говорить о вине не приходится, но можно вменить ответственность за попытку.

Понятие *позитивной виновной ответственности* фиксирует наличие свободы выбора агента α при совершении действия φ. Оно заключается в том, что φ наступило, будучи успешно выполнено агентом α, причем агент намеревался совершить именно действие φ, и одновременно он был способен совершить также и $\neg\varphi$:

$$\alpha \text{ отв}_{\text{вина/поз}}\ \varphi \equiv_{df} \varphi \wedge \mathrm{E}\ [\alpha \text{ dstit } \neg\varphi] \wedge [\alpha \text{ iit } \varphi].$$

Таким образом, быть позитивно ответственным есть необходимое условие для того, чтобы быть позитивно виновно ответственным. Граница между понятиями позитивной ответственности и виновной позитивной ответственности находится на уровне намерений, то есть в условии $[\alpha \text{ iit } \varphi]$, которые удается выявить, изучая *поведение* агента α и полагая, что он исследовал возможность придерживаться линии поведения, ведущей к $\neg\varphi$, однако избрал линию, ведущую к φ. Вместе с тем, ясно, что виновная позитивная ответственность есть отношение, возникающее как результат намеренного причинения, составляющего суть стратегического действия в условиях свободы выбора. В Примере Террорист является позитивно виновно ответственным за захват заложников, потому что намеревался захватить их и захватил, однако был способен не делать этого.

Сформулируем теперь понятие негативной ответственности, характеризующей ситуации, когда агенту по той или иной причине не удается успешно выполнить действие. Таково понятие негативной ответственности за попытку. Виновная ответственность за попытку:

$$\alpha \text{ отв}_{\text{нег/вина/попытка}}\ \varphi \equiv_{df}$$
$$\neg\varphi \wedge \mathrm{E}\ [\alpha \text{ dstit } \neg\varphi] \wedge [\alpha \text{ iit } \varphi] \wedge \langle\alpha \text{ cstit } \varphi\rangle$$

является разновидностью негативной ответственности, потому что действие φ входило в намерения агента α, однако оно не было реализовано, то есть оценка исхода действия — ниже минимальной позитивной. Таким образом, понятие ответственности за попытку соединяет в себе, с одной стороны, ответственность агента за риск, поскольку действие φ агента α было неуспешным, и в итоге наступило $\neg\varphi$, вопреки намерениям агента $[\alpha \text{ iit } \varphi]$, с другой стороны, слабую версию стратегического действия $<\alpha \text{ cstit } \varphi>$, означающего, что агент допускал наступление φ, не препятствуя этому, хотя и был способен предотвратить φ — $\mathrm{E}\,[\alpha \text{ dstit } \neg\varphi]$. Последнее особенно существенно, если φ — это нежелательный поступок или преступление. Так, в Примере Террорист виновен в попытке захвата заложников, несмотря на то что ему не удалось захваченных заложников удержать и «использовать» в своих целях. Иными словами, данное действие Террориста было неуспешным, хотя он и стремился к положительному исходу — $[\alpha \text{ iit } \varphi]$.

Выделяя позитивную ответственность как абстрактную каузальную ответственность, мы далее разграничиваем более детально разновидности каузальной ответственности сообразно двум основным независимым друг от друга критериям. Во-первых, это осознаваемые агентом основания действий, излагаемые в терминах его способностей и намерений. Во-вторых, это успешность и эффективность его действий, сформулированные при помощи утилитаристской модели деятельности, функций выбора, полезности и соответствующего исчисления исходов. Тем самым проводится разграничение между нечаянным действием и преднамеренным инструментальным или стратегическим действием, а также между попыткой и риском, соответственно, что позволяет сконструировать адекватные определения ответственности.

Перейдем к оценке каузальной ответственности, для чего нам потребуются деонтические операторы как выражение определенной системы ценностей (юридической, моральной), имеющейся в социуме для оценок действий агентов.

Будем считать агента α порицаемым за действие φ, если агент виновно ответственен за совершение φ, то есть φ произошло в силу действий агента α, который намеревался выполнить именно φ, хотя мог и должен был воспрепятствовать реализации φ. Таким образом, *порицание и вина* формулируются как:

$$\alpha \text{ пориц}_{\text{вина}}\, \varphi \equiv_{df} \varphi \wedge \mathrm{E}\,[\alpha \text{ dstit } \neg\varphi] \wedge [\alpha \text{ iit } \varphi] \wedge \Theta\,[\alpha \text{ cstit } \neg\varphi].$$

В тех случаях, когда агент α стремился к выполнению φ — $[\alpha \text{ iit } \varphi]$, несмотря на то что агент должен был воспрепятствовать наступлению φ — $\Theta\,[\alpha \text{ cstit } \neg\varphi]$ однако сознательно этого сделать ему не

удалось и в результате получилось $\neg\varphi$, не в последнюю очередь из-за того, что агент α допускал φ — $<\alpha \text{ cstit } \varphi>$. Таким образом, *порицание за попытку* формулируется как:

$$\alpha \text{ пориц}_{\text{вина/попытка}} \varphi \equiv_{df}$$
$$\neg\varphi \wedge \text{E} [\alpha \text{ dstit } \neg\varphi] \wedge [\alpha \text{ iit } \varphi] \wedge <\alpha \text{ cstit } \varphi> \wedge \Theta [\alpha \text{ cstit } \neg\varphi].$$

Еще более слабого порицания заслуживает агент α, если произошло φ, агент α должен был обеспечить $\neg\varphi$, но намеренных действий к этому агент α не предпринимал — $\neg[\alpha \text{ iit } \varphi]$, равно как и не предпринимал ничего, чтобы воспрепятствовать этому, хотя мог это сделать. Назовем такую ситуацию *порицанием за пренебрежение*:

$$\alpha \text{ пориц}_{\text{пренебр}} \varphi \equiv_{df}$$
$$\varphi \wedge \text{E} [\alpha \text{ dstit } \neg\varphi] \wedge \neg[\alpha \text{ iit } \varphi] \wedge \Theta [\alpha \text{ cstit } \neg\varphi].$$

Порицание за риск возлагается на агента α в том случае, если он должен был выполнить $\neg \varphi$ — $\Theta [\alpha \text{ cstit} \neg\varphi]$ и в действительности имело место $\neg\varphi$, однако это случилось вопреки данному долгу агента, потому что агент, несмотря на то был способен сделать $\neg\varphi$ — $\text{E} [\alpha \text{ dstit} \neg\varphi]$, тем не менее должного намерения к выполнению своего долга не проявил — $\neg[\alpha \text{ iit } \varphi]$. Таким образом, *порицание за риск* формулируется как:

$$\alpha \text{ пориц}_{\text{риск}} \varphi \equiv_{df}$$
$$\neg\varphi \wedge \text{E} [\alpha \text{ dstit } \neg\varphi] \wedge \neg[\alpha \text{ iit } \varphi] \wedge \Theta [\alpha \text{ cstit } \neg\varphi].$$

Сформулированным понятиям ответственности как порицания за действия, попытку, пренебрежение и риск несложно найти соответствующие аналоги в праве. Подчеркнем, что все эти понятия связаны с агентным долгом. Вместе с тем понятие ответственности как порицания можно сконструировать и на основе понятия обязательства, что в большинстве случаев и происходит на практике. Правда, это будет другое понятие, отличное от уже сформулированных выше. Все дело в том, что если заменить агентный долг на объективированное обязательство в этих определениях, то получится, что агент α будет не только обязан следить за тем, чтобы выполнялось $\neg\varphi$, но и обязан быть рациональным агентом в отношении $\neg\varphi$, то есть формулировать намерения, осознавать собственные способности и пр. Так происходит в силу того, что объективированное обязательство не позволяет проводить разграничения внутри когнитивных особенностей агента, рассматривая их как часть объективированного обязательства.

Позитивное понятие ответственности как одобрения (*позитивное одобрение*) также сконструировано на основе агентного долга:

$$\alpha\ \text{одобр}_{\text{поз}}\ \varphi \equiv_{df} \varphi \wedge [\alpha\ \text{cstit}\ \varphi] \wedge \Theta\ [\alpha\ \text{cstit}\ \varphi].$$

Понятие позитивного одобрения выражает ответственность агента за сознательное выполнение φ, являющееся его долгом. Напротив, негативное понятие ответственности как одобрения (*негативное одобрение*) связано не с долгом, но с обязательством:

$$\alpha\ \text{одобр}_{\text{нег}}\ \varphi \equiv_{df} O\varphi \wedge E\ [\alpha\ \text{dstit}\ \neg\varphi] \wedge [\alpha\ \text{iit}\ \varphi] \wedge <\alpha\ \ \text{cstit}\ \varphi>.$$

Идея негативного одобрения подразумевает наличие действующего обязательства делать φ — Oφ и намерение агента ему следовать — [α iit φ], однако это обязательство нарушено, причем не потому что агент α уклонился от этого, а вследствие случайных, не зависящих от агента причин. Как видим, уже само наличие обязательства предписывает то, каким обязан быть агент и как он обязан себя вести: иметь намерение выполнить φ — [α iit φ] и не препятствовать его осуществлению —<α cstit φ>, чтобы позволить ему произойти. Без этого утверждения идея неуспешного выполнения обязательного действия рискует превратиться в тривиальную констатацию существования обязательства и намерения агента его выполнить: $O\ \varphi \wedge\ [\alpha\ \text{iit}\ \varphi] \wedge\ <\alpha\ \text{cstit}\ \varphi>$. Однако неуспешность действий агента в ситуации действующего обязательства выразить затруднительно, ведь внесение выражения неуспешности его действий — ¬φ оказывается разрушительным для данного определения, делая его противоречивым, поэтому определение негативного одобрения включает в себя утверждение о способности реализовать ¬φ — E [α dstit ¬φ] в нестрогом смысле.

Аналогичным образом обстоит дело и с *негативным одобрением попытки*:

$$\alpha\ \text{одобр}_{\text{нег/попытка}}\ \varphi\ \equiv_{df} O\varphi \wedge E\ \ [\alpha\ \text{dstit}\ \neg\varphi].$$

Негативное одобрение есть разновидность вменения агенту каузальной ответственности за неуспешное стремление агента следовать обязательству — несмотря на наличие у него выбора уклониться от выполнения данного обязательства — может на практике иметь множество версий, в зависимости от того, как перед лицом обязательств агент совмещает с ними в своей стратегии долг. Например, агент может быть лояльным определенному обязательству и даже выполнить его в условиях эпистемической презумпции. Так, Герой может спасать заложников не потому, что считает их спасение, являющееся его обязательством, свои долгом, а по

причине того, что видит свой долг также и в том, чтобы добиться славы и наград посредством совершения такого благородного Поступка.

Понятия негативного одобрения открывают возможность исследования того, каким образом в стратегиях агента отражаются обязательство как внешняя норма и долг как норма внутренняя при помощи соответствующих определений каузальной ответственности и ее оценки. Другим важным результатом предложенного здесь каузально-оценочного подхода к порицаемым и одобряемым ответственным действиям является возможность исследовать дескриптивным образом эти нормативные по своей сути понятия. Этот результат достижим лишь в рамках каузально-оценочного подхода и не достижим средствами оценочно-каузального подхода, как мы видели на примере ответственности как одобрения.

Приложение 1 к главе 3

ОПЕРАТОРЫ СТРАТЕГИЧЕСКИХ ДЕЙСТВИЙ

К идее анализа действий рациональных агентов при помощи специальных операторов стратегических действий во второй половине XX века независимо друг от друга пришли две группы ученых. Скандинавские логики (И. Пёрн, Л. Линдаль, К. Сегерберг, Г. Хольмстрём-Хинтикка, Д. Эльгесем[1]) продвигались в русле идей С. Кангера и в качестве такого оператора использовали оператор действия Do, предложенный Кангером, а также слабо-нормальные операторы E-способности и A-действий агентов. Американские логики во главе с Н. Белнапом на основе идей логики времени А. Прайора сформулировали индетерминистский подход в логике действий. В результате интенсивных исследований в этой области в конце XX—начале XXI века акроним stit, предложенный Б. Челласом, прочно вошел в академический обиход логиков. Представители скандинавской школы продолжают использовать символику Кангера, однако все больше ученых склоняется к stit-операторам.

Число сторонников stit-систем растет не в последнюю очередь благодаря двум обстоятельствам теоретического характера. Во-первых, stit-операторы, будучи подкреплены семантическими формализмами, оказались удобным и интуитивно понятным способом модели-

[1] *Elgesem D.* The modal logic of agency // Nordic Journal of Philosphical Logic. 1997. 2 (2). P. 1—46.

рования индивидных и групповых действий агентов. Во-вторых, stit-структуры стали влиятельной концептуальной оппозицией динамической логики, во многом дополняя ее посредством исследования индетерминистских аспектов деятельности людей.

Действия людей естественно понимать как выбор из некоторой совокупности альтернатив, представленных в виде векторов-историй $h_i \in H$. При этом для каждого выбора $c_j \in Choice$, осуществленного агентом в определенный момент времени $m_k \in M$, существует единственная история, к которой он принадлежит, и имеется множество возможных будущих историй-подмножеств, состоящих из моментов, линейно доступных в данный момент m_k некоторой истории h_i. Всякий выбор c_j агента α отсекает отброшенные сценарии развития событий, которые были возможными перед выбором, но стали невозможными сразу после того как выбор сделан. Таким образом, хотя и невозможно утверждать наверняка, что выбор c_j агента определяет некую уникальную линию развития будущего, но можно с уверенностью указать, какие сценарии будущих событий сделались недоступными альтернативами в результате данного действия агента.

stit-фрагмент — это формальная надстройка обычного пропозиционального исчисления. Чтобы уточнить ее формальный смысл, требуется семантическая stit-ветвящаяся в будущее структура древовидного типа S = {Φ, <, H, M, A, V, Choice}, состоящая из[2]:

1) множества H историй-множеств, состоящих из узловых моментов выбора M, принадлежащих соответствующим историям;

2) множества агентов $\alpha \in$ A;

3) функции выбора Choice;

4) нерефлексивного отношения < упорядочивания историй относительно выбора агента.

Функция выбора Choice, осуществляемого агентом α в момент m, расчленяет множество доступных агенту α историй H_m развития событий, к которым принадлежит данный момент m, на соответствующие подмножества $\{h_m, h_1, h_2, ...\} < \{h_m, h_c\}$, где через h_c обозначена избранная агентом α линия действий. Множество историй, доступных агенту α в момент m, называется ячейкой выбора $Choice_{\alpha}^{m}$ (h_m); и содержанием такого выбора, указанным в скобках, может быть любая из историй, доступная агенту α в момент m. Таким образом, мы можем определить действие φ как атомарное индексное выражение, взятое относительно упорядоченной пары, состоящей из некоторой истории и момента времени, который ей принадлежит:

$$\varphi \in \{h_m, h_c\}, \text{ но } \varphi \notin \{h_m, h_1, h_2, ...\}, \text{ причем } h_m < h_c.$$

---

[2] В изложении сути stit-формализмов мы, за исключением некоторых уточнений и модификаций, опираемся на обзорную статью: *Segerberg K., Meyer J.-J., Kracht M.* The Logic of Action // Stanford Encyclopedia of Philosophy / Ed. E. Zalta (URL: http://plato.stanford.edu/entries/logic-action/. Дата обращения 12.08.2013).

Теперь для каждого действия $\varphi \in \Phi$ некоторого агента можно указать такую индексную пару, тем самым «локализовав» это действие на stit-структуре S с целью определить логическое значение φ.

Функция означивания V на stit-структуре S сопоставляет всякому действию $\varphi \in \Phi$ какое-либо значение из множества значений {1 (истина), 0 (ложь)}. Тогда через $[[\varphi]]_m$ обозначим множество историй, таких, в которых имеет место φ, и совместимых с h_m, по крайней мере, до наступления m:

$$[[\varphi]]_m =_{df} \{h \in H_m : (h, m) \vDash \varphi\}.$$

Тогда условия истинности φ таковы:

$$(h, m) \vDash \varphi, \text{ если и только если } V(h, m) = 1.$$

Соответственно, логический смысл обычных пропозициональных связок устанавливается стандартным образом:

($\neg$) $(h, m) \vDash \neg\varphi$, если и только если неверно, что $(h, m) \vDash \varphi$,

($\wedge$) $(h, m) \vDash \varphi \wedge \psi$, если и только если $(h, m) \vDash \varphi$ и $(h, m) \vDash \psi$.

Напомним, что принятие или непринятие эпистемической презумпции влечет два различных понимания сути стратегического действия. Стратегическое действие агента без учета этой презумпции обозначается при помощи cstit-оператора Челласа, а действие в условиях свободы выбора — при помощи делиберативного dstit —оператора[3]. Теперь установим условия истинности для этих операторов. Выражение $[\alpha \text{ stit } \varphi]$ истинно относительно ячейки выбора $Choice^m_\alpha (h)$, заданной индексной парой (h, m), тогда и только тогда, когда для всякой истории $h_i \in H$, проходящей через данную ячейку выбора, верно, что φ имеет место в момент m, принадлежащий истории h:

(cstit) $(h, m) \vDash [\alpha \text{ stit } \varphi]$, если и только если $Choice^m_\alpha (h) \subseteq [[\varphi]]_m$.

Условие истинности для cstit-оператора Челласа является формальным выражением праксеологической презумпции, или презумпции свободы воли, рационального агента. Особенность этого условия заключается в том, что оно означает одновременно принятие модальных постулатов B, T и 4:

(B) $\varphi \supset [\alpha \text{ cstit } \neg[\alpha \text{ cstit } \neg\varphi]]$,

(T) $[\alpha \text{ cstit } \varphi] \supset \varphi$,

(4) $[\alpha \text{ cstit } \varphi] \supset [\alpha \text{ cstit } [\alpha \text{ cstit } \varphi]]$.

---

[3] См. аксиоматизацию для dstit-оператора в: Axioms for Deliberative «Stit» Ming Xu // Journal of Philosophical Logic. Vol. 27. N 5 (Oct., 1998). P. 505—552.

Общий смысл этих постулатов таков. Агент действует на основе свободы воли, поэтому истории, где нарушаются адресованные ему нормы или правила, в данной ячейке выбора ему недоступны — гласит постулат В. Согласно постулату Т, агент выступает причиной наступления φ в смысле праксеологической презумпции, а также каузальных отношений «агент → событие» и «способности агента → событие». Постулат 4 говорит о том, что в тех случаях когда действие φ агента α носит стратегический характер, агент также следит за тем, чтобы оно было именно стратегическим. Постулат Т можно также назвать постулатом эффективности действий агента, а постулат 4 — постулатом квазиуспешности, потому что он «удостоверяет» стратегический характер действия агента, но только для самого агента.

Сформулированное выше условие истинности для cstit-оператора часто называют позитивным условием, потому что оно выражает принятие праксеологической презумпции. В отличие от этого, условие истинности для dstit-оператора служит негативным условием и означает принятие эпистемической презумпции (свободы выбора):

(dstit) $(h, m) \vDash [\alpha \text{ stit } \varphi]$, если и только если $Choice^m_\alpha(h) \subseteq [[\varphi]]_m$ и $[[\varphi]]_m \neq H_m$.

Согласно негативному dstit-условию выражение $[\alpha \text{ dstit } \varphi]$ истинно относительно ячейки выбора $Choice^m_\alpha(h)$, заданной индексной парой (h, m), тогда и только тогда, когда выполняются оба условия. Дополнительно к сформулированному выше позитивному условию требуется, чтобы имелась такая история $h_i \in H_m$, содержащая момент m, в которой φ не имеет места относительно индексной пары (h, m).

cstit-оператор является *S5*-подобным нормальным модальным оператором, и относительно него выполняются обычные постулаты для такого рода модальных формализмов[4]:

$$(RE)\ \frac{\varphi \equiv \psi}{[\alpha \text{ cstit } \varphi] \equiv [\alpha \text{ cstit } \psi]},$$

$$(N)\ [\alpha \text{ cstit } \top],$$

$$(M)\ [\alpha \text{ cstit } \varphi \wedge \psi] \supset ([\alpha \text{ cstit } \varphi] \wedge [\alpha \text{ cstit } \psi]),$$

$$(C)\ ([\alpha \text{ cstit } \varphi] \wedge [\alpha \text{ cstit } \psi]) \supset [\alpha \text{ cstit } \varphi \wedge \psi].$$

Дж. Хорти подчеркивает особую важность постулата RE в ракурсе изучения ответственности агентов. Содержательный смысл данного постулата таков. Предположим, что два действия φ и ψ идентичны, и совершение агентом α любого из них приводит к одной и той же ситуации. В этом случае, когда агент α сознательно совершает φ, тем самым возлагая на себя ответственность за это действие, он также является ответственным и за ψ.

---

[4] *Horty J.* Agency and Deontic Logic. Oxford UP, 2001. P. 17–18.

В отличие от cstit-оператора dstit-оператор является слабо-нормальным. На практике это означает, что формальные системы с dstit-оператором замкнуты на операцию тождества, а не взятия следствий, как это имеет место в случае с нормальными операторами. Некоторые постулаты, приемлемые для систем с cstit-оператором, неприемлемы для систем с dstit-оператором. Так, постулаты N, M, B не принимаются, а вместо N принимается противоположное ему утверждение:

$$\not{N}.\ \neg[\alpha \text{ cstit } \top].$$

На современном этапе логики развивают обе группы формализмов: и с cstit-оператором, и с dstit-оператором, потому что такие формализмы выражают различные и подчас несовместимые свойства, присущие деятельности людей, а также уточняют то фундаментальное соображение, что действия людей могут принципиально различаться и, соответственно, моделировать их поведение следует по-разному.

Возьмем постулат M, принимаемый в cstit-системах и не принимаемый в dstit-системах. Согласно этому постулату, если агент α следит за тем, чтобы реализовать совокупное действие $\varphi \wedge \psi$, то, в соответствии с праксеологической презумпцией, каждое действие из этой пары действий является самостоятельным стратегическим действием в смысле данной презумпции. Однако вполне может быть так, что агент α следит за тем, чтобы реализовать совокупное действие $\varphi \wedge \psi$, однако при этом какое-то из действий этой пары, взятое отдельно, он рассматривает на основе свободы выбора или как инструментальное. В таком случае в cstit-системе намерения агента α будут рассматриваться идеализированно, и более адекватно их отразят лишь dstit-системы. Так, Герой в Примере следит за тем, чтобы проникнуть в здание, сломав часть стены, с целью спасти заложников. При этом цель первого действия — спасти заложников — является стратегической, однако второе действие явно таким не является, потому что ломать стену Герой не стал бы, имейся иной путь попасть в помещение. Вместе с тем, без dstit-оператора затруднительно выразить отказ от действия. В Примере Герой, решивший совершить Поступок, очевидным образом отклоняет историю, в которой он отказывается принимать участие в спасении заложников. Отказ от действия невозможен без того, чтобы существовала хотя бы одна альтернативная история, где агент совершает отклоненное действие, — в этом и заключается суть постулата $\not{N}$. Поэтому некоторые из свойств, существенных для изучения отношения ответственности, здесь рассматриваются при помощи разграничений видов каузальных отношений, а также специальных презумпций.

Постулат, обратный N, означает, что агент α действует вне зависимости от исторической необходимости, так как его действия можно описывать при помощи слабого каузального отношения «способности агента → событие». Поэтому при помощи сильной алетической модальности $\Box$, выражающей историческую необходимость, можно

сконструировать правила взаимоопределимости cstit-оператора относительно dstit-оператора:

($\Box$) $(h, m) \models \Box\varphi$, если и только если для всех $h' \in H_m$, $(h', m) \models \varphi$.

Тогда получим следующие правила взаимоопределимости, которые устанавливают указанные зависимости применительно к любым моделям (историям):

$$[\alpha \text{ dstit } \varphi] \leftrightarrow ([\alpha \text{ cstit } \varphi] \wedge \neg\Box\varphi),$$
$$[\alpha \text{ cstit } \varphi] \leftrightarrow ([\alpha \text{ dstit } \varphi] \vee \Box\varphi).$$

stit-структуры оказываются особенно удобными для выражения групповых действий, поскольку посредством них можно уточнять агентов действий в качестве специфических характеристик этих действий.

Обратимся теперь к iit-оператору намерений. Этот оператор можно рассматривать как функцию, которая отображает множество действий $\varphi_\alpha \in \Phi$ агента α, доступных этому агенту в соответствующей ячейке выбора $\text{Choice}_{\alpha i}$, агента α в множество всех исходов $И_{\alpha i}$, доступных агенту α после данного выбора, образуя тем самым подмножество исходов, которые агент α стремится получить, совершая указанное действие и делая данный выбор. Это подмножество намерений $I_{\text{Choice}\alpha}$ можно иначе назвать подмножеством исходов, предпочитаемых агентом α. Утилитаристскую модель M, сформулированную ниже, можно естественным образом расширить за счет дополнительной структуры I:

(iit) $(M, И) \models [\alpha \text{ iit } \varphi]$ если и только если $I_{\text{Choice}_\alpha^m}(и_\alpha) \subseteq [[\varphi]]_m$

Иными словами, агент α намеревается осуществить φ с определенным исходом $и_\alpha$, если φ выполняется во всех исходах $и_{\alpha i} \in И_\alpha$, доступных агенту α в соответствующей ячейке выбора $\text{Choice}_\alpha^m (и_\alpha)$.

Понимаемый как нормальный iit-оператор — это D45-подобный оператор, поэтому для него выполняются постулаты K, Гёделев постулат, а также:

(Ct) $\neg([\alpha \text{ iit } \varphi] \wedge [\alpha \text{ iit } \neg\varphi])$,
(A) $[\alpha \text{ iit } \varphi] \supset [\alpha \text{ iit } [\alpha \text{ iit } \varphi]]$,
(B) $\neg[\alpha \text{ iit } \varphi] \supset [\alpha \text{ iit } \neg [\alpha \text{ iit } \varphi]]$,
(cstit / iit) $[\alpha \text{ cstit } \varphi] \supset [\alpha \text{ iit } \varphi]$,
(dstit / iit) $[\alpha \text{ dstit } \varphi] \supset [\alpha \text{ iit } \varphi]$.

Постулат (Ct) выражает идею непротиворечивости намерений рационального агента, а два последних постулата — связь между намерением и стратегическим действиям.

Приложение 2
к главе 3

МОДЕЛИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Для изложения особенностей различных моделей действий агентов используем тот же Пример:

> Герой совершил Поступок, в ходе которого спас заложников, захваченных Террористом. Не решись Герой на такой Поступок, заложникам грозила бы неминуемая гибель. Целью Героя при совершении Поступка было спасти всех заложников, однако осуществить это Герою не удалось — некоторые заложники погибли.

Представим результаты Поступка Героя при помощи матрицы полезности, руководствуясь прежней 5-балльной шкалой:

Исходы	$и_1$	$и_2$	$и_3$	$и_4$	$и_5$
Значения	+2	+1	0	–1	–2

Указанные пять исходов представляют собой оценку результата Поступка в терминах полезности (эффективности). Уточним, что в данном случае оценка полезности исходов считается одинаковой для Героя — субъекта Поступка, и для заложников — объекта Поступка. При этом мы абстрагируемся от возможных различий в оценке значений полезности для отдельных членов группы заложников, для которых исходы $И_2$ — меньшая часть заложников погибла, $И_3$ — никто не спасен, но все живы, $И_4$ — большая часть заложников погибла и $И_5$ — все заложники погибли, могут иметь иное значение, по очевидным соображениям. Мы также абстрагируемся от других особенностей утилитаристских моделей, в частности, от разграничений внутри понятия субъективной полезности, а также от различного рода уточнений способов ее вычисления.

Такое абстрактное оценивание будем называть утилитаристским, а исходы обозначать следующим образом:

$$И = \{И_1, И_2 \dots И_n\}.$$

В утилитаристской модели М для всякого действия или ситуации φ при помощи исходов можно указать, в каком из них φ выполняется (истинно) или не выполняется (ложно):

$$М, И \vDash \varphi$$

Или

$$М, И \text{ неверно, что } \vDash \varphi,$$

при условии, что рассматриваемые исходы имеют место в данной модели: $И \in M$.

В утилитаристской модели можно предусмотреть выразительные средства, для того чтобы различать исходы как ситуации, или описания положений дел (так это сделано в символических записях выше), и как результаты действий. В последнем смысле исходы выступают не ситуациями, но действиями, которые самим фактом их совершения каким-либо агентом обозначают членение модели M на фрагменты, сообразно выбору агента (см. также Приложение 1 об операторах стратегических действий). В этом случае к обозначению исхода будем добавлять также обозначение действия Ф, осуществление которого агентом α влечет φ:

$$M, И, Ф \models \varphi.$$

Эта запись означает, что в модели M при всех исходах И действие Ф влечет φ. В тех случаях когда речь идет о действиях, но разграничение между действием, которое намеревался осуществить агент, и фактическим исходом несущественно, будем обозначать только действие-результат при помощи пропозициональной переменной.

Кроме этого, можно условиться различать фактические исходы действий агента как реализованные действия — их мы будем выражать пропозициональными переменными — и возможные исходы, на которые агент мог рассчитывать, но реализовать не смог. Возможные исходы будут далее оставлены как исходы И.

Определим утилитаристскую стратегическую модель M более четко:

$$M = \langle И, A, \{Choice|\alpha \in A\}, U, V\rangle,$$

в которой И — это непустое множество исходов, $A = \{\alpha_i, \alpha_j, \dots \alpha_k\}$ — конечное непустое множество агентов. Чтобы не загромождать символические записи, в тех случаях когда речь идет о конкретном выборе агента α_i, мы будем использовать обозначение, фиксирующее только данного агента α_i, то есть под переменной, обозначающей агента, подразумевать и агента, и выбранное им действие, принадлежащее некоторой линии поведения. Прибегать к обозначениям агентных действий $\varphi_i \in Ф$, и агентных выборов $Choice_{i1} \in Choice$ как отличных от обозначений самих агентов, будем только в специальных случаях, где это необходимо для ясности изложения. Для каждого из агентов определена функция выбора

$$Choice = \{\alpha_{i1}, \alpha_{i2}, \dots \alpha_{j1}, \alpha_{j2}, \dots \alpha_{m1}, \alpha_{m2}\},$$

задающая конечное непустое множество действий, согласно выбору $Choice_{i1}$: $0 > i_1$, так что в любой ячейке выбора агенту α_{i1} доступно хотя бы одно действие, такое что

$$\varnothing \neq \alpha_{i1} \subseteq И.$$

Последнее означает, что действия, доступные агенту α_{i1} в определенной ситуации, расчленяют множество исходов И, сообразно сделанному агенту выбору Choice_{i1}, на доступные действия и более недоступные этому агенту в избранной им истории. Здесь мы принимаем идею независимости агентов и тем самым абстрагируемся от зависимостей между выборами, сделанными разными агентами и влияющими на дальнейшие их действия, сохраняя принцип непустоты выборов, доступных агентам в каждой ячейке выбора. Пусть

$$\alpha_{i1} \in \mathrm{Choice}_{i1}, \ldots \alpha_{j1} \in \mathrm{Choice}_{j1}, \text{ где } 1 \leq i_1 \leq j_1,$$

тогда

$$(\alpha_{i1}, \cap \alpha_{i2}, \ldots \cap \alpha_{i1+n}) = \varnothing.$$

U — функция полезности, приписывающая числовое значение из области вещественных чисел R каждому исходу $и_j$ из множества И = = $\{и_1, и_2, \ldots и_n\}$:

$$U: И \rightarrow R.$$

Посредством задания таких числовых значений функции полезности можно абстрагироваться от философских и социальных аспектов оценивания поведения людей, то есть от того, в каком смысле, юридическом, моральном и т. п. понимается «полезность».

V — функция означивания, отображающая элементы из множества пропозициональных переменных $\varphi_i \in Ф$ в соответствующее подмножество Р(И) множества исходов И = $\{и_1, и_2, \ldots и_n\}$:

$$V: Ф \rightarrow P\ (И).$$

Подмножество Р(И) множества исходов есть результат расчленения всего множества исходов, доступных агенту в данной ячейке выбора, на два подмножества — подмножество доступных далее выборов (линий поведений) Р(И) и его дополнения. Напомним, что это происходит путем избрания этим агентом некоторой линии поведения, вследствие чего часть ранее доступных агенту линий поведения становится более недоступной.

Разновидностью утилитаристской модели является консеквенциалистская, в которой ожидаемая полезность исхода одного и того же поступка различается для разных его участников. Например, если Герой — это группа людей, то для ее участников ожидаемая полезность Поступка неодинакова: члены «штурмовой» группы, непосредственно освобождающие заложников, проникают в помещение и вступают в столкновение с Террористом, подвергаются большему риску, нежели те члены группы, которые, не будучи членами «штурмовой» группы, обеспечивают операцию спасения — командование, связисты, снайпе-

ры и др. Поэтому в каждом из пяти «утилитаристских» исходов, сформулированных выше, путем объективации полезности с точки зрения судьбы заложников, можно выделить дополнительные исходы с учетом разных консеквенциалистских полезностей для участников группы Героя.

Для Примера можно сконструировать и вероятностную модель и тем самым оценить вероятности достижения желаемого результата в зависимости от особенностей тактических действий всех участников Поступка и с учетом конкретных деталей ситуации (погоды, места события, опытности и профессиональных качеств участников и др.). В таком случае мы получим общую и более объективную картину происходящего, однако взятая сама по себе вероятностная модель события не может служить для установления ответственности участников, потому что не отражает субъектных намерений и роли, которую каждый из участников играет в Поступке. Поэтому вероятностные модели для оценки ответственности используются лишь как вспомогательные, а основными являются утилитаристские, кратко представленные выше, и динамические.

Динамическая модель ситуации — это модификация вероятностной или утилитаристской модели, с учетом того что некоторые важные аспекты моделируемого действия будут меняться в процессе его осуществления. По понятным причинам далее речь будет идти об утилитаристских динамических моделях. Предположим, что в Примере Герой уже в ходе осуществления Поступка понимает, что наилучший исход +2 недостижим, потому что Террорист разделил заложников на две неравные группы и поместил их в разные части здания, так что пока Герой вызволяет одну часть заложников, другая неминуемо гибнет. Таким образом, если Герой совершит ряд незапланированных действий и предпочтет спасти большую по численности группу заложников, отказавшись от спасения меньшей группы, то он сможет достичь исхода +1 — лучшего из оставшихся. Тем самым Герой изберет путь «лучший из худших». Динамическая модель позволяет присваивать значения полезности исходам путем оптимизации изначального упорядочивания возможных ситуаций. В Примере они естественным образом располагаются по степени убывания от наилучшего к наихудшему. Конструирование динамической модели представляется естественным способом оценки действий Героя, потому что имеется вполне очевидный критерий для упорядочивания исходов — количество спасенных заложников. Для упорядочивания исходов динамической консеквенциалистской модели можно воспользоваться отношением числа спасенных к числу пострадавших.

Важным аспектом использования динамических моделей для анализа ответственности является то, что они применимы преимущественно для оценки уже реализованных действий, а их применимость для выстраивания стратегии и тактики осуществления поступков ограничена в отличие от статических утилитаристских моделей, которые не имеют такого рода ограничений (хотя имеют другие). Все дело в

том, что в динамической модели упорядочивание исходов базируется на определенных критериях, которые сами могут быть подвержены изменению в ходе реализации действий. В Примере в ходе Поступка могут возникнуть непредвиденные обстоятельства, влияющие на формулирование таких критериев: предположим, внезапно обнаруживается, что помещение, где держат заложников, угрожает обрушиться, вследствие чего наиболее важным критерием оценки действия Героя становится скорость осуществления Поступка, тогда как ранее она не была столь существенной. Вместе с тем на стадии оценки Поступка на предмет ответственности и вины большинство обстоятельств происшедшего уже известны, и хотя обновление критериев возможно, оно уже не может повлиять на ход реализации действий Героя. Поэтому, обобщая эти рассуждения, подчеркнем, что на динамическую модель разумно опираться на стадии оценки действий, руководствуясь как основной стратегической утилитаристской моделью с функцией (субъектной) полезности и, возможно, используя вероятностную модель как вспомогательную.

Глава 4

МОРАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

Одним из наиболее существенных понятий современной этики является понятие моральной ответственности. Изучение понятия моральной ответственности следовало бы начать с определения, однако выработка такого определения представляет известные трудности. Попытки дать научное определение понятия ответственности обнаруживают, что это понятие многозначно, а сама проблема ответственности многоаспектна. Так, в рамках даже одной какой-либо науки термин «ответственность» используется для характеристики разных явлений и для описания различных сторон поведения субъектов. Ответственность зачастую воспринимается как одна из наиболее существенных этических категорий, направленных на интерпретацию человеческого бытия как бытия моральных личностей. Она подчеркивает важность самоосознания личностью моральных обязанностей, взвешенного отношения к выносимым моральным суждениям, необходимости личных усилий при совершении поступков, благоразумного использования власти и авторитета при исполнении социального долга, отчетности перед собой и другими и т. д.

В контексте современных реалий понятие ответственности обычно соотносят со сложностью социального бытия, что постоянно порождает специфические проблемы, которые не могут быть удовлетворительным образом разрешены имеющимися привычными моральными правилами, нормами и ценностями. Повышенный интерес к проблеме ответственности во многом вызван развитием технологий и высоким уровнем специализации деятельности, при которой экспертное знание и навыки оказываются необходимым условием для вынесения моральных суждений, особенно при решении проблем, возникающих в рамках прикладных и профессиональных этик.

Ответственность имеет важное значение для открытых пространств внутри демократического и рыночного «рамочного по-

рядка», в которых индивиды и социальные группы осуществляют независимые самостоятельные действия для достижения социально значимых целей.

Согласно современным социальным теориям, изучающим социальные институты — государство, корпоративные структуры, самоорганизующиеся сообщества и т. п., — ответственность рассматривается как одно из базовых понятий, объясняющих возможность коллективной деятельности людей ради их совместной пользы. Наконец, предполагается, что именно ответственность может примирить моральную двусмысленность между потребностями социального и организационного контекста («общее благо»), в котором осуществляется деятельность отдельных людей с их собственными интересами («личное благо»). Все эти обстоятельства свидетельствуют о том, сколь важна тематизация понятия ответственности для современной этической теории и практики.

Следовательно, понятие ответственности столь распространено, поскольку связывает широкий спектр моральных идей с реалиями современной социальной жизни. Для некоторых мыслителей оно выступает в качестве универсального морального принципа современных этических теорий. При этом существенным моментом оказывается то обстоятельство, что понятие моральной ответственности тесно связано с другими этическими понятиями. Более того, большинство значимых этических проблем в современной этике (свобода, моральный выбор, моральный долг, обязанности и т. п.) рассматриваются именно в контексте моральной ответственности. Данное понятие является также неизменной и существенной составляющей развивающихся в настоящее время прикладных этик, как в части их представленности в виде профессиональных (проблемы моральной ответственности врача, ученого, политика и др.), так и в области собственно прикладных этик. Например, существует устойчивая тенденция «вытеснения» или «замены» этики бизнеса (в строгом смысле) на «концепции корпоративной социальной ответственности». Последние понимаются и как разнообразные теоретические исследования, и как многочисленные «программы корпоративной социальной ответственности» с соответствующими практиками в сфере бизнеса, в которых социальная ответственность в ключевых моментах практически совпадает с понятием моральной ответственности. В связи с этим господствующей оказывается точка зрения, что рассуждения о нравственных проблемах, особенно этико-теоретические, в принципе не могут существовать без обращения к понятию моральной ответственности.

В теоретическом плане раскрытие понятия моральной ответственности разворачивается в личностном и социальном контекстах. Различные стороны моральной ответственности проявляются как в сугубо индивидуальной жизни людей, так и в их социальных ро-

лях, статусах, должностных положениях, которые задаются общественными институтами.

Современные этические теории ответственности обычно сосредоточены на решении таких проблем, как: а) анализ самого понятия моральной ответственности; б) выявление критериев того, на основании чего субъект может быть признан как носитель моральной ответственности, в том смысле, что она может быть вменена ему в каком-либо из возможных смыслов. Обычно это положение трактуется так, что только тот, кто способен оценивать причины или мотивы своих действий, может быть моральной личностью; в) условия, при которых понятие ответственности может применяться должным образом, то есть те условия, когда моральный субъект действительно ответственен за что-то (моральный субъект ответственен за совершенный поступок тогда и только тогда, когда совершает их свободно, включая наличие возможности совершить другое действие); г) анализ возможных объектов ответственности (поступки, проступки, последствия, особенности характера и др.) Кроме того, рассмотрение понятия моральной ответственности в современной теоретической и прикладных этиках выглядит продуктивным в плане рассмотрения классификации видов ответственности, их «темпоральной» обусловленности (ретроспективные и проспективные), различения ответственности «вины» и «заботы», «ответственности *за...*» и «ответственности *перед...*», «подотчетности» и «зависимости», анализа структуры отношений ответственности, постановки проблем субъекта ответственности (индивидуальная, коллективная, институциональная) и т. д.

Но возникает в какой-то степени закономерный вопрос: «Если речь идет о таком широком и многообразном спектре рассуждений о моральной ответственности, то не свидетельствует ли это о „потере“ самого понятия „ответственность“»? На подобную «опасность» указывал, в частности, П. Рикёр. «Прежде всего вызывает удивление, — писал он, — что этот термин, имеющий весьма жесткий смысл в юридической плоскости, появился столь поздно и не слишком отчетливо вписан в философскую традицию. Затем нас озадачивает многообразие и разрозненность употреблений термина в современных контекстах — и это выходит далеко за пределы, предписанные его юридическим употреблением. Прилагательное «ответственный» влечет за собой много разных дополнений: вы ответственны за последствия ваших поступков, но также ответственны за других, в той мере, в какой они находятся у вас на иждивении или под вашим попечительством, а в некоторых случаях — гораздо больше этой меры. В предельных случаях вы ответственны за все и вся. В этих расплывчатых употреблениях соотнесенность с обязательством не исчезла; она стала обязательством возвратить

известные долги, взять на себя известную нагрузку, выполнить известную договоренность. Словом, это — обязательство сделать что-либо, выходящее за рамки вознаграждения и наказания. Такая чрезмерность столь настойчива, что именно в последнем значении этот термин навязывает сегодня себя моральной философии — вплоть до того, что берет на себя все, что можно...»[1] Результатом такой «размытости» и неопределенности понятия моральной ответственности оказывается двойственная ситуация. С одной стороны, возникают попытки настолько гипертрофировать ее, что на человека возлагается «ответственность за все». Примером такой позиции может выступать философия экзистенциализма, наиболее ярко выраженная в знаменитой статье Сартра Ж.-П. «Экзистенциализм — это гуманизм», которая зачастую рассматривается как своеобразный «идейный манифест» этики экзистенциализма. Сартр пишет: «...если существование действительно предшествует сущности, то человек ответствен за то, что он есть. Таким образом, первым делом экзистенциализм отдает каждому человеку во владение его бытие и возлагает на него полную ответственность за существование. Но когда мы говорим, что человек ответствен, то это не означает, что он ответствен только за свою индивидуальность. Он отвечает за всех людей»[2]. Иными словами, любой человек в своей жизни морально ответствен «за все и вся». С другой стороны, в качестве своеобразной «реакции» на подобного рода позицию происходит «минимизация» моральной ответственности. Поскольку человек вряд ли может «вынести» ответственность за все («размытость» данного понимания фактически означает, что «быть ответственным вообще» означает «не отвечать ни за что конкретно»), возникает тенденция ограничить моральную ответственность исключительно «личной ответственностью». Более того, если распространить моральную ответственность на всех без исключения, то оказывается невозможным учесть «вклад каждого» в совершение тех или иных действий, степень их вины и ответственности, поскольку все оказываются равны в своей моральной ответственности. Особенно это проявляется в отношении коллективной вины и ответственности. В качестве примера можно упомянуть стремление К. Ясперса оспорить моральную виновность в равной степени всех без исключения немцев за все ужасы и преступления нацизма путем сведения моральной виновности к личной. Ясперс подчеркиват: «Морально можно возлагать вину только на самого

---

[1] *Рикёр П.* Понятие ответственности: опыт семантического анализа // Рикёр П. Справедливое / Пер. Б. Скуратова. М.: Гнозис; Логос, 2005. С. 41—42.

[2] *Сартр Ж.-П.* Экзистенциализм — это гуманизм // Сумерки богов / Сост. и общ. ред. А. А. Яковлева. М.: Политиздат, 1990. С. 324.

себя, не на другого, на другого разве что при солидарности борения в любви. Никто не может судить другого с точки зрения морали, разве только он судит его во внутреннем единении с ним, словно это он сам. Только там, где другой для меня как я сам, есть близость, которая в свободном общении может сделать общим делом то, что в конечном счете каждый делает в одиночестве»[3]. Но подобная индивидуализация и субъективация моральной ответственности зачастую лишает ее значимости, и выражения «ничего не остается, кроме как апеллировать к его чувству моральной ответственности», «пусть это останется на его совести» и т. д., по сути дела, являются выражением бессилия и воспринимаются как пустые рассуждения, поскольку не имеют никаких существенных последствий. В какой-то степени это ощущает и сам Ясперс, отмечая: «Моральная виновность — мне говорят, что критерий — собственная совесть, другие не смеют упрекать меня. А уж моя совесть обойдется со мной по-дружески. Все не так скверно — подведем черту и начнем новую жизнь»[4].

Для характеристики сложившейся теоретической ситуации в отношении понятия моральной ответственности имеет смысл обратить внимание на следующие обстоятельства. В своем классическом и традиционном понимании проблема ответственности оказывается самым тесным образом связанной с проблемой свободы. И еще в большей степени эта взаимосвязь оказывается весомой для моральной ответственности, так как с момента возникновения в античности философско-теоретических рассуждений об этических вопросах происходило осознание того факта, что только будучи свободным (или в той степени, в какой человек является свободным) он и является нравственным. Именно в отношении свободных человеческих поступков могут предъявляться моральные требования, именно свободные действия могут быть подвержены моральной оценке, именно за то, что в какой-то степени зависит от свободы человека, его можно награждать или наказывать. Даже авторы крайних детерминистических и фаталистических философских учений были вынуждены допускать существование того, в чем может проявляться свобода человека. Античным примером в данном контексте может выступить атомизм Демокрита (детерминизм), который для обоснования возможности наказания за свободные действия предложил существование двух рядов законов: законы природы и законы, устанавливаемые людьми. Их различие оказывается существенным не только с точки зрения их вечности, неизменности и т. д., но прежде всего в их отношении к поступкам

---

[3] *Ясперс К.* Вопрос о виновности. О политической ответственности Германии / Пер. С. Апта. М.: Прогресс, 1999. С. 26—27.

[4] Там же. С. 62.

человека. Так, за нарушение первых (природных) человека с неизбежностью ждет однозначное наказание в виде неминуемого поражения и гибели, в то время как человек, преступивший установленные людьми законы, при определенных обстоятельствах может избежать наказания. Следовательно, соблюдение или несоблюдение установленных законов оказывается в сфере свободы человека. Ярким примером «фаталистического» взгляда на человека и его поведение в античности служит стоическая этика, основным тезисом которой является идея о том, что всем в мире управляет судьба (рок, фатум) — что бы человек не делал, результаты его деятельности заранее предопределены. Что же тогда можно отнести к заслугам человека? Как можно оценить его поступки? За что его можно хвалить или порицать, награждать или наказывать? По сути дела, для нравственности при подобном подходе просто не остается места. Как известно, стоики ради «спасения» нравственности предлагают два «выхода». Во-первых, нравственность оказывается исключительно мотивационной и проявляется в достойном отношении ко всему происходящему. Как писал Сенека, «изменить... порядок вещей мы не в силах, зато в силах обрести величие духа, достойное мужа добра, и стойко переносить все превратности случая, не споря с природой»[5]. Во-вторых, свобода проявляется в возможности «разорвать цепь причин», совершив самоубийство.

Осознание тесной взаимосвязи между нравственностью и свободой в контексте представления об ответственности в духе причинной (каузальной) ответственности (вменении) традиционно рассматривается как исходный пункт появления этики как философско-теоретических рассуждений о нравственности. В своем исследовании об истории античной этики А. А. Гусейнов пишет: «В „Жизнеописаниях" Плутарха в очерке „Перикл" (гл. XXXVI) есть такое свидетельство. Когда однажды во время состязаний некий пятиборец нечаянно убил дротиком человека, Перикл и Протагор провели целый день в рассуждениях о том, кто виноват в случившемся — дротик, тот, кто его метнул, или тот, кто организовал состязание...»[6] Обращая внимание на то, что у самого Плутарха эта история просто упоминается и даже не известен ее итог, Гусейнов отмечает, что с точки зрения становления этического знания важность самой постановки следующих из нее вопросов трудно переоценить. Во-первых, речь идет о том, что вопрос о виновности (ответственности и вменении) в контексте рационально-философских рассуждений должен рассматриваться как вопрос о причинности. Именно установление того, что является причиной, и позволяет решить, кто ответствен за наступившие последствия. Во-вторых,

---

[5] *Сенека.* Нравственные письма к Луцилию. М.: Наука, 1977. С. 270.
[6] *Гусейнов А. А.* Античная этика. М.: Гардарика, 2004. С. 83—84.

несмотря на то что непосредственной причиной смерти является именно дротик, нанесший рану, в качестве возможных виновников рассматриваются и люди (спортсмен и организатор соревнований)[7]. С точки зрения Гусейнова, «тем самым были выделены два больших класса причин: а) физические причины, б) человек и его действия. Критерий разграничения состоял в том, что на первые воздействовать нельзя, на вторые — можно»[8]. В-третьих, акцентирование внимания на том, что люди осуществляют большую часть своих поступков в ходе разнообразных схем взаимодействия с другими людьми, которые включают в себя и отношения господства и подчинения, означает необходимость нахождения в череде причин того, от кого зависело осуществление данного действия и наступление соответствующих (в данном случае) неблагоприятных последствий. Общий вывод, к которому приходит Гусейнов при анализе рассматриваемого случая, сформулирован им следующим образом: «Человеческие действия подлежат вменению и, благодаря этому, сознательному, намеренному регулированию. Ведь хотя человек действовал так, как он действовал, в результате чего и случилось несчастье гибели человека, тем не менее он мог бы действовать и иначе... Следовательно, предполагается, что человек содержит в себе причину своих действий. Только в этом случае ему можно вменить их в вину. Эту же мысль можно выразить иначе: отношения ответственной зависимости между людьми возможны только в пространстве, где конечной и решающей причиной является сознательная воля человека. Более того, они являются индикатором, свидетельством разумности полисной, институционально организованной жизни. Словом, пространство ответственных, вменяемых

---

[7] Последовательность представленного рассуждения выглядит странной с точки зрения современного мировоззрения. Почему сначала дротик, а потом люди? И вообще, причем здесь дротик? Следует отметить, что вопрос о том, имеет ли смысл включать в список возможных виновных (ответственных) дротик, выглядит «устаревшим» только на первый взгляд. Исторически это объясняется особенностями античного мировоззрения, сохраняющего существенные архаические черты, наделяющие предметы окружающего мира «антропоморфными» характеристиками, которые к тому же органично «вписываются» в существовавшие в то время способы объяснения мира («камень падает, потому что стремится к своему месту», то есть обладает чем-то вроде воли (стремлением). Вместе с тем, даже современные ситуации могут свидетельствовать о том, что во многом способы и принципы рассуждений в аналогичных ситуациях остаются прежними. Так, при анализе авиакатастрофы рассматриваются следующие виновные (ответственные): экипаж (аналог спортсмена, бросившего дротик), диспетчеры и механики (организаторы) и состояние самолета («сложного дротика»).

[8] *Гусейнов А. А.* Античная этика. С. 86.

действий и публичное пространство свободы — это одно и то же пространство»[9].

Приведенные рассуждения по поводу рассмотренного античного сюжета существенны не только с точки зрения их исторической перспективы, но и с точки зрения выделения некоторых важных аспектов самой проблемы моральной ответственности. Дело в том, что Гусейнов, по сути дела, осуществил своеобразный «ретроспективный» анализ, «достроив» возможные, но утерянные для нас дискуссионные ходы с точки зрения последующего исторического развития этических рассуждений о проблеме соотношений свободы и ответственности, причинности и последствий, вменяемости и вины. В указанной реконструкции хорошо просматривается ставший практически хрестоматийным взгляд на понимание ответственности прежде всего как причинной ответственности в контексте понимания моральной свободы человека, которому в силу его свободы можно вменить нечто в вину. Как отмечает П. Рикёр, описывая данный вид ответственности, «вменять некоторое действие кому-либо означает приписывать это действие ему, как его подлинному виновнику, выставлять его, так сказать, на его счет, и делать его за него ответственным»[10]. Аналогичное утверждение можно встретить у Р. Ингардена. «Виновник, — пишет он, — является ответственным за совершенный поступок тогда и только тогда, когда это его собственный поступок»[11]. Ингарден также отмечает, что «требование, чтобы действие было личным поступком виновника, связано с давней проблематикой свободы человеческого индивидуума»[12]. В предельно обобщенной форме такое понимание ответственности может быть представлено следующим образом. Ответственность (ситуация возможного вменения) наступает, если человек был свободен в момент совершения действия, что с необходимостью предполагает наличие следующих обстоятельств: во-первых, он совершил данное действие, в том смысле, что он и только он является его причиной как самого действия, так и действенной причиной всех возможных последствий; во-вторых, он совершил его сознательно, в том смысле, что был в состоянии предвидеть возможные последствия, а также оценить их как негативные, так и благотворные последствия как для себя, так и для других; в-третьих, он совершил его добровольно, в том смысле, что имел реальную возможность совершить какие-то другие, альтернативные,

---

[9] Там же.

[10] *Рикёр П.* Понятие ответственности: опыт семантического анализа. С. 44.

[11] *Ингарден Р.* Об ответственности и ее онтических основах // Ингарден Р. Книжечка о человеке. М.: МГУ, 2011. С. 74.

[12] Там же.

действия, то есть находился в ситуации реального выбора — и совершенное действие, и его последствия есть результат его собственного решения.

Приведенный набор характеристик имеет предельно общий характер, и для ответа на каждый поставленный вопрос возникает потребность его конкретизации, учитывающей различные обстоятельства. В качестве наиболее существенных можно сформулировать следующие.

А. Каждое совершаемое действие может быть интерпретировано по-разному в смысле того, какое именно действие совершает человек. И от того, как это действие определено, зависит как его моральная оценка, так и возможная возникающая ответственность в плане одобрения, оправдания или порицания. Классическим примером может быть «принцип двойного эффекта», появление которого (правда, без самого названия, закрепившегося только в XX веке) обычно связывают с именем Фомы Аквинского. У самого Аквината указанный принцип выглядит именно как некое затруднение при определении качественных характеристик рассматриваемого действия, следствием которого уже является его этическая оценка. Одно и то же действие, например убийство, которое в общем виде рассматривается как порочное, при определенных обстоятельствах может интерпретироваться как нравственно положительное, не только не осуждаемое, но и одобряемое. Фома Аквинский отмечает: «Вещь, взятая в первичном и безусловном смысле, может казаться благой или дурной, однако при последовательном рассмотрении всех сопутствующих обстоятельств это мнение может измениться [даже] на противоположное. Так, в безусловном смысле то, что человек живет, — благо, а то, что он умрет, — зло. Но если в [некотором] частном случае прибавим, что [этот] человек — убийца или заговорщик, то получится, что смерть его будет благом, а жизнь — злом. Следовательно, и о праведном судье можно сказать, что изначально он хотел, чтобы все люди жили, но впоследствии пожелал, чтобы убийца был повешен»[13]. В еще большей степени это касается «сложных» действий, сложность которых может быть обусловлена и тем, что они представляют собой целую совокупность «разнесенных» в пространстве и времени поступков, и тем, что как само действие, так и его последствия могут оказывать влияние на различающиеся интересы множества людей. Поступки, от которых хорошо абсолютно всем, сами являются редким исключением.

Б. Крайне проблематичной является и оценка причинной «действенности» в отношении последствий. Возникающие в этом случае затруднения требуют учитывать, во-первых, относительную

[13] *Фома Аквинский.* Сумма теологии. Часть 1. Вопросы 1—43. Киев: Нака-Центр; Москва: Элькор-МК, 2002. С. 261—262.

близость наступивших последствий, в том смысле что есть возможность проследить череду причинно-следственных связей, во-вторых, способности человека контролировать и управлять последствиями, минимизируя вмешательство в происходящие события «третьих» сил (природных явлений или же действий других людей), существенно их нарушающие и искажающие. «Дилемма, — полагает П. Рикёр, — состоит в следующем: с одной стороны, оправдание одними лишь благими намерениями сводится к тому, чтобы убрать из сферы ответственности побочные эффекты, с того момента как мы решим ими пренебречь; тогда призыв „закрывать глаза на последствия" превращается в дурную веру того, кто „умывает руки" относительно последствий. С другой же стороны, ответственность за все последствия, и даже за те, что в высшей степени противоречат начальному намерению, в конечном счете приводит к тому, что действователь делается ответственным за все без разбору, что равносильно тому, чтобы не *брать на себя* ответственность ни за что»[14]. Следует отметить, что в современном понимании ответственности, с характерной для нынешнего общества опосредованностью социальных взаимоотношений, учет влияния действий других людей в рамках совместной жизнедеятельности все более актуален. Результатом этого оказывается проблематизация ответственности. «...Насколько в пространстве и времени может простираться ответственность, какую могут брать на себя предположительные, поддающиеся идентификации авторы вредоносных последствий? Цепочка эмпирических последствий наших поступков, как заметил Кант, виртуально бесконечна. В классической доктрине вменяемости эта трудность если не решается, то располагается в четко определенных границах — в той мере, в какой мы принимаем в расчет уже случившиеся последствия, а значит, уже обнаруженный ущерб»[15].

В. Последнее обстоятельство оказывается тесно связанным со следующими проблемами, возникающими при конкретизации возникновения ответственности. Если сознательность в данном контексте понимается как способность прогнозировать и оценивать возможные последствия, то эту способность следует рассмотреть, *во-первых*, с точки зрения образованности человека, совершающего поступок, *во-вторых*, с точки зрения потенциальной благотворности или возможного причинения вреда прогнозируемых человеком результатов. (1) В современном обществе объем имеющихся у человека знаний столь велик, что не только невозможно, но и неэтично предъявлять действующему субъекту требование знать все, а значит, вменять ему обязанность предвидеть все возможные ре-

---

[14] *Рикёр П.* Понятие ответственности: опыт семантического анализа. С. 63.
[15] Там же. С. 61—62.

зультаты в неопределенной временной и пространственной перспективе. Вместе с тем, характерное для современного общества «ускорение» смены условий жизни требует более внимательного отношения к возможности возникновения различных рисков и угроз. В современном обществе данная проблема особенно отчетливо проявляется в связи с возникающими рисками научно-технического прогресса, когда создание и внедрение новых технологий, сулящих многочисленные блага для всего человечества, оборачиваются негативными последствиями их использования. Не случайно становление и развитие современной этики ответственности многие исследователи связывают именно с развитием науки и технологий. Наиболее известной в этом отношении является работа Г. Йонаса «Принцип ответственности. Опыт этики для технологической цивилизации», само название которой свидетельствует о «технологических» предпосылках этики ответственности. Именно на невозможности оценить угрозы, риски и негативные последствия основана сформулированная Йонасом «эвристика страха». «По этой причине, — пишет Йонас, — философия нравственности, дабы узнать, что мы по-настоящему ценим, должна советоваться с нашими страхами еще прежде наших желаний. И хотя то, чего больше всего боятся, не обязательно в наибольшей степени страха достойно, а его противоположность должна оказаться наивысшим благом еще с меньшей обязательностью (скорее, наивысшее благо может быть совершенно свободно от противоположности злу), так что эвристика страха, разумеется, не есть последнее слово в наших поисках добра, она тем не менее является здесь в высшей степени полезным первым словом, и от нее следует взять все, что она способна дать в той области, где нам отпущено так мало слов, являющихся сами по себе»[16]. Именно на «эвристике страха» строит Йонас одну из своих центральных идей предвосхищающей, или предупреждающей, ответственности (*precaution responsibility*), которая является основанием для определения «этики будущего» с «новым измерением ответственности» («ответственность за...», ответственность как забота, обращенная в будущее ответственность и т. д.). При этом одним из центральных принципов в контексте «эвристики страха» оказывается не столько совершение действия, сколько «воздержание от действия»[17], по

---

[16] *Йонас Г.* Принцип ответственности. Опыт этики для технологической цивилизации. М.: Айрис-пресс, 2004. С. 81.

[17] Популярность этики ответственности в интерпретации Г. Йонаса привела к выделению такого специфического вида ответственности, как «эвойдабилити» (англ. *avoidability*), что означает «способность избегать». В отношении ответственности это как раз означает обладание способностью (компетентностью, когда речь идет о профессиональной деятельности) не допустить возникновения негативных результатов или последствий.

крайней мере до тех пор, пока не будут определены положительные и отрицательные характеристики возможных последствий. Йонас пишет: «В условиях стремительного ускорения первостепенное значение приобретают опасности избыточности. Это требует постановки соответствующего этического ударения, которое, как мы надеемся, столь же преходяще, как и условия, которым оно должно противостоять. Однако имеется здесь и вневременное преимущество, отдаваемое в этике принципу „ты не должен" перед „ты должен". Предостережение от зла всегда, по причинам, о которых у нас уже шла речь, оказывалось более насущным и категорическим, чем положительное „ты должен", с его спорными концепциями о моральном совершенстве. Первой среди нравственных обязанностей выступает обязанность сохранения себя свободным от зла, причем тем больше, чем сильнее делаются искушения, к злу подталкивающие. Данная нами версия этого ударения является ответом специфическому, свойственному этой эпохе, быть может, преходящему периоду цивилизации и его особым, всеодолевающим искушениям»[18]. Характеризуя эти положения этики ответственности Йонаса, следует отметить, что их теоретико-методологическая новизна является сомнительной с точки зрения понимания природы ответственности, поскольку они вполне соответствуют основным характеристикам традиционного и «классического» понимания ответветственности как «причинной» ответственности, за исключением того, что акцент делается на возможных негативных последствиях. Кроме того, использование всего арсенала имеющегося знания для принятия решений в условиях реальных пространства и времени потребует огромного числа ресурсов и может настолько отсрочить совершение действия, что его осуществление потеряет всякий смысл и может быть интерпретировано как безответственное поведение, поскольку фактически (вне зависимости от действительной мотивации) будет отказом от принятия ответственности за решение соответствующих проблем. (2) В качестве иллюстрации оценки прогнозируемых результатов с точки зрения их потенциальной благотворности или возможного причинения вреда стоит обратить внимание, по крайней мере, на то обстоятельство, что любое совершаемое действие, которое можно оценивать как свободное и ответственное, имеет своим результатом изменения, касающиеся как самого действующего субъекта, так и тех, на кого это действие оказывает непосредственное или косвенное влияние. А. В. Разин отмечает: «...позитивное влияние на нравственное сознание личности может оказать и негативный в объективном смысле результат. Например, возникновение конф-

[18] *Йонас Г.* Принцип ответственности. С. 411.

ликтной ситуации в результате определенного выбора может способствовать тому, что человек начинает более глубоко анализировать мотивы своего нравственного поведения. Если в результате этого он даже не откажется от мотивов поведения, вызвавших конфликт, то может как-то их скорректировать, найти средства для разрешения конфликтной ситуации, убедить других людей изменить мотивы их поведения и т. д. Так что в одном отношении и в одних временных параметрах результат морального выбора может в ряде случаев оказаться позитивным в других временных параметрах. Все это показывает невероятную сложность проблемы морального выбора и сложность определения меры ответственности личности за его совершение»[19].

Г. При оценке добровольности действия, понимаемой как возможность совершения альтернативных действий, возникает множество дополнительных вопросов, ответы на которые призваны прояснить прежде всего возможные различия между «реальными» и «мнимыми» альтернативами. Речь может идти и о собственно физических возможностях (например, невозможности водителя избежать столкновения из-за недостаточности времени на реакцию), о физической невозможности совершить какие-то действия из-за отсутствия соответствующих специальных знаний и умений (оказание квалифицированной медицинской помощи пострадавшему), о действиях под страхом в случае угроз жизни, здоровья или благополучия как самого действующего, так и тех, кто от него зависит, о невозможности совершить действие или отказаться от него, когда это противоречит устойчивым убеждениям человека и т. д.

Приведенный перечень обстоятельств, способствующих конкретизации и прояснению обстоятельств вменения причинной ответственности, связанной с характеристиками свободы и вины за совершаемые поступки, в теоретико-методологическом плане имеет длинную историю в области моральной философии. Общие представления существовали с момента зарождения теоретических этических рассуждений. Вместе с тем считается, что в относительно систематическом виде основные параметры такого понимания свободы и ответственности были сформулированы в этической концепции Аристотеля. В качестве иллюстрации, свидетельствующей о значимости аристотелевской концепции, можно привести суждения современных авторов, изначальные интенции которых предполагают если не отказ, то, по крайней мере, существенный пересмотр исторического наследия рассмотрения проблемы ответственности. Например, Г. Йонас, как уже отмечалась ранее, позиционируя разработанную им «этику ответственности» как идущую

---

[19] *Разин А. В.* Этика: Учебник. М.: ИНФРА-М, 2012. С. 351—352.

на смену всем предшествующим этическим концепциям, завершает свой труд следующим утверждением: «Воздавая... должное настоящему положению дел, наша односторонность следует древнему нравственному совету Аристотеля, что, преследуя добродетель как „середину" между крайностями избытка и недостатка, нам следует в большей степени противодействовать тому своему изъяну, к которому более склонны, а потому с большей вероятностью можем в него впасть, и скорее давать перехлест в противоположном направлении, в сторону, менее споспешествуемую нашей склонностью или обстоятельствами. А это есть, во время одностороннего нажима и растущего риска, сторона умеренности и осмотрительности, сторона „береги!" и „сохраняй!"»[20]. По сути дела, аналогичными утверждениями, апеллирующими к этике Аристотеля, его идеям фронезиса и понимания добродетели как «середины между двумя пороками», завершает анализ проблем, связанных с современным изменением понимания ответственности и возникающими в связи с этим проблемами и противоречиями, П. Рикёр. Он позиционирует свое понимание ответственности как во многих аспектах отличное от этики ответственности Г. Йонаса. «...Дилемма, вызванная вопросом о *побочных последствиях* действия, к которым относятся разные виды его *вредоносности*, вновь привела нас к добродетели *благоразумия*, — пишет Рикёр. Но в этом случае речь идет о благоразумии не в слабом смысле предотвращения, а в смысле *prudentia*, наследницы греческой добродетели *phronesis*, иными словами, в смысле морального суждения, обусловленного конкретными обстоятельствами. По существу, к этому благоразумию в сильном смысле слова отсылается задача распознать среди бесчисленных последствий действия те последствия, за какие мы можем легитимно считаться ответственными — во имя морали меры»[21].

Действительно, в этике Аристотеля можно обнаружить ключевые моменты анализа свободы и ответственности, в значительной степени предопределившие всю последующую традицию моральной философии и сохраняющие свою актуальность и для современных исследований. Сформулированные Аристотелем критерии произвольности и непроизвольности (свободных и несвободных поступков), в центре которых оказывается вопрос о том, что причина поступков «в самом человеке» или «вне его» внесли несомненный вклад в понимание проблемы ответственности. Так, Аристотель пишет: «Принято считать, что поступки, совершаемые подневольно (*ta biai*) или по неведению (*di' agnoian*), непроизвольны, причем подневольным (*biaion*) является тот поступок, источник

[20] *Йонас Г.* Принцип ответственности. С. 411.
[21] *Рикёр П.* Понятие ответственности: опыт семантического анализа. С. 66.

(*arkhē*) которого находится вовне, а таков поступок, в котором действующее или страдательное лицо не является пособником, скажем если человека куда-нибудь доставит морской ветер или люди, обладающие властью»[22]. Именно у Аристотеля можно найти рассуждения о перечисленных выше трудностях, связанных с анализом условий и характеристик действий, которые могут оцениваться как свободные и за которые может быть вменена ответственность. В третьей книге «Никомаховой этики» основные рассуждения посвящены тем действиям, которые Аристотель называет «смешанными»: это действия по принуждению, перед лицом угроз самому действующему или его близким, под воздействием внешних обстоятельств или с недостаточным знанием этих обстоятельств. При этом существенно, что даже в отношении подобных поступков Аристотель склоняется к тому, что они в большей степени являются свободными (произвольными), поскольку даже в подобных ситуациях окончательное решение (сознательный выбор в терминологии Аристотеля) остается за человеком, то есть все это — поступки, которые зависят от человека, а значит их причина находится в самом человеке. Аристотель отмечает: «Спорным является вопрос о том, непроизвольны или произвольны поступки, которые совершаются из страха перед достаточно тяжкими бедами или ради чего-либо нравственно прекрасного, например если тиран прикажет совершить какой-либо постыдный поступок, между тем как родители и дети человека находятся в его власти; и если совершить этот поступок, то они будут спасены, а если не совершить — погибнут. Нечто подобное происходит, когда во время бури выбрасывают [имущество] за борт. Ведь просто так (*haplos*) по своей воле никто не выбросит [имущество] за борт, но для спасения самого себя и остальных так поступают все разумные люди. Поступки такого рода являются, стало быть, смешанными, но больше они походят на произвольные: их предпочитают другим в то время, когда совершают, но цель поступка зависит от определенных условий (*kata ton kairon*). Так что поступок следует называть произвольным и непроизвольным в зависимости от того, когда он совершается. В таком смешанном случае, совершая поступки, действуют по своей воле, ибо при таких поступках источник движения членов тела заключен в самом деятеле, а если источник в нем самом, то от него же зависит, совершать данный поступок или нет. Значит, такие поступки произвольны, но они же, взятые безотносительно, вероятно, непроизвольны, ибо никто, наверное, ничего подобного не брал бы само по себе»[23].

---

[22] *Аристотель.* Никомахова этика // Аристотель. Сочинения в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1983. С. 95.

[23] Там же. С. 95—96.

Подобного рода анализ произвольности и непроизвольности, осуществленный Аристотелем, отвечает в своих ключевых моментах на вопрос о том, что может быть основанием для интерпретации поступков с точки зрения возможности вменения ответственности за них. Определенное затруднение, которое может возникнуть в рассмотрении проблемы ответственности в исторической перспективе, обусловлено тем, что сам Аристотель о проблеме ответственности ничего не пишет, поскольку в его моральной философии (как и в античной философской и этической мысли) нет такого понятия. То, о чем он рассуждает, в современной этике получило название «причинной ответственности» или «вменяемости» поступка. Формулирование моральной ответственности в понимании «причинной ответственности» (то есть практически без употребления это понятия) было характерно и для средневековой христианской этики, в рамках которой ставился, например, вопрос не о том, «является ли Бог ответственным за существования зла», а о том, «является ли Бог причиной зла». Известно, что в рамках вариативных дискуссий[24] по этому вопросу доминирующим ответом оказался тот, что Бог не является «причиной» зла, поскольку зло есть «лишенность», «недостаток» бытия, а все существующее в силу своего бытия в результате божественного творения есть благо, а зло «проникает» в мир не по «воле Бога», а в силу акта творения из «ничто».

Возможно, что в еще большей степени вопрос о вменении ответственности оказывался значимым в дискуссиях, связанных с библейским сюжетом «изгнания человека из рая». Именно анализ в христианской мысли событий, связанных с грехопадением, актуализировал, во-первых, проблемы свободы человека в условиях характерной для христианства идеи божественного провиденциализма (вне зависимости от того, понимается последнее как предопределение или как предвидение), во-вторых, проблемы божественного наказания (ответственности) человека в сюжете изгнания его из рая в условиях «проблематичной» свободы. В общих чертах суть «грехопадения» заключается в том, что Адам и Ева нарушили прямой божественный запрет и вкусили плод познания добра и зла. В рамках попытки рациональной реконструкции библейского сюжета возникает целый ряд вопросов, связанных с проблемами божественного провиденциализма, свободы и возможной вины (ответственности) и последующего наказания человека Богом: а) если провиденциализм интерпретируется как предопределение,

---

[24] При решении этого вопроса в христианской мысли обсуждались вопросы о том, был ли Бог свободен в процессе творения мира, мог ли он создать мир другим, подчинялся ли и в каком смысле законам разума и морали и т. д.

то было ли грехопадение реализацией божественного замысла, иными словами, причиной грехопадения был Бог или человек? б) если понимать провиденциализм как предвидение, то возникает вопрос: знал ли всезнающий и всеблагой Бог о возможном грехопадении, а если знал, то почему не вмешался? в) обладал ли человек свободой, когда вкусил плод познания добра и зла, тем самым совершив грехопадение: если он был свободен — значит, мог различать добро и зло до грехопадения, если нет — то в чем его вина? г) зачем Бог наделил человека свободой воли, если только при помощи нее он может быть обращен ко злу и тем самым отвращен от Бога и связанного с ним блага? д) является свобода выбора между добром и злом божественным даром человеку или его проклятьем, в том случае, если до грехопадения он не был свободен? И т. д.

В период становления христианства эти и подобные вопросы активно обсуждались. Достаточно вспомнить следующие рассуждения императора Юлиана в его книге «Против христиан»: «...то, что Бог запретил созданным им людям познание добра и зла, разве это не верх нелепости? Ведь что может быть глупее, чем не уметь различать добро и зло? Ведь такой человек, очевидно, не будет избегать дурного и стремиться к хорошему. А главное — Бог запретил человеку пользоваться рассудком; ведь, что различение добра и зла — дело рассудка, ясно и дураку. Таким образом, змей скорее благодетель, чем губитель рода человеческого. Вдобавок Бога надо признать завистливым; в самом деле, когда он увидел, что человек обрел рассудок, то, чтоб он не вкусил, как говорит Бог, от древа жизни, он изгнал его из рая, так-таки прямо заявив: „Вот Адам стал, как один из нас, зная добро и зло; а теперь, может быть, он прострет руку и возьмет также от древа жизни и вкусит и станет жить вечно". (И выслал его господь Бог из сада Эдемского.) Итак, все это, насколько я понимаю, если только оно не заключает в себе тайного смысла, полно жестокой хулы против Бога. Незнание, что та, которая была создана как помощница, станет причиной падения, запрещение познать добро и зло — а ведь только к этому подобает стремиться уму человеческому — и к тому же еще ревнивая боязнь, чтобы человек, вкусив от древа жизни, не превратился в бессмертного, — в этом слишком много завистливости и ревности»[25]. Известно, что в рамках христианской мысли вся вина (ответственность) снималась с Бога и возлагалась на человека. Следует отметить, что эти и подобные им дискуссии развивались не в терминах ответственности, но в терминах свободы и причинности,

[25] *Юлиан.* Императора Юлиана против христиан // Ранович А. Б. Первоисточники по истории раннего христианства. Античные критики христианства. М.: Политиздат, 1990. С. 401.

а также в русле связанных с ними в данном контексте понятий виновности, вменения и наказания.

Сложность, которая возникает при таком понимании ответственности, заключается в том, что при всей важности интерпретации ответственности через свободу (как писал И. Кант, о допущении «свободной причинности»), с учетом всех возможных обстоятельств, из рассмотрения «ускользает» сама специфика ответственности, особенно моральной ответственности. Значительная часть не только существовавших в истории философии и этики, но и современных рассуждений по поводу ответственности, особенно в плане ее «сопряженности» с другими этическими понятиями, выстраивается по принципу «логического круга»: «быть свободным — это нести моральную ответственность за свои поступки», «морально ответственным может быть только свободный человек», «только ответственный человек оказывается способным к моральному выбору», «свобода не означает вседозволенность, а предполагает ответственность», «мера ответственности есть мера свободы» и т. п. В подавляющем большинстве учебников по этике (обращение к учебникам во многом является удобным риторическим аргументом, поскольку «по умолчанию» предполагается, что в них излагаются если не бесспорные, то, по крайней мере, наиболее распространенные, общепринятые и устоявшиеся, иными словами, «хрестоматийные» положения), можно обнаружить утверждения подобного рода[26].

[26] См., например: «...свобода моральной мотивации состоит в объективной возможности выбора мотивов, субъективной способности сделать такой выбор, знании альтернатив, в частности соответствующих данному поступку моральных норм, и вытекающем из всего этого чувстве морального удовлетворения и готовности нести моральную и иную ответственность за содеянное. Мера ответственности прямо пропорциональна степени свободы... моральная свобода, свобода выбора мотивов и поступков — это не свобода от ответственности. Это свобода при максимальном осознании ответственности за выполнение общепринятых моральных требований, моральных норм поведения и его мотивации» (*Анисимов С. Ф.* Моральная мотивация // Этика: Учебник / Под общ. ред. А. А. Гусейнова, Е. Л. Дубко. М.: Гардарика, 1999. С. 382—383); «Для доказательства того, что какая-то личность не несет ответственности за определенное событие, достаточно показать, что оно находилось вне сферы ее свободного влияния. И наоборот, ее ответственность убедительно доказана, если мы смогли показать, что она действовала совершенно свободно. Именно на этом краеугольном принципе основывается этика правосудия» (*Назаров В. Н.* Прикладная этика: Учебник. М.: Гардарика, 2005. С. 45); «Ответственностью является возлагаемое на кого-либо или взятое кем-то обязательство давать себе отчет в своих действиях и принимать на себя вину за их последствия... Вместе с возложением ответственности человеку предоставляется свобода» (*Дедюлина М. А., Папченко Е. В.* Прикладная этика: Учебное пособие. Таганрог: Изд-во Технологического ин-та ЮФУ, 2007. С. 77).

Даже при обращении к профессиональным этикам оказывается, что быть морально ответственным и быть профессионалом в своем деле (в том смысле, что следует качественно выполнять свои профессиональные обязанности), по сути дела, есть одно и то же[27]. И присутствующие терминологические «довески» о «добровольности» и «осознанности» специфики моральной ответственности мало что добавляют к пониманию сути проблемы. Иными словами, обращение к понятию моральной ответственности оказывается или «объяснением через неизвестное», или излишним. Это не означает, что следует отказаться от соотнесения проблемы ответственности со свободой, а предполагает, что констатация взаимосвязи между ними, даже с учетом изложенных выше затруднений при их определении, является недостаточной для понимания специфики ответственности, особенно моральной ответственности.

В качестве существенного обстоятельства, позволяющего проиллюстрировать особенности возникающих проблем, следует обратить внимание на то, что помимо «обратимости» свободы и ответственности, хрестоматийным считается и представление о том, что свободные и ответственные действия «по умолчанию» являются хорошими (положительными) в моральном отношении. Логика рассуждений в этом случае проста и понятна: человек знает, что делает, он может предвидеть возможные положительные и отрицательные последствия своих действий, никто не будет «выбирать зло» добровольно и т. д. Иными словами, свободный и ответственный человек есть по определению добродетельный, морально хо-

---

[27] Понятие ответственности превращается в некоторый стереотип, который не отражает реальных профессиональных качеств, а, скорее, представляет собой некий шаблон, которому привыкли следовать работодатели и претенденты на вакансии. «По данным исследования, проведенного петербургским представительством компании HeadHunter, ответственность — самое распространенное личное качество, указываемое соискателями в резюме и работодателями в вакансиях... Сложно поспорить с утверждением, что ответственные люди нужны везде и всюду, а безответственных не ждут нигде. В любой профессии и роде занятий, сколь незначительными бы ни были исполняемые сотрудником обязанности, важна концентрация на этих обязанностях и серьезный подход. Потому что в противном случае любое, даже самое незначительное, но плохо выполненное дело может стать началом большой проблемы. И хотя этот безусловный, как аксиома, вывод очевиден любому здравомыслящему человеку, результатом работы стереотипа и становятся шаблонные строчки в резюме и требованиях к вакансии. Судите сами: практически в каждом первом совете, данном экспертами в нашем проекте „Карьерный консультант" по поводу личных качеств в резюме, фигурировало слово „ответственность". Это качество советовали включить в CV юристам, бухгалтерам, менеджерам по продажам, фармацевтам и прочим специалистам» (URL: http://planetahr.ru/publication/3583, дата обращения: 28.09.2013).

роший человек. Но так ли это? В качестве примера, не столько опровергающего, сколько ставящего под сомнения безупречность подобного рода представлений, имеет смысл обратиться к событиям 22 июля 2011 года, когда Андерс Брейвик совершил два террористических акта: взорвал начиненный взрывчаткой автомобиль перед комплексом правительственных зданий в столице Норвегии Осло (8 погибших, 92 человека ранены, из них 15 получили тяжелые травмы), затем, облачившись в форму полицейского, в течение почти полутора часов методично расстреливал подростков и молодых людей на острове Утойа, где проходил традиционный молодежный летний лагерь правящей в то время в Норвегии Рабочей партии (из 655 участников в возрасте 14—25 лет погибло 69). По свидетельствам прибывших на остров сотрудников антитеррористического подразделения, Брейвик сразу же сдался, не оказав никакого сопротивления, и первыми его словами при задержания были: «Я закончил...»

Судя как по развитию самих событий, так и по тем комментариям и ответам, которые давал Брейвик в ходе судебного заседания, все его действия можно расценивать именно как свободные и ответственные. Во-первых, он сам совершил все эти действия, то есть был непосредственной их причиной. Во-вторых, он совершил их сознательно, предвидя возможные последствия. В-третьих, он действовал добровольно, руководствуясь сознательным выбором. Подтверждением того, что поступки Брейвика можно характеризовать как свободные и ответственные, служит и его реакция на предъявленные обвинения. Во-первых, Брейвик признался, что именно он устроил стрельбу в молодежном лагере на острове Утойя, но утверждал, что его действия, хотя и не являлись морально безупречными, были вынуждены обстоятельствами[28]. Во-вторых, Брейвик заявил, что сознавал возможность непредвиденных трагических последствий. «Во время слушаний по его делу в суде он извинился перед родственниками погибших и пострадавшими в результате взрыва бомбы, которую он заложил в правительственном квартале Осло 22 июля 2011 года. За убийство участников молодежного лагеря Рабочей партии на острове Утойя он извиняться отказался, так как, по его словам, совершил это преступление по политическим соображениям. Брейвик заявил, что воспринимал собрание на Утойе как „идеологический лагерь“»[29]. Получается,

[28] Террорист Брейвик допрошен: он считает свои действия зверскими, но необходимыми // News.ru дата публикации 24.07.2011 (URL: http://www.newsru.com/world/24jul2011/terr92.html, дата обращения 20.10.2013).

[29] Брейвик раскаялся в убийстве случайных прохожих // Lenta.ru дата публикации 23.03.2012 (URL: http://lenta.ru/news/2012/04/23/remorse/ дата обращения 20.10.2013).

что в первом случае жертвы оказались им не запланированы, а во втором — не только прогнозируемы, но и существенны для реализации его замысла. Да и его слова «Я закончил...» похожи на то, что говорит человек, ответственно выполнивший, пусть и неприятную, но нужную и важную работу. Проблема заключается в том, что никакие из приведенных характеристик действий Брейвика в качестве свободных и ответственных, не позволяют оценить их как морально положительные, достойные и т. д. Будучи свободными и ответственными, эти действия являются аморальными. Иными словами, оказывается, что свобода и ответственность могут расцениваются как необходимые, но явно недостаточные критерии морально положительного поведения. Своеобразным «выходом» из подобной ситуации является позиция К. Ясперса, который отмечал, что моральная виновность может касаться только морально вменяемых личностей, то есть тех, кто понимает смысл моральных норм и ценностей. В связи с этим те, кто совершил ужасные (фактически, неприемлемые с точки зрения морали) преступления, «выпадают» из области моральной виновности — критерии моральности к ним вообще не применимы. Более того, это означает, что в отношении таких людей невозможно и применение морально оправданных действий: «Гитлер и его сообщники, это маленькое меньшинство в несколько десятков тысяч, пребывают вне моральной виновности до тех пор, пока они вообще не чувствуют своей вины. Они, кажется, не способны раскаяться и измениться. Они такие, какие есть. В отношении таких людей остается только насилие, потому что они живут только насилием»[30]. При этом Ясперс не отрицает вменения им ответственности, но только не виновности в моральном отношении. «Считать ответственным, — подчеркивает он, — не значит признать морально виновным»[31]. Но тогда получается, что моральной ответственности, в строгом смысле слова, вообще не существует.

В подобного рода рассуждениях проявляются определенные сложности использования ряда этических понятий. Прежде всего это касается наиболее общих понятий «моральное», «нравственное», «этическое» и некоторых других. Дело в том, что они используются в близких, но — в некоторых контекстах — существенно различных смыслах. Во-первых, эти понятия используются в дескриптивном (описательном, формальном и т. п.) смысле, когда речь идет о поступках, поведении или отношениях, имеющих моральное (этическое, нравственное) значение. Если не бóльшая, то, по крайней мере, значительная часть действий, которые совершаются, не имеет морального измерения, то есть является морально

[30] *Ясперс К.* Вопрос о виновности. С. 51—52.
[31] Там же. С. 49.

нейтральной. В этом случае выстраивается следующая дихотомия понятий — моральное/внеморальное, нравственное/вненравственное, этическое/внеэтическое и т. п. Во-вторых, эти понятия могут использоваться в прескриптивно-аксиологическом (содержательном, ценностном, нормативном и т. п.) смысле, когда речь идет о должных или одобряемых поступках, поведении или отношениях. В этом случае выстраивается иная дихотомия понятий — моральное/аморальное, нравственное/безнравственное и т. п. Соответственно, при употреблении в первом (дескриптивном) смысле такие явления, как ложь, жестокость, поступки, унижающие других людей, являются нравственными (моральными, этическими), поскольку относятся к сфере нравственности. Если же говорить о словоупотреблении во втором (прескриптивно-аксиологическом) смысле, то все вышеперечисленное относится к морально осуждаемым, то есть аморальным и безнравственным поступкам. Проблема выглядит таким образом, что зачастую происходит если не путаница, то «смешение» этих смыслов. Так, когда говорят, что человек совершил «моральный поступок», то в большинстве случаев (это характерно как для «обыденного» морального сознания, так и для многих теоретических этический рассуждений) вольно или невольно подразумевается, что речь идет о морально положительном, добродетельном поступке, выражение «моральный субъект» чаще всего воспринимается именно как хороший в нравственном отношении человек. При таком «смешении» как раз и получается, что характеристики как поступков, так и человека в качестве свободных и ответственных «по умолчанию» воспринимаются как морально положительные. И раз ответственный человек рассматривается тождественным морально добродетельному, то возможным следствием оказывается и обратная операция. Безнравственный человек, тем более дошедший в своем поведении до крайней степени аморальности, начинает интерпретироваться если не как несвободный (признание его в качестве такового лишает возможности применения к нему других видов ответственности, например юридической ответственности и связанного с ней наказания), то как находящийся вне пределов моральной ответственности. Но подобные утверждения есть именно результат неоправданного «смешения». Моральный поступок в дескриптивном смысле вовсе не означает его положительную моральную значимость, и порочные поступки подлежат вменению моральной ответственности в силу их принадлежности к сфере нравственности.

Указанное различение между дескриптивным и прескриптивно-аксиологическим смыслами является существенным и в отношении самого понятия моральной ответственности. Использование прилагательного «моральный» означает, во-первых, что специфика ответственности проявляется именно в сфере нравственности,

во-вторых, что требования в отношении ответственности и ее оценка имеют моральный характер, то есть критериями выступают именно моральные нормы и ценности. И поскольку речь идет об ответственности в ее моральном значении, то следует дать краткие и общие определения нравственности (в ее дескриптивном и прескриптивно-аксиологическом смысле)[32].

В дескриптивном смысле нравственность можно определить следующим образом: *Нравственность — исторически обусловленный способ ценностно-нормативного регулирования поведения людей в их отношениях к другим. Особенностью нравственности как социального регулятора является то, что сами отношения, а, соответственно, люди, существующие в них, как их творцы и порождения, выступают в виде осознанной цели этих отношений.* В качестве кратких комментариев к данной формулировке необходимо отметить следующее. В жизни человека и общества как на протяжении истории, так и на сегодняшний день происходят кражи и убийства, люди обманывают и лгут, унижают и оскорбляют, наряду с этим они помогают друг другу, любят, проявляют уважение и солидарность, заботятся и т. п. Все это является неотъемлемой частью социальной реальности. В этом контексте «задачей» нравственности является различение «правильных» для жизни форм поведения и отношений (возможно, даже самого существования человека и общества) и «неправильных» их форм. В первом случае они оказываются морально одобряемыми (добродетельными в широком смысле этого слова) и, соответственно, предполагающими различного рода целенаправленные процедуры их поддержания и культивирования, во втором случае — морально недопустимыми (порочными), что предусматривает необходимость не только их осуждения, но и принятия мер по их недопущению, или, по крайней мере, минимизации[33]. Указанное своеобразие нравст-

---

[32] Приводимые ниже определения не претендуют на полноту, а имеют «рабочий» характер. В них нет (как это требует определение в строгом смысле слова) всех существенных и необходимых признаков, а зафиксированы только те, которые являются наиболее важными для анализа проблемы моральной ответственности. Кроме того, даже сформулированные в таком виде эти определения нуждаются в более детальном обосновании, что может быть темой отдельного исследования.

[33] Речь идет не только о моральном осуждении и нравственных средствах поддержания/противодействия каким-то явлениям жизни человека и общества. Учитывая взаимодействие и взаимопроникновение сфер общественной жизни, мораль «проникает» и в другие социальные регуляторы. Например, право, так же призванное регулировать поведение и общественные отношения, делает это не столько поощряя «достойные», сколько наказывая «недостойные» (по крайней мере, это наглядно видно в области уголовного права). Но в этом случае чаще всего имеются в виду

венности наглядно проявляется в области прикладных этик. Так, политическая карта мира (как историческая, так и современная) демонстрирует примеры разнообразных политических режимов (демократии, автократии, деспотии, диктатуры, тоталитарные режимы и т. п.), способы решения политических конфликтов (войны, переговоры и т. п.), но именно политическая этика (даже если она является частью политической теории или философии) призвана определять, какие из них являются «допустимыми», следовательно, нуждающимися в поддержке, а какие «недопустимыми», а значит, требующими принятия мер по противодействию им, что находит свое выражение в соответствующих формах. В той степени, в какой политическую этику можно понимать не только в качестве теории, но и как часть практической нравственной жизни, представления о моральной «допустимости» или «недопустимости», «одобряемости» или «порицаемости» тех или иных явлений становятся частью политической жизни, воплощаясь в решения и действия соответствующих политических структур, институтов и общностей.

Несколько слов необходимо сказать и о социально-историческом измерении нравственности. В различные исторические эпохи одни и те же формулировки нравственных предписаний наполнялись различным содержанием, в зависимости от тех условий социально-культурного бытия, в которых осуществлялась человеческая жизнедеятельность. Но, будучи сформулированными в виде нравственных (во всеобщей и универсальной форме, то есть с претензией на применимость «для всех времен и народов»), они переживали и переживают породившую их историческую эпоху в различных возможных вариантах: а) полностью сохраняя старое содержание, б) переистолковывая старое содержание, то есть придавая ему новый смысл и адаптируя тем самым предшествующие нормы к новым условиям человеческого бытия, в) наполняясь принципиально новым содержанием, смысл которого прямо противоречит предшествующему. Наглядным примером может служить требование «не укради», фактическое содержание которого напрямую зависит от господствующих в соответствующий исторический период пониманий экономических и юридических отношений собственности, поскольку украсть можно лишь то, что находится в чьей-то собственности. Но если речь идет о рабстве (как собственности на человека), то в зависимости от культурно-исторического периода «отнимание» человека у собственника могло

именно возможные моральные основания и содержание права, проблемы соотношения моральной и юридической справедливости, ответственности и т. д., что является частью не только теории, но также философии и этики права.

рассматриваться как кража (морально осуждаемый и наказуемый поступок) и как освобождение (морально одобряемый и поощряемый поступок). В связи с этим, когда речь идет о прескриптивно-аксиологическом и содержательном определении нравственности, то в центре внимания оказываются существенные характеристики того общества, в котором доминируют соответствующие нормы, предписания, императивы, ценности и т. п. Обращение к содержательным характеристикам нравственности, по мнению Т. Адорно, является необходимым условием формирования этики ответственности и рассуждений о моральной ответственности. «...Как только мы задумываемся о человечестве в конкретном содержательном смысле, — пишет Адорно, — то непременно встает вопрос об ответственности, именно об ответственности за эмпирическое существование человечества, за его самосохранение, за выживание и преумножение человеческого рода, к которому все мы... принадлежим. Однако от этого этического принципа Кант полностью отказывается, потому что в его философии морали для проблемы ответственности абсолютно нет места... Кантовская философия морали является поэтому не чем иным, как этикой убеждения, и именно потому, что, сводя понятие свободы к абсолютно формальному, если угодно, гносеологическому принципу, она уничтожает всякую возможную зависимость свободы от чего-либо конкретного, то есть ее связь с реальным содержанием этики»[34].

В данном случае имеется в виду ценностно-нормативное определение нравственности, характерное для современного общества: *совокупность норм и ценностей, регулирующих поведение людей и обеспечивающих свободу, самоопределение и ответственность человека за собственное существование и жизнедеятельность, следовательно, и за существующую социальную реальность, частью которой он является.* Существенным методологическим моментом является то обстоятельство, что в ходе анализа необходимо исходить не из понимания нравственности самой по себе, а из того, что представляет собой современность как некоторая социокультурная реальность, каковы отношения между людьми, складывающиеся в процессе их жизнедеятельности, а соответственно, каково действительное положение и мироощущение человека в этих отношениях. Анализ существующей социальной реальности является решением не только вопроса о том, что есть (*о сущем*), но вопроса *о должном*, так как именно в действительности социальных отношений складываются требования, предъявляемые к человеку, к тому, каким он *должен быть*, чтобы оказаться в состоянии реализовывать собственные жизненные интересы, и эти требования находят свое вы-

---

[34] *Адорно Т.* Проблемы философии морали. М.: Республика, 2000. С. 167–168.

ражение (к тому же не всегда адекватное) в нормах, ценностях и императивах, признаваемых в качестве нравственных.

Под современностью понимается тип общества, который сложился в Западной Европе в XVII—XVIII веках и на сегодняшний день является доминирующей (или претендующей на таковую) моделью социальной организации во всем мире. Иными словами, речь идет о капиталистическом (буржуазном, рыночном, коммерческом и т. п.) обществе. Рассматривая современность в нравственном контексте (не с моральной точки зрения, а имеющем отношение к нравственности), можно выделить следующие ее аспекты: а) общественное разделение труда, такое, что продуктивная человеческая деятельность, связанная с удовлетворением жизненных интересов, разделена между индивидами или группами индивидов; б) юридически оформленная частная собственность, не только предусматривающая наличие прав на собственность, но и включающая в себя право на самостоятельное использование и распоряжение ею с учетом всех связанных с этим возможных рисков; в) координация деятельности индивидов, которая опосредуется через рыночные процедуры обмена и проявляется прежде всего в том, что продуктивная деятельность людей, связанная с удовлетворением жизненных потребностей, имеет своей целью максимизацию дохода и пользы; г) широкое распространение договора как основной формы регуляции отношений между людьми. Все эти аспекты социальной организации исторически возникли не в современном обществе, но именно в нем они получили широкое распространение и стали его основой.

В нравственном отношении существенным оказывается то, что для функционирования такой социальной организации необходим определенный тип человека, то есть к человеку предъявляются требования — каким он *должен быть*, чтобы осуществлять свою жизнедеятельность. Тем самым проблема с необходимостью переводится в нравственную плоскость рассмотрения.

Речь идет о системе требований, то есть не о том, каков человек на самом деле, что он из себя реально представляет (хотя этот аспект также имеется в виду), а о долженствовании. Примером, иллюстрирующим важность самого долженствования в современном мире, могут выступать политико-правовые положения конституций различных государств, а также исторические и современные международные документы, имеющие характерное название «Декларации» («Декларация прав человека и гражданина», «Декларация прав человека ООН» и т. п.). Зафиксированные в них положения о том, что «все люди являются равными и свободными», с точки зрения их истинности, фактически (то есть с точки зрения фактов реальной жизни), являются ложью — в действительности люди не всегда свободны в своих поступках и тем более не все рав-

ны. Это именно требования, императивы долженствования, предъявляемые к обществу и социальным институтам, которые должны быть организованы так, чтобы позволять людям, живущим в них, действовать как равным и свободным.

Говоря о современности в нравственном отношении, можно отметить, что она сформировала следующую основную нравственную ценность — *свободного и автономного индивида*, в том смысле что каждый человек в состоянии самостоятельно (то есть свободно и независимо) выбирать цели собственной деятельности, а значит, и собственные нравственные цели, идеалы, нормы и ценности, а также стратегию нравственного поведения. При этом важным оказывается то, что в отношении *свободы самоопределения* предполагается принципиальное *равенство* индивидов. Любые моральные (и не только моральные) нормы и ценности могут быть подвергнуты критике и пересмотру, но только не *свобода*, которая может быть названа «богом» современности. Культом свободы пронизано все современное общество: начиная от индивида и заканчивая различными формами социальных общностей.

Вся история современного общества вплоть до сегодняшнего дня (а оно сформировалось в Западной Европе к концу XVIII века) наполнена борьбой за свободу и независимость на всех возможных уровнях: борьба за личную свободу от различных форм принуждения, борьба за свободу наций на самоопределение и как следствие национально-освободительные войны, борьба за эмансипацию (женщин, детей, национальных, сексуальных и других меньшинств) и т. д.

На первый взгляд, ничего нового в этих требованиях нет. Лозунгами, под которыми осуществлялось создание современного мира, были *свобода* и *равенство*, понимаемые прежде всего как независимость в свободе выбора и самоопределения человека в ходе его жизнедеятельности, в том числе и при решении нравственных проблем. Тысячелетия человечество стремилось к осуществлению мечты об обществе равных и свободных людей, и это стремление рассматривалось как нравственно ценное. Но своеобразие современности заключается прежде всего в том, что впервые такие люди стали *императивно необходимыми* для существования общества, причем эти требования стали распространяться на всех людей. Более того, именно современный мир делает *возможной* саму нравственность.

Дело не в том, что до современного состояния нравственность не существовала. Речь может идти лишь о том, что на сегодняшний момент нравственное поведение людей осуществляется и оценивается именно как нравственное без апелляции к традиционной, религиозной и другим формам поведения. То, что современность не предоставляет человеку достаточных оснований для оправдания

нравственного поведения, означает, что нравственность действительно стала *собственным* делом каждого человека. Для обоснования и оправдания своего поведения он уже не может ссылаться на существующие в обществе традиционно сложившиеся моральные нормы и принципы, которые выступают только в качестве некоторого «фона», способствующего принятию нравственного решения, но не заменяющего его. Только сам человек является *собственником* себя и своих действий и оказывается ответственным за поступки.

С незапамятных времен различные мыслители выдвигали подобного рода требования к нравственному поведению человека. Однако на протяжении всей предшествующей истории в силу особенностей социальной организации бытия человека подобные формы поведения были прерогативой «моральных героев», людей исключительных в нравственном отношении, для большинства же они оставались пусть и благими, но нереализуемыми пожеланиями, а нравственность — фактически отождествлялась с традиционно-общепринятыми формами социально значимого поведения. На сегодняшний день ситуация изменяется кардинальным образом: вопрос о самоопределении в мире, в том числе и о нравственном самоопределении, является тем требованием, которое общество в явной или скрытой форме предъявляет практически к каждому человеку. Суть дела не в том, что человек оказывается абсолютно свободен в выборе своего поведения (это в принципе невозможно), и не в том, что он избавлен от многообразных форм общественного давления, принуждающих его к определенным формам поведения, а в том, что ни его несвобода, ни существующие формы давления и принуждения не снимают с него ответственности за принятое решение и совершенные поступки. Существенным является и то обстоятельство, что в этом отношении самоопределения к нравственной жизни люди принципиально равны. Без воли человека никто не может указать ему на единственно истинный способ нравственного поведения. Человек оказывается один на один с собственным самоопределением, и его решения и действия есть именно его решения, за которые он (в принципе) несет ответственность.

Здесь как раз и начинаются те сложности, на которые было обращено внимание ранее, — «свобода выбора и принятия решения в условиях полной неопределенности». Ситуация неопределенности чревата тем, что вне зависимости от внутренней мотивации человек может в равной степени объективно предпочесть как добро, так и зло: а) человек руководствуется собственными интересами, которые являются критериями выбора добродетельного или порочного поведения — различие же между ними может оказаться ценностно индифферентным по отношению как к самому интересу, так и к акту выбора и самоопределения; б) человек не может быть полностью уверен в собственном выборе, так как не в состоянии просле-

дить возможные последствия совершаемых им действий — результаты его решений оказываются значимыми только на «рынке нравственности», опосредованно через поступки других людей, которые определяют взаимодействие норм и ценностей.

Человек не может достоверно знать, какие из его действий являются нравственно значимыми, так как эта значимость определяется только после того, как действие уже совершено и вступило во взаимодействие с поступками других людей. Иными словами, выяснить, что́ есть нравственность, можно только косвенным и опосредованным образом. Человек не может быть уверен в реакции окружающих, так как его выбор не всегда совпадает с выбором других.

Чтобы проиллюстрировать эту ситуацию, сошлемся на существующее в этической литературе различение прав и блага. Наиболее соответствует современности, по крайней мере претендует на таковую, этика прав человека. Суть различения прав и блага заключается в том, что не все то, на что люди имеют право, является благом. «...Всякий, кто считает, что предпосылки выполнения им какого-либо рационального действия по необходимости являются благом, должен, следуя логике, считать также, что у него есть право на эти блага. Но совершенно ясно, что введение понятия права требует оправдания как в силу того, что в данном месте это понятие совершенно ново... *так* и в силу особого характера, свойственного понятию права. Прежде всего ясно, что заявление о том, что у меня есть право на какое-либо действие или какую-либо вещь, относится к совершенно иному типу утверждений, чем заявление о том, что мне что-то нужно, что я чего-то хочу или получу от чего-либо пользу. Из первого — если принимать во внимание только это соображение — следует, что другие не должны препятствовать моим попыткам сделать что-либо или обладать чем бы то ни было, независимо от того, во благо это мне или нет. Из второго этого не следует. И при этом нет разницы, о каком именно роде блага или пользы идет речь»[35]. Таким образом, наличие прав не гарантирует наличие блага, что в совокупности с вышеизложенным создает ситуацию, когда у человека возникает сомнение и отсутствуют достаточные основания в необходимости существования того, что называют нравственностью. Более того, человек, оказавшийся в подобной ситуации, начинает испытывать неуверенность и в самом себе. «Потеря человека», «забвение», «заброшенность», «забота о себе», «страх» стали в XX веке навязчивыми идеями философских и этических исследований.

Исторически процесс становления современного общества сочетался с рационализмом XVIII века, для которого предметом ин-

[35] *MacIntyre A.* After Virtue. Second (corrected) edition (with Postscript). London: Duckworth, 1985. P. 64.

тереса был не особенный, несравненный в своем своеобразии человек, а человек как таковой, человек вообще, аналогично абстрактному познающему субъекту. Предполагалось, что в каждом индивиде заключена некая сущность, которая во всех людях одинакова. Как следствие, свобода и равенство ощущались непосредственно единым идеалом: как только человеку будет дана свобода от всякого внешнего принуждения, его человеческая сущность, скрытая и искаженная историческими связями и условиями, выступит в качестве его подлинного Я, которое одинаково у всех людей. Таким образом, было выработано новое понятие индивидуальности — как действительность и как требование; эти два аспекта одного понятия не всегда отчетливо разделялись; появилось понятие человека вообще, который все-таки одновременно является индивидом. Предполагалось, что человек должен полностью зависеть от себя, нести ответственность только за себя — в полной противоположности всем нормам, согласно которым человека считали лишь членом объединения, элементом коллектива, субъектом реальности, возникшей в результате действий высшего существа (Бога). Но с точки зрения организации собственного нравственного индивида человек мог найти опору только в самом себе, ориентируясь на представления о своих интересах, пользе и выгоде, а не о тех ценностях, которые навязываются со стороны. Нравственные ценности должны быть результатом собственного сознательного выбора, и человек, только он, несет ответственность за то, что выбрал. Предполагалось, что на основе подобного рода рационального выбора можно построить справедливое общество, лишенное не только угнетения человека человеком, но тем самым и любых социальных конфликтов. В рамках существующих представлений о свободе, равенстве и независимости действующих индивидов господствующей оказывается договорная концепция интерпретации нравственности, в том числе и в отношении общественного устройства и институтов господства и подчинения, которую можно в общем представить в следующем виде.

Человек, исходя из собственного интереса, соглашается признать необходимость различного рода общественных объединений, в том числе и государственного объединения, в котором на основе взаимного понимания и согласования интересов выработать систему норм и ценностей, способствующих благу людей и общества. Наиболее известная историческая форма объединения государство (общество) как свободная ассоциация индивидов возникает: а) во избежание «войны всех против всех» (Гоббс) — в государстве существует требование замены «права силы» на «силу права» в деле защиты собственности (в том числе и *собственности на самого себя*) (проблема безопасности и самосохранения); б) для обеспечения удовлетворения своекорыстных интересов — последние могут

быть обеспечены только в рамках общества (Локк) (удовлетворение интересов через социальные связи).

Таким образом, общество как свободная ассоциация и экономический интерес приходят на смену господству и политической силе в деле защиты собственности не только в экономическом смысле, но и в плане собственности человека на самого себя. Возникает проблема индивидуальной потребности в общественном и государственном объединении, которая уступает место объединению по принуждению в условиях господства человека над человеком, санкционированного и освященного христианско-религиозной доктриной. Согласие всех членов сообщества становится основой легитимности любой власти. Выражением взаимных обязательств служит договор и договорные отношения, средством обеспечения которых являются взаимное и равноценное самоограничение свободных и равноправных индивидов и согласование их собственных интересов. Таким образом, договор (договорные отношения) воспринимается как единственный источник и основание справедливости ценносто-нормативного порядка совместной жизнедеятельности. Главным тезисом оказывается идея о том, что все соответствующее заключенному договору — справедливо, и сама справедливость есть соответствие договору. Но не всякий договор предполагает свободное согласие, в связи с чем возникает проблема справедливости договора, то есть существует вопрос о том, является данный договор свободным (добровольным) или принудительным, что не всегда можно определить как из самого факта заключения договора, так и из внешних обстоятельств.

Следовательно, главная проблема состоит в том, что решение моральных вопросов необходимо включает в себя и весь (по возможности) комплекс бытия человека. «Дело в том, что, когда нас просят насколько возможно полно оправдать какое-либо решение, мы должны изложить его последствия, чтобы наполнить его содержанием, так и принципы, а также общие последствия соблюдения этих принципов, и так далее, пока спрашивающий не будет удовлетворен. Таким образом, полное оправдание решения включало бы в себя полный отчет о его последствиях, а также полный отчет о принципах, которых оно придерживалось, и о последствиях соблюдения этих принципов, поскольку, конечно же, именно последствия (в которых фактически выражается их соблюдение) наполняют содержанием сами принципы. Следовательно, когда от нас настойчиво требуют полного оправдания того или иного решения, мы должны дать полное и подробное описание того образа жизни, частью которого оно является»[36].

[36] *Hare R. M.* Language of Morals. Oxford: Clarendon Press., 1952. P. 68.

В современном мире это выражается в существовании разнонаправленных тенденций: с одной стороны, требованием свободы и равенства в самоопределении человека в его повседневной жизни, которая требует ответственности за совершаемые поступки, с другой стороны, страхом перед ответственностью в условиях неопределенности, а следовательно, стремлением переложить эту ответственность на «высшие силы», что является как бы гарантией безопасности. Тем самым, нравственность также выводится за пределы повседневной жизни, более того, противопоставляется повседневной жизни человека, которая объявляется лишенной нравственности и переносится в иллюзорный мир отношения к Богу. Люди в ходе своей жизнедеятельности, когда они в буквальном смысле *живут*, поступают по себе, а не по Богу, нравственность оказывается, как и в традиционных обществах, прерогативой избранных, «моральных героев», что противоречит нравственным идеалам современного общества, ориентированным на всеобщую «моральную вменяемость». В предшествующих современному обществах социальная иерархия строилась вертикально (по принципу: «чем выше, тем ближе к небесам и Богу»). Но в истории это было в значительной степени оправдано тем, что структура отношений, которая понималась как нравственная, строилась по принципу отношений зависимости и служения, и служение рассматривалось в качестве основной добродетели, с точки зрения которой трактовалось и большинство других. Социальная иерархия была основой для моральной иерархии: благородные (букв. *рожденные во благе*, то есть добродетельные по определению) и чернь, не способная к добродетельной жизни. Соответственно, люди делились на тех, кто служит, и тех, кому служат (опять же, по определению). Придание власти сакрального характера, ее морально-религиозное оправдание лишь усиливало то, что и так существовало. Если же рассматривать современную власть с идеально-типической точки зрения, то ситуация выглядит несколько иной. Не граждане служат власти, а власть должна быть поставлена на службу гражданам. Строго говоря, в идеальной модели все госслужащие (от президента до муниципального чиновника) не более чем наемные работники (правда, со сложной системой «найма» через выборы), нанятые для выполнения заранее оговоренных (то есть закрепленных в законодательстве) функций.

Изменения в понимании государства выстраивают вполне определенные отношения между властью и гражданами. Эти отношения в виде *должного* морально-политического идеала современного общества, базирующегося на договорной модели, кратко могут быть сформулированы следующим образом: а) граждане передают часть своих прав (право на управление, прежде всего право на управление самими собой, поскольку человек рассматривается как

исключительный собственник самого себя и, как следствие, является ответственным за то, что с ним может произойти) государству в пределах законодательно оформленных границ; б) государственная власть не должна иметь интересов, выходящих за интересы, доверенные ему гражданами, более того, именно интересами граждан и должна быть ограничена власть государства; в) организация политической власти должна быть подчинена принципу открытости — в ней не должно быть ничего тайного и сокрытого; решения власти не могут носить сакрального характера, доступного только «посвященным»; г) авторитет власти носит характер рационального авторитета, основанного на «компетентности» (терминология Э. Фромма); д) как следствие, государственная власть должна быть полностью подконтрольна гражданам, то есть ответственна перед ними. К. Ясперс отмечает: «...сегодня ореол святости вокруг глав государств исчез. Одни люди и отвечают за свои поступки. После того как европейские народы судили и обезглавили своих монархов, перед народами стоит задача: держать под контролем свое руководство. Государственные акты — это в то же время персональные акты. Люди как отдельные лица стоят за ними и держат за них ответ»[37].

Такая ситуация требует и особого типа моральной личности (как для граждан, так и для тех, кто находится у власти): во-первых, способной принимать самостоятельные и ответственные решения; во-вторых, обладающей волей к проведению этих решений в жизнь; в-третьих, способной к самостоятельному моральному критическому мышлению. Последнее подразумевает «презумпцию моральной вменяемости» — каждый человек имеет неотъемлемое право на моральную оценку всего, в том числе и власти, и ни у кого, вне зависимости от его социального положения, нет привилегии на вынесение моральных суждений. Все эти моменты в совокупности принципиально исключают формирование «этики служения», «этики господства и подчинения», воспитание нравственных идеалов жертвенности ради чьих-то целей. Тем самым в современном обществе создается ситуация взаимной ответственности власти (государства как политического института управления) и граждан, которые своими действиями создали данную власть.

Обращение к сфере политического в контексте становления проблемы моральной ответственности обусловлено следующими обстоятельствами. *Во-первых*, понятие ответственности терминологически сформировалось прежде всего как политическое понятие. На это обращают внимание многие исследователи. Например, Г. Вильямс в своей работе «Ответственность как добродетель» от-

---

[37] *Ясперс К.* Вопрос о виновности. С. 43.

мечает: «Слово „ответственность“ имеет относительно короткую историю. Изначально наиболее важным было использование его в политической мысли и дискуссиях, например между „Записками Федералиста“ (1787) и Эдмундом Берком (1796). Здесь ответственность относится к тем, кто управляет, или к самому правительству. Викторианцы ввели и распространили понятие „личная ответственность“ — этот термин также рассматривается в современной христианской этике, где значительно подчеркивается наша личная ответственность перед Богом. Однако только в XX веке ответственности стали оказывать пристальное внимание и она превратилась в явно выраженное требование»[38]. На обстоятельство, что понятие ответственности «вышло» из политической сферы, указывает и П. Рикёр. Он пишет: «...термин „ответственность“ не имел общепризнанного применения за пределами политической теории, где он фигурирует в связи с ответственностью суверена перед британским парламентом»[39]. *Во-вторых*, именно в политическом контексте происходит формирование относительно самостоятельного вида этики — «этики ответственности».

Трудно сказать, кем впервые было сформулировано понятие «этика ответственности», но широкую известность оно получило благодаря докладу «Политика как призвание и профессия», который был прочитан М. Вебером в 1918 году перед аудиторией Свободного студенческого союза, а спустя год опубликован в качестве самостоятельной работы. Центральную идею Вебер сформулировал следующим образом: «Мы должны уяснить себе, что всякое этически ориентированное действование может подчиняться *двум* фундаментально различным, непримиримо противоположным максимам: оно может быть ориентировано либо на „этику убеждения“, либо на „этику ответственности“. Не в том смысле, что этика убеждения оказалась бы тождественной безответственности, а этика ответственности — тождественной беспринципности. Об этом, конечно, нет и речи. Но глубиннейшая противоположность существует между тем, действуют ли по максиме этики убеждения на языке религии: „Христианин поступает как должно, а в отношении

[38] *Williams G.* Responsibility as a virtue (URL: http://eprints.lancs. ac.uk/765/1/Responsibility_ETMP_publication_text.pdf, дата обращения 20.10.2013). Правда, при этом Вильямс обращает внимание, со ссылкой на Оксфордский словарь английского языка (Oxford English Dictionary) и работу Р. Маккеона «Развитие и значение понятия ответственность» (*McKeon R.* The Development and the Significance of the Concept of Responsibility // Revue Internationale de Philosophie. 11. N 39. 1957), что в качестве прилагательного понятие «ответственный» имеет более длительную историю.

[39] *Рикёр П.* Понятие ответственности: опыт семантического анализа. С. 43.

результата уповает на Бога", *или же* действуют по максиме этики ответственности: надо расплачиваться за (предвидимые) *последствия* своих действий»[40]. При этом следует отметить, что в интерпретации Вебера «этика убеждений» фактически оказывается тождественной «мотивационной этике», а «этика ответственности» — «этике последствий», которые были известны гораздо раньше. Но тогда возникают закономерные вопросы: а что добавляет к нашему знанию о нравственных проблемах введение понятия «этика ответственности»? И в какой степени это может оказать влияние на формирование понятия моральной ответственности вне «традиционалистских» этических представлений (речь идет не об отказе от них, а о необходимости их возможной переинтерпретации)?

Если кратко проанализировать отождествление в понимании Вебера «этики убеждения» и «христианской этики», то имеет смысл остановиться на следующем. В предельно общем виде христианская этика, понимаемая как этика абсолюта, действительно является преимущественно мотивационной этикой[41]. Это можно проследить даже в библейском новозаветном сюжете. В Нагорной проповеди седьмая заповедь из Декалога «Не прелюбодействуй» переформулирована следующим образом: «...всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем»[42]. По сути дела, оказывалось, что само совершение действия и соответствующие последствия имеют гораздо меньшее (если вообще имеют) значение по сравнению с мотивом его совершения. Такое смысловое смещение имело не только стилистический, но и содержательный характер, который проявился прежде всего в том, что нравственность стала восприниматься не как отношение между людьми, а как отношение человека к Богу, и за свои действия человек отвечает именно перед ним, поскольку мотивы совершения поступков в полной мере доступны только Богу. В значительной степени мотивационные тенденции христианской этики исторически усиливались идеями провиденциализма как предопределения, поскольку предполагалось, что Бог в процессе творения установил также и нравственный порядок бытия, который зависит не от человека (люди не могут его изменить), а значит, не от последствий их

[40] *Вебер М.* Политика как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 696—697.

[41] Противоборство между «мотивационным» и «консеквенциональным» (воплощенным в этике «возданием») пониманием сути христианского вероучения характерно для всей истории христианства. Это противостояние воплощалось не только в теологических, философских и этических концепциях, но и в конфессиональных спорах. Так, одним из пунктов критики католицизма в период формирования и становления протестантизма было как раз доминирование в последнем «воздающей составляющей».

[42] Матф. 5, 28.

действий зависит «мера добра и зла» в мире, которую определил в процессе творения мира Бог, воспринимаемый как абсолютный субъект. Как раз в этом смысле и писал М. Вебер: «...абсолютная этика именно о „последствиях-то" и не *спрашивает*»[43]. Более того, апелляция к абсолютным вечным и неизменным нормам есть способ избежания ответственности не только в теории, но и на практике. Х. Арендт отмечает: «Причина, по которой этих новых преступников, никогда не совершавших преступлений по своей инициативе, все же можно считать ответственными за их поступки, заключается в том, что в делах морали и политики нет такой вещи, как повиновение. Единственная сфера, где этот термин может быть применен к взрослым людям, не являющимся рабами, — это религия, где люди говорят, что повинуются слову Божьему и его указаниям. Ведь отношения между человеком и Богом во многом похожи на отношения между ребенком и взрослым»[44]. Проблема состоит в том, что простая констатация возникающих сложностей при понимании проблемы ответственности в рамках «этики убеждения» (христианской, религиозной, мотивационной, абсолютной и т. п.) мало что добавляет для понимания специфики моральной ответственности по сравнению «традиционной» трактовкой ответственности как причинной ответственности, при понимании последней как оценки возможных добровольных и предвидимых последствий с учетом всех возможных обстоятельств в контексте решения вопроса о соотношении свободы, необходимости и причинности, даже если это и называется «этикой ответственности».

В целях прояснения вопроса об особенностях моральной ответственности следует обратиться к следующим обстоятельствам[45]. Общепризнано, что ответственность (вне зависимости от того, понимается она как наказуемость, требование возмещения ущерба или исполнения обязательств) является наиболее разработанным понятием в области права. И необходимым, можно даже сказать, исходным условием рассмотрения вопроса об ответственности как в теоретическом, так и в практическом плане считается наличие правовой нормы, которая может быть результатом наличия закона или иного нормативного документа, решения суда, договора и т. п., всего, что относят к источникам права. Строго говоря, есть право-

---

[43] *Вебер М.* Политика как призвание и профессия. С. 696.

[44] *Арендт Х.* Личная ответственность при диктатуре // Арендт Х. Ответственность и суждение. М.: Изд-во Института Гайдар, 2013. С. 81–82.

[45] Именно эти обстоятельства в отношении тоталитарных режимов (в частности, нацистской Германии) обусловили актуализацию обсуждения проблем сущности права и возможных видов ответственности, поскольку подавляющее число совершавшихся преступлений соответствовало существовавшим нормам права.

вая норма, следовательно, есть юридическая ответственность, нет нормы — нет ответственности. Несколько иная ситуация возникает в отношении моральной ответственности, хотя при всех различиях между моралью и правом, мало у кого возникают сомнения, что их основной функцией служит нормативное регулирование поведения людей и социальных отношений. Проблема заключается в том, что когда заходит речь о моральной ответственности, эта связь с нормативностью как бы уходит на второй план. Конечно, между правовой и моральной нормативностью есть большое количество различий (по способу существования, субъектности, области применения, формальной определенности, санкциям и т. д.), но это не означает, что присущая праву связка норма/ответственность теряет свою актуальность при обращении к моральной ответственности. Более того, фактически получается, что проблема моральной ответственности должна быть более актуальной как раз для «этики убеждений» в ее религиозной форме, предполагающей наличие абсолюта. Именно абсолютный субъект (Бог) устанавливает и доводит до человека вечные и неизменные моральные нормы, безошибочно поощряет или наказывает за их соблюдение или нарушение. Но, как было показано ранее, в «этике убеждений» ответственность как раз и пропадает.

В связи с этим, в соответствии со сформулированными ранее «определениями» нравственности, следует сформулировать следующую особенность моральной ответственности: *моральная ответственность связана с созданием, поддержанием и возможным реформированием нормативной составляющей исторически обусловленной социальной реальности как среды обитания человека и общества.* Именно возможное соучастие человека как равного и свободного с другими людьми в формировании нормативных условий совместной жизни формирует моральную ответственность, выходящую за пределы понимания ответственности как причинной ответственности, но не отменяющую ее, что оказывается возможным именно в реалиях современного общества равных и свободных индивидов. О.-К. Апель отмечает: «...в процедурализме демократии есть... до сих пор единственный механизм институционального рода, посредством которого индивиды как ко-субъекты первичного дискурса могут освободить себя от индивидуальной ответственности, не освобождая себя от со-ответственности»[46]. Речь идет не только о политических процессах демократии, но и о демократии в широком смысле этого слова («власть народа»), предполагающей принятие совместных решений в результате раз-

[46] *Апель К.-О.* Понятие первичной взаимоответственности как предпосылка планетарной макроэтики // Философия без границ: Сб. статей: В 2 ч. / Под ред. В. В. Миронова. М.: Издатель А. В. Воробьев, 2001. С. 61.

нообразных договоров-согласований, взаимных уступок и «прилаживания» интересов субъектов друг к другу. Апель уточняет: «Скорее, предполагается со-ответственность всех как каждый раз изменяющееся распределение индивидуальной ответственности... в институциональных рамках. И даже на уровне дискуссий, рассуждений о проблемах люди всегда несут метаинституциональную ответственность, что и предполагается в демократии как нечто само собой разумеющееся»[47].

Понимание нормативности как устанавливаемой свободными людьми вовсе не означает произвольности норм. И дело не в том, что в случае их ошибочного установления люди понесут ответственность в виде реализованной угрозы собственному существованию. Само существование любой нормативности, в том числе и моральной, ограничено некоторыми объективными условиями. Это можно проиллюстрировать следующим образом. Моральная ответственность в отношении нормативного порядка нацелена на центральный момент любой социальной нормативности — на справедливость. Под последней понимается область поведения и отношений, предполагающих соразмерность в распределении положительных и отрицательных благ (преимуществ и недостатков, выгод и потерь, наград и наказаний и т. д.) в ходе совместной жизнедеятельности людей в рамках единого социально-организованного пространства, рассматриваемого с точки зрения столкновения потребностей, интересов и обязанностей. Иными словами, справедливость это: а) мера распределения благ (в том числе и бремени ответственности); б) допустимая мера возможных конфликтов и приемлемость способов их разрешения. Но определение этой меры зависит от того, чтó в предельно общем виде можно назвать «природой человека», определяющей особенности его существования: а) люди хотят жить в безопасности, но в то же время они весьма уязвимы; б) люди примерно равны по своим силам, способностям и интеллекту, но поскольку объем знаний у всех ограничен, необходимы взаимопомощь и сотрудничество; в) для людей характерен ограниченный альтруизм, и часто они руководствуются своей личной выгодой; г) поскольку ресурсы в мире ограничены, нельзя обеспечить достаток для каждого без сотрудничества между людьми; д) у людей ограничена способность к самоконтролю[48]. Сово-

---

[47] Там же. С. 51.

[48] Эти рассуждения представляют собой интерпретацию идей *Г. Харта* о минимальном содержании естественного права (см.: *Харт Г. Л. А* . Понятие права / Пер. с англ.; под общ. ред. Е. В. Афонасина и С. В. Моисеева. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007. С. 194—200), которые в свою очередь являются развитием идей Д. Юма об искусственном характере справедливости.

купность этих обстоятельств (которые могут быть уточнены, конкретизированы и расширены), демонстрирует, что́ должно содержательно учитываться при морально ответственном поведении в отношении нормативности. Именно поддержание нормативного порядка, обеспечивающего возможность совместной жизнедеятельности людей, и есть предмет моральной ответственности, которая может рассматриваться в плане морального долженствования. Р. Холмс подчеркивает: «Тот самый интерес, который побуждает индивида придерживаться нормальной и упорядоченной жизни, должен побуждать его также создавать и поддерживать условия, при которой такая жизнь возможна»[49].

Понимание моральной ответственности как ориентированной на нормативный порядок позволяет иначе взглянуть и на некоторые вопросы, затрагиваемые выше. Например, ситуация с А. Брейвиком продемонстрировала не только недостаточность свободы и ответственности для признания действий положительными в моральном смысле этого слова, но и моральную ответственность как населения, так и властей в отношении существующего в Норвегии законодательства. После совершения суда, когда оказалось, что максимальный срок для Брейвика в случае признания его виновным не может быть более 21 года заключения, несмотря на то, что большинство считало это наказание слишком мягким, практически не раздавалось призывов к ужесточению уголовного законодательства. В качестве обобщенной мотивации такого поведения можно привести следующее положение: «Борьба против преступности и терроризма не может вестись ценой утраты великих гражданских свобод, которые Европа завоевала в столь тяжкой борьбе. В действительности зачастую целью террористов является разрушение общества, поэтому общество вынуждено бороться против беспорядков террористическими методами. Так начинается катастрофический развал цивилизованного общества. Отсюда мы должны охранять политические и религиозные свободы и расовую терпимость и в то же время обязаны всеми силами бороться против террористических акций»[50]. Это не означает, что любое законодательство и нормативность являются неприкасаемой «священной коровой», а предполагает, что их изменения должны носить ответственный характер, связанный с существованием некоей совокупности моральных норм и ценностей, обеспечивающих опре-

---

[49] *Холмс Р.* Мораль и общественное благо // Мораль и рациональность / Отв. ред. Р. Г. Апресян. М.: ИФРАН, 1995. С. 67.

[50] Основные принципы этики полицейской службы (Полицейская декларация) (Утверждены 9 мая 1979 г. резолюцией № 690 Парламентской Ассамблеи Совета Европы) // Этика сотрудников правоохранительных органов: Учебник / Ред. Г. В. Дубов. М.: Щит-М, 2005. С. 486—487.

деленный тип общества и способ существования людей. И именно возможные последствия их сохранения или изменения и есть центральный момент «этики ответственности». Кроме того, ориентация моральной ответственности на нормативность позволяет ответить на вопросы, связанные с проблемами ответственности в рамках коллективных действий, даже в отношении возможности предъявления моральной ответственности к лицам, непосредственно не совершавшим «морально-преступных действий». Конечно, при этом остается проблема распределения моральной ответственности, но можно утверждать, что лица, обладающие властью, являются морально ответственными за создание условий для совершения аморальных действий, а остальные — за допущение существования таких условий. Завершая рассмотрение если не всех, то наиболее существенных проблем особенностей моральной ответственности, необходимо привести следующие слова Т. Адорно, анализирующего проблемы соотношения «этики ответственности» и «этики убеждения»: «Этика ответственности означает, таким образом, этику, стремящуюся к тому, чтобы при каждом шаге, который мы совершаем, при каждом шаге, который считается необходимым для исполнения требования блага и справедливости, задумываться также и о том, каков эффект этого шага, словно бы этот шаг уже сделан. То есть речь идет не просто о поведении исключительно на основе чистого убеждения, но и об одновременном признании в качестве позитивного начала цели, намерения и образа нашей деятельности»[51].

---

[51] *Адорно Т.* Проблемы философии морали. С. 185.

Глава 5
КОНФЛИКТОЛОГИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

5.1. Теоретические основания конфликтологии ответственности

Конфликтология как наука находится в стадии становления. Ее предметом является конфликт, а также технологии его предупреждения, разрешения и управления. В сферу конфликтологического анализа все больше включаются такие связи в обществе, которые воспроизводятся как противоречивые. Это не случайно, поскольку общество, а современное общество особенно, покоится на таких предпосылках, которые делают их возможными лишь как конфликтные связи или как связи опосредованные. Конфликт объединяет людей через отталкивание, а для того чтобы отталкивающиеся друг от друга люди не превращались в самодовлеющие сущности, совершенно независимые существа, необходимо создавать опосредствующие структуры. Такие структуры могут быть либо объективными, либо субъективными. Мы не будем подробно останавливаться на предпосылках возникновения подобных объединений, но лишь обозначим их здесь. К ним относятся разделение труда, товарно-денежные отношения или рынок, частная собственность, в какой бы форме социальности она ни была представлена — акционерной собственности, собственности общественных организаций или государственной собственности. Эти предпосылки объединения людей и обусловливают изначально конфликтные объединения как объединения отталкивающихся друг от друга индивидов, устремлениями которых является их собственная жизнь, но жизнь только и может являться как жизнь через столкновения, через конфликт. Опосредования между людьми есть продукт жизненной необходимости. Эти опосредования есть также результат конфликта в обществе, дополняющий индивидуальную жизнь людей, позволяющий преодолевшему эго индивиду почувствовать свою причастность к социуму. Ответственность — индивидуальная или социальная — есть также опосредствующая связь между людьми, без которой многие отношения в обществе не могли бы состояться вообще.

Поиск связей, объединяющих людей между собой, именно поиск связей в этом конфликтном социальном мире, приводит индивидов к наращиванию различных дополнительных инструментов объединения, разнообразящих их жизнь и одновременно укрепляющих эгоизм индивидов. В обществе, где господствующим отношением является отношение собственности, эти дополняющие формы связей, на которых вырастают опосредствующие отношения, становятся необходимыми отношениями. Ибо собственность есть не что иное, как отношения, опосредованные вещами и нормами, отражающими социальную суть взаимодействия людей.

Ответственность как отношение стоит в одном ряду с опосредствующими индивида отношениями. Она есть форма опосредованных связей в обществе, которая своим источником имеет индивида или коллектив индивидов и указывает на то, что в современном обществе тенденция отталкивания индивидов друг от друга усиливается, что она грозит распадом общества в силу того, что порожденные формы опосредования, особенно в форме государства, начинают давать сбой, не справляются с задачей по объединению людей на культивируемых предпосылках. Общество, все в большей степени индивидуализированное, с доминирующими эгоистическими интересами втягивается в асоциальность, что грозит ему разрушением. Растущий уровень благосостояния оставляет все меньше силы за вещью как предметом опосредования и снижения конфликтного потенциала во взаимодействиях между людьми. Тем самым и все больше силы придается морали, духовной связи, связи посредством норм и отношений, приоритетным значением в которых обладают положительные взаимодействия, учитывающие не только свои собственные потребностные устремления, свои эгоистические интересы, но и интересы другой стороны взаимодействия, другой стороны конфликта как абсолютной формы существования людей.

Категориальный аппарат объяснения актуализации ответственности как отношения и как состояния субъекта конфликта находится в стадии становления. Для конфликтологии проблема ответственности, в общем и целом, есть проблема управления конфликтом с использованием такого инструментария, который с необходимостью направлял бы индивидов к созданию неконфликтных объединений, таких объединений, в которых тенденция отталкивания людей друг от друга замещалась бы объединениями, в которых господствует согласие, сотрудничество, компромисс. Таких объединений, в которых эгоизм потребностей и интересов людей не играл бы превалирующей роли в установлении связей между ними, что настоятельно требует замены установок на агрессию установками на мирное сосуществование, на осознанное мирное существование. В связи с этим категория ответственности является

для конфликтологии такой же актуальной и значимой, как и категория толерантности, с тем лишь отличием, что ответственность есть деятельность или действия индивидов, учитывающих и признающих как свои потребности интересы другой стороны, тогда как толерантность есть действия в отношении другого как равного себе, безотносительно существующих объективных и субъективных различий. Толерантность как категория отражает отношения равенства, тогда как ответственность как категория отражает некорыстное отношение к другому, не как к вещи или средству удовлетворения собственных потребностей и интересов, не как к собственности, о которой заботятся лишь ради приращения прибыли, а как к индивиду, составляющему род как жизненную необходимость. Подобное отношение в конфликтной действительности существующих отношений не может проявлять себя повсеместно, является локальным и воспроизводится как вынужденное отношение в корпорациях, для которых ответственность становится сплачивающим работников этическим принципом, становится принципом, снижающим давление конфликта, разрушающая сила которого для корпораций очевидна. В глобальных объединениях, таких как государство или общество в целом, ответственность является лишь локально востребованным отношением. Для подобных сообществ ответственность как отношение становится лишь инструментом предотвращения конфликта, фактором, снижающим конфликтный потенциал общества в целом.

Конфликт — особый способ взаимодействия людей, такой способ, который в совокупности способов взаимодействия в прошлом и современном мире претендует на универсальность, но от которого человечество стремится все дальше уйти созданием системы защиты, будь то система отношений, а в современном звучании — система институтов, постиндустриальных институтов, или же соответствующие структуры сознания, объективированные в религиях и идеологиях, а также субъективированные в индивидуальном или групповом пацифистском мировоззрении, мировоззрении всепрощения и всеотпущенности грехов.

Говоря о конфликте как негативном способе взаимодействия, в первую очередь акцентируют внимание на том, что индивиды осуществляют отрицательно-утвердительные действия. Любое действие индивида во взаимоотношениях с другим либо отрицает действие другого, либо его утверждает. Понятием конфликт охватываются отрицательные или отрицающие действия индивидов, так как в подобных действиях представлено не просто противодействие, в котором может быть выражено отрицающее действие, а разрушающее действие. Так действия правительства могут разрушать, а порой и разрушают демократию, ослабляют ее позиции в обществе, вступая с нею в конфликт. Но в то же время отрицание действий

влечет за собой и их утверждение как действий валидных и в силу того, что оно уже разрушило совокупность действий и тем только утверждается. Понятно, что подобный способ взаимодействия осуществляется при наличии соответствующих условий, которые делают действия одних индивидов способными разрушать и утверждать, а действия других индивидов — способными к самоликвидации и исчезновению. В обществе, основанном на разделении деятельности, частной собственности и конкуренции, то есть на конфликте, отрицательно-утвердительные действия становятся преобладающими действиями, при которых одна сторона взаимодействия стремится достичь результатов противоположных тем, которые стремится достичь другая сторона. Они начинают носить всеобщий характер, характер закона общественного бытия, превращая в конфликт или борьбу всякое взаимодействие. Результатом такого взаимодействия является положение индивидов в том или ином объединении, в обществе в целом. Первым видимым следствием негативного способа взаимодействия является наличие различных интересов, а их манифестация и последующие действия, направленные на их реализацию или утверждение, явно указывают на зарождающийся конфликт.

Действительного примирения различных интересов и действий его индивидов в современном обществе не может быть достигнуто в силу классового характера общества, потому что устанавливаемый в нем порядок основан на господстве норм, выражающих интерес одной из сторон конфликта и направленных на изъятие средств и способов борьбы другой. Из-за этого силы общества изнуряются во внутриличностной, межличностной, групповой борьбе, проявлением которой является постоянно растущая психопатия, суицидальность, преступность, религиозность, сектантство, наркомания, алкоголизм и безответственность как эгоизм частного интереса, преследующего свои собственные цели, даже без каких-либо намерений учитывать интерес другой стороны взаимодействия. Эта направленность индивида на самого себя, которая всеми действиями есть лишь отрицание любого союза, становится сдерживающим, разрушительным фактором и заставляет ее адептов осуществлять поиск новых социальных институтов, или отношений, способных, не изменяя эту направленность на самих себя, сделать ее социальной. Новоявленная потребность есть результат девальвации такого идеала, служившего прежде верой и правдой обществу, как государство всеобщего благосостояния (*Welfare state*), — символа ответственности государства перед своими гражданами и толерантности, символа ответственности граждан перед своим государством, требующим не этатистского патриотизма (это давно в прошлом), а хотя бы уважительного, а порой и снисходительного отношения к государству со стороны индивидов.

Эта потребность сделать направленность на себя социальной, как показывает практика, не есть лишь потребность целого, она есть потребность любых корпораций, от производственных до школьных, так как безответственность, будучи реакцией индивидов на усиливающееся давление социальной среды, давление как отражение усиливающейся глобальной конкуренции (конкуренция есть единственный вид конфликта, который легитимирован в современном обществе), а значит и локального укрепления конкурентов, возможного лишь за счет создания сплоченного локуса, достижима в современных условиях лишь за счет создания таких форм связи, которые, не исключая эгоистической направленности каждого индивида, стали бы вымывать иждивенческие настроения, но усиливать ответственность каждого за самого себя, за свое благосостояние и в то же время ответственность за род, то есть общество и то или иное локальное объединение. Такая ответственность должна была бы снизить потенциал конкуренции, потенциал конфликта, но она останется лишь идеей, до тех пор пока, опробованная на практике, не докажет свою жизненность и эффективность. Ибо ответственность как потребность общества, разделенного по различным основаниям, в том числе — по антагонистическим, является потребностью не всего общества, а его части, конкурирующей в глобальном мире и стремящейся самою ответственность превратить в товар и тем самым получить дополнительные преимущества все в той же конкурентной борьбе, в конфликте. Но такая ответственность есть не что иное, как конфликтная ответственность, которая отличается от ответственности в конфликте, как отличается содержание от формы. В силу чего нашему анализу подвергнется содержание ответственности как такого взаимодействия, при котором достигается в тех или иных условиях приемлемо положительный результат этого взаимодействия. Ответственность в конфликте есть стремление одной стороны признать интересы противоположной стороны как значимые для определения средств, применяемых в конфликте, от которых при неизменных целях зависит граница конфликтного взаимодействия.

Негативный способ взаимодействия, хотя и обладает разрушительным потенциалом, имеет свои границы в силу того, что полное исключение противодействующей стороны равносильно уничтожению взаимодействия вообще. Потому негативный способ взаимодействия начинает регулироваться нормами, сила которых в современном обществе настолько велика, что в состоянии умерить силу действующего индивида. Потому в различных условиях появляется приемлемо положительный результат негативного взаимодействия или конфликта. Приемлемо положительный результат конфликта — это согласие, которое достигается индивидами в силу недостаточности сил осуществлять негативный способ взаимодействия или в силу убеждения в том, что подобный способ взаимо-

действия лишь ухудшает и без того плохое положение одной из взаимодействующих сторон. Стремление одной или обеих сторон конфликта к достижению соглашения есть акт ответственного отношения в конфликте. Одним из приемлемых положительных результатов негативного взаимодействия является отношение, которое приобретает значение закона и которому подчиняются взаимодействующие стороны. Отказ подчиниться соглашению одной из сторон или обеих одновременно есть свидетельство того, что подобный способ взаимодействия действительно изжил себя, либо изжил себя для одной из сторон взаимодействия. В первом случае взаимодействующие стороны переходят на новый уровень взаимодействия, вырабатывают новый пригодный для обеих сторон способ взаимодействия, предлагают для него иные принципы и нормы. Во втором случае приемлемая прежде норма подчиняет одну из сторон взаимодействия и вводит ее в прежний способ взаимодействия, не являющийся уже для нее приемлемым результатом. Подчинение к исполнению заведомо более неприемлемых норм для одной стороны сохраняет значение ответственности, для другой стороны — безответственности.

Норма — это отношение между индивидами, в рамках которого осуществляются взаимодействия. В конфликтологическом анализе «норма» и «отношения» — понятия тождественные и являются результатом этого взаимодействия и средой зарождения и протекания конфликта. Норма не только продукт конфликтного взаимодействия, но и условие, оказывающее регулирующее воздействие на конфликт. Двойственность нормы — как продукта конфликтного взаимодействия и как условия этого взаимодействия — обусловливает как ее содержание, так и социальные функции. Содержанием нормы является отношение, получаемое в результате противоборства сторон взаимодействия. Поэтому она есть действительная норма, результат столкновения двух действительных противоположно направленных социальных сил. Норма зависит от целей и средств противоборствующих сторон, а их разумность такова, какова сила действия и противодействия. Обычно господствующими нормами становятся нормы доминирующей силы в конфликте, цели и средства которой, слагаясь, представляют действительно доминирующую силу. Отношение, получаемое в результате столкновения сторон и закрепленное в писаной или неписаной норме, становится властным отношением, оказывающим обратное воздействие на способы взаимодействия. Степень жизненности и ее влияния на взаимодействие зависит уже не от способа взаимодействия, а от его изменения и предпосылок, которые обозначают и требуют этого изменения.

Потребность в изменении способа взаимодействия проистекает из материальных условий жизни индивидов и той социальной силы, которой они достигли к моменту требуемого изменения. Из-

мененный способ взаимодействия влечет за собой изменение нормы, при условии, что господствующие силы в обществе готовы к изменению существующей нормы. Реформирование нормы, особенно правовой нормы, осуществляется в угоду либо слабой, либо сильной стороны взаимодействия, но всегда при наличии потребности в этом изменении и условии, порождающем эту потребность. Социальными функциями нормы является определение действительности того или иного способа взаимодействия, а также установление четко очерченных пределов действий во взаимодействии. Тем самым нормы распределяются на определяющие и регулирующие. Первые нормы вообще определяют действительность поступков индивидов, вторые — устанавливают политическую и социальную меру действиям индивидов. Первые нормы, особенно в рыночных отношениях, либо созидают, либо разрушают способы взаимодействия и тем самым исключают их из жизни индивидов и общества. Вторые допускают их существование, но в безопасных для общества и индивида пределах неконфликтных форм взаимодействия. Так, конкуренция — один из тех конфликтов, который легитимируется и стимулируется сегодня государством, а забастовка наемных работников, хотя и легитимируется, но отнюдь не стимулируется. Предположительно, что, следуя норме, стороны конфликта приходят к приемлемо положительным результатам. Поэтому конфликтный способ взаимодействия, осуществляемый в рамках регулирующих норм, определяется как ответственный способ конфликтного взаимодействия. Конфликтный способ взаимодействия, осуществляемый в рамках определяющих норм, считается ответственным лишь в том случае, когда удовлетворяемые индивидами потребности не испытывают ущемления, когда доход, получаемый в результате конфликта, считается справедливым обеими сторонами взаимодействия. К определяющим нормам необходимо отнести деньги, к регулирующим — право, мораль, традицию, религию с ее догматами, инструкции.

Согласие есть окончательный результат реализации отношения ответственности сторонами конфликта, есть такой способ взаимодействия, при котором действия одной стороны не осуществляются и не могут быть осуществлены без санкции на них другой стороны. Из такого понимания согласия следует, что согласие есть способ взаимодействия равных индивидов, то есть свободных от каких-либо ограничений, внутреннего и внешнего давления среды. Однако на практике действия индивидов, а тем самым и их способ взаимодействия, всегда зависят как от материальных, так и от моральных условий и предпосылок. В связи с этим согласие между конфликтующими сторонами достигается там и тогда, где и когда имеются в наличии условия и предпосылки, с необходимостью подвигающие конфликтующие стороны к согласию. Необходимы-

ми условиями и предпосылками согласия между конфликтующими сторонами являются такие, которые не позволяют конфликту развиваться дальше, без того чтобы не превратиться в разрушительную силу, устраняющую полностью одну из сторон взаимодействия. Но в обществе помимо сущностных противоположностей часто встречаются и несущностные противоположности, проистекая из которых, конфликт носит нереалистический, то есть неантагонистический, характер. В таких конфликтах санкция другой стороны взаимодействия принимается как норма, которая редуцируется на стороне, принимающей санкцию, как ответственность за сохранение объединения. Ответственность и согласие в данном случае становятся синонимическими понятиями, отражающими и выражающими такой способ взаимодействия, результатом которого является стабильное и устойчивое объединение индивидов. Согласие и ответственность отдаляют стороны взаимодействия от искушения использовать конфликт в качестве средства укрепления своих позиций в объединении. Ответственность становится объективным отношением и одновременно мотивом индивидуальных и коллективных действий по укреплению объединения и исключению эгоистических способов взаимодействия, влекущих за собой постоянные разногласия и конфликт. Иначе обстоят дела, когда способ взаимодействия покоится на антагонизме, или сущностных противоположностях. В данном случае согласованный способ взаимодействия не может быть достигнут без третьей стороны взаимодействия, которая представлена как авторитетная сторона, использующая принудительные санкции. Принуждение к согласию равносильно принуждению к ответственности сторон взаимодействия, к приемлемо положительному взаимодействию как для одной, так и для другой стороны взаимодействия. Согласие, достигнутое принудительным порядком, составляет временный союз, в котором не исключаются попытки использовать конфликт в качестве средства достижения неущемленного положения в объединении. Если в объединении, где господствуют несущностные противоположности, неантагонистические способы взаимодействия, в основном взаимодействие осуществляют социально равные индивиды, то в объединении, созданном посредством принуждения, сохраняется неравенство, как основа конфликтного взаимодействия. Где согласие достигнуто посредством принуждения, там отношения ответственности отсутствуют, а действия, по форме напоминающие ответственные действия, руководствуются боязнью возникновения нового конфликта, вслед за которым может быть изменено положение одной из конфликтующих сторон. Мотивом действий индивидов в союзе, основанном на антагонизме, является страх потери доминирующего положения. Этот страх влечет за собой рост эгоизма и индивидуализма, увеличение конфликтного потенциала объединения или союза. Прину-

дительное согласие проявляется в различных формах социального, экономического и политического партнерства, принудительную роль в которых играет либо государство, либо союз государств.

Ответственность как фактор, оказывающий влияние на конфликт и его разрешение, в большей степени приближается к самой себе, то есть к себе как отношению, в таких отношениях, как солидарность. Солидарность вряд ли возможна в рамках конфликтного взаимодействия. Она есть отражение отношений внутри объединения, перед которым стоят задачи изменения условий жизни, а тем самым и защиты своих интересов, выраженных в новых условиях, жизненно необходимых условиях. Солидарность — это такой способ взаимодействия, при котором действия одной стороны дополняются действиями другой стороны. Тем самым создается временный или постоянный союз, в котором конфликтные взаимодействия исключаются. В действительности общество изобилует солидаристскими типами действий, в которых господствует как единомыслие, так и единодействие. В то же время индивиды, солидарные с основными нормами, которые получают господство в солидарном союзе, не исключают взаимодействие конфликтного характера с теми объединениями, которые солидаризируются на иных нормативных основаниях. Мы видим, что, с одной стороны, солидарность есть способ, укрепляющий позиции объединения посредством поддержки действиями, с другой стороны, она не исключает конфликта, а в некоторых случаях может его усиливать. Для того чтобы солидарность стала всеобщим отношением, одни действия индивидов должны дополняться действиями других индивидов. В современном обществе подобные условия ограниченно присутствуют. В связи с этим солидарность проявляет себя лишь в тех случаях, когда внешняя или внутренняя угроза приобретает всеобщий характер. Тогда в большинстве своем дополняющие друг друга поступки индивидов становятся реальными действиями, укрепляющими объединение, увеличивающими энтузиазм в борьбе с наступившей угрозой. В противном случае солидарность проявляется как внутригрупповая солидарность, не исключающая социальный конфликт. При этом конфликтные взаимодействия осуществляются между группами, в пределах которых солидарность становится непременным условием конфликтной мобилизации.

Солидарные отношения это всегда ответственные отношения, это всегда приемлемо положительный способ взаимодействия, достигаемый посредством добровольного признания осуществлять дополняющие действия, способные консолидировать группу и реально противопоставить собственный интерес, как противоположный, интересу другой группы или класса. Ответственность укрепляет солидарность, придает мотив таким и только таким действиям, которые поддерживают солидаристские принципы, цели и

средства. Ответственность за союз и его существование есть особая ступень в развитии сознания индивидов, групп индивидов и целых классов. В укреплении позиций группы или класса есть осознание необходимости единых действий.

Наиболее культивируемыми в современном обществе отношениями являются партнерские отношения. В рамках социально-партнерских отношений ответственность представлена как такое отношение, при котором осуществляется выполнение обязательств сторон взаимодействия. Принимаемые на себя обязательства сторон взаимодействия являются обязательствами по необходимости и всякий раз стремятся к своей противоположности — необязательности, к разрыву существующих договоренностей и обязательств. Поэтому партнерство не может существовать как некоторая совокупность добровольных обязательств, оно может существовать лишь как принуждаемое сторонами обязательство. В результате такие отношения, отношения не по доброй воле, всегда требуют вмешательства третьей стороны, авторитет которой является непререкаемым и без которого данные отношения никогда не состоятся как действительные отношения. В связи с этим социальное партнерство есть способ конфликтного взаимодействия, степень конфликтности которого находится в зависимости от ответственности сторон взаимодействия, и может быть реализовано при условии участия третьей стороны. Если речь идет о социальном партнерстве работников и работодателей, то третьей стороной в современном партнерстве выступает государство, которое ответственность сторон определяет в праве и в Генеральных соглашениях между общероссийскими объединениями профсоюзов, общероссийскими объединениями работодателей и Правительством РФ.

В системе социального партнерства государство как участник осуществляет три основные функции:

— координация совместных действий социальных партнеров,

— примирение сторон путем содействия урегулированию конфликтов,

— защита общественных интересов.

Согласно первой функции, государство осуществляет роль посредника и координатора между работодателями и наемными работниками. Г. Ю. Семигин подчеркивает, что в результате взаимодействия сторон этого социального треугольника складываются различные варианты неокорпоративистской модели социального партнерства[1]. Вторая функция — примирение сторон — вытекает из первой и рассчитана на конфликтные ситуации. О беспристрастности государства как арбитра в конфликте сторон, о доверии к

---

[1] См.: *Семигин Г. Ю.* Социальное партнерство в современном мире. М.: Мысль, 1996. С. 103.

нему с обеих сторон говорил Генеральный директор МБТ М. Хансенн в своем докладе на 79-й Конференции труда в 1992 году. Государство как участник социального партнерства примиряет стороны, а не выносит государственно властных решений, не разрешает социально-трудовые конфликты. Суть функции — защита общественных интересов — заключается в том, что государство как участник социального партнерства имеет свой собственный интерес в регулировании трудовых и социально-обеспечительных отношений. В рамках социального партнерства важно не только взаимопонимание между союзами работодателей и работников, но и то, чтобы обе стороны учитывали интересы общества, всеобщее благо. Последнее — особенно важно, потому что известно, что интересы партнеров могут совпадать, но это совпадение может быть в ущерб тем, кто находится вне их партнерства.

Таким образом, государство как участник социального партнерства отделяется от государства как работодателя и тем самым приобретает описанные нами функции координации совместных действий социальных партнеров, примирения сторон в случае конфликтов и защиты общественных интересов. Это предполагает еще одну функцию государства в партнерском союзе, которая может быть обозначена как принуждение к ответственности субъектов партнерских отношений, к выполнению принятых обязательств. Без этой властной функции государства в современной России вряд ли возможно осуществление социально-партнерских отношений. Это невозможно и в других странах, каким бы высоким ни был уровень их развития. Повсеместный эгоизм развитых стран не является источником ответственности, напротив, он является источником безответственности. И потому с развитием капитализма в России так заметен рост безответственности, так заметно упразднение индивидуального и социального альтруизма.

Теоретическое обоснование ответственности в рамках конфликтологии возможно при условии понимания ответственности как такого отношения, которое ведет к положительным способам взаимодействия. Ответственность и позитивный способ взаимодействия становятся синонимическими понятиями. Если мы говорим о положительном способе взаимодействия, то эти понятия отражают способ взаимодействия, не ущемляющий потребности людей. Если мы говорим об ответственности, то они отражают способ взаимодействия, удовлетворяющий как индивидуальным, так и социальным потребностям. Ответственность есть фактор позитивного взаимодействия и его элемент одновременно. И чем ответственность больше культивируется в обществе, тем его конфликтный потенциал ниже, тем способы взаимодействия в обществе приближаются к позитивным способам взаимодействия, не ущемляющим развитые и требующие развития потребности людей. Снижа-

ющийся по мере роста ответственности конфликтный потенциал общества, конечно, неоднозначно скажется на конкуренции, этом основополагающем способе взаимодействия, определяющем современное общество, и возможные тенденции противодействия делают принуждение к ответственности одной из пропагандистских задач современного государства, одной из задач общества и его институтов.

Современное государство, по крайней мере, в развитых странах и в России официально позиционирует себя как социальное государство. Целью социального государства является создание условий, достойных человека в его свободном развитии. И в этом весь смысл государственной ответственности. Сегодня социальное государство находится в состоянии кризиса обязательств перед своими гражданами, что породило представление о его закате. 18 сентября 2013 года король Нидерландов Виллем-Александр объявил нации: «...классическая модель общества всеобщего благосостояния изжила себя. В условиях глобализации и старения населения оно медленно, но верно превращается в „общество участия", где гражданам в большей степени придется заботиться о своем благосостоянии»[2]. Секвестирование ответственности социальным государством есть политическая реакция на проблемы в современной экономике, в отношениях, которые якобы не позволяют государству реализовать свои социальные обязательства перед старостью, здоровьем людей, их образованием, а в целом перед их благосостоянием. Между тем не секрет, что производительная сила развитых капиталистических обществ позволяет им не только обеспечивать достойную старость своим гражданам, но и осуществлять в рамках социальной политики «непроизводительные расходы» на образование и здравоохранение. Иными словами, необходимо констатировать тот факт, что провозглашенная королем Нидерландов наступающая эра собственной заботы граждан о своем благосостоянии есть не что иное, как эра безответственности, эра всеобщего эгоизма и нарастания социальной конфликтности.

5.2. Эвристический потенциал конфликтологического анализа ответственности

Явление ответственности вбирает в себя круг самых разнообразных деталей: состояние субъекта и объекта ответственности, цель, средства достижения цели, конкретные действия и т. д. От-

---

[2] От редакции: Почему короля Нидерландов стоит слушать не меньше, чем главу ФРС // Ведомости (URL: http://www.vedomosti.ru/opinion/news/16582001/koroli-govoryat (20.09.2013)).

ветственность максимально связана, с одной стороны, со «свободной» волей субъекта, с другой — с имеющими разную природу императивами, детерминирующими принятие социально-политических решений. Являясь по природе своей элементом жизни социальных субъектов, ответственность, естественно, была и есть объект исследования многих общественных наук. При всем при этом анализ природы ответственности с помощью конфликтного подхода до сих пор не имел значительной традиции в отечественной и зарубежной конфликтологии. Утверждая то, что конфликтологическая парадигма есть концепция познания человека, общества и государства через их участие в социальном конфликте, мы не ставим задачу переосмысления ответственности как таковой с помощью методологического аппарата конфликтологии. Скорее, вопрос ставится о введении в научный оборот категории специфического типа ответственности — конфликтной ответственности.

В целом, размышления об ответственности не чужды конфликтологии. Правда, речь идет, скорее, об ответственном поведении в конфликте как поведении, в котором участники противоборства, с одной стороны, прагматично отстаивают собственные интересы, а с другой, придерживаются процедуры разрешения спора, которую они совместно избрали, не выходя при этом за пределы конфликтного взаимодействия, определенного нормами данного конкретного общества. Конфликтная ответственность может быть понята, в частности, как такой способ взаимодействия, при котором в тех или иных условиях достигается приемлемо положительный результат этого взаимодействия. В свою очередь, приемлемо положительный результат конфликта — это согласие, которое достигается индивидами ввиду недостаточности средств осуществлять негативный способ взаимодействия или в силу убеждения в том, что подобный способ взаимодействия лишь ухудшит и без того неопределенное положение одной из взаимодействующих сторон. В целом, это совпадает с представлением об ответственности как об ответственных поступках, то есть тех действиях, для которых можно указать рациональную мотивацию, сочетающуюся с нормами. При этом безответственное поведение — это либо необъяснимое рационально действие, либо нелегальное. Так, Е. Н. Лисанюк в русле данного подхода вводит четыре элемента ответственности: 1) рациональные мотивы поступка; 2) оценка этих мотивов посредством соотнесения их с нормами и правилами; 3) агент, то есть лицо совершившее действие; 4) признание поступка ответственным или безответственным[3].

---

[3] *Лисанюк Е. Н.* Ответственность, рациональность и власть // Правовое государство и ответственность личности: Коллективная монография / Под. ред. С. И. Дудника, И. Д. Осипова. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2011. С. 68.

Несмотря на то что в целом именно это понимание ответственности мы используем в дальнейших размышлениях, следует отметить, что ответственность в конфликте и конфликтная ответственность не тождественны и что последняя обладает своим собственным уникальным содержанием.

Понятие ответственности даже в своем семантическом значении предполагает наличие ответа, который держит один участник социальных отношений перед другим, выступая как субъект ответственности. Того, перед кем держат ответ, в научной литературе иногда определяют как инстант ответственности, в качестве которого могут выступать отдельный человек, коллектив, социальная общность, общество в целом, обезличенное общественное мнение, совесть субъекта и др.[4]

Причины возникновения таких специфических отношений между субъектом и инстантом ответственности могут быть разными: зависимость субъекта ответственности от инстанта, делегирование ему определенных полномочий для достижения целей инстанта и т. д. При этом «процедура возложения такой обязанности может быть автономной, когда агент действия сам считает себя обязанным, или гетерономная, когда кто-то другой налагает на него данное обязательство»[5]. Исходя из признанного современной наукой факта, что конфликт является одним из способов отстаивания интересов и удовлетворения потребностей социальных субъектов, можно предположить, среди прочего, и передачу инстантом субъекту ответственности собственных конфликтных взаимодействий. Таким образом, конфликтная ответственность, по сути, описывает процедуру признания чужих интересов своими с последующим отстаиванием этих интересов в конфликтном взаимодействии, если они вдруг оказались несовместимыми с интересами других социальных акторов. Видимо, в этом и стоит искать основание возникновения конфликтной ответственности. При всем при этом, мы вынуждены оставить за скобками нашего анализа частные случаи возникновения такой конфликтной ответственности, связанные с наймом специалистов (адвокатов, переговорщиков) и передачей им права осуществлять от нашего имени конфликтное действие. Данная процедуры институциализирована, характер отношений между инстантом и субъектом ответственности предельно регламентирован. Мы же сосредоточимся на ситуациях гораздо более неявных, где участники отношений абстрактны, а сами эти отношения во многом умозрительны.

---

[4] *Даказова Г. В.* Долженствование и ответственность в системе социальных отношений: Автореф. ... дис. канд. филос. наук. Ставрополь, 2011. С. 7–10.

[5] *Лисанюк Е. Н.* Ответственность, рациональность и власть. С. 64.

Очевидными примерами такого инстанта и субъекта ответственности являются, соответственно, общество (народ) и государство. В этом случае, конфликтную ответственность уместно анализировать в связи с социальным конфликтом как способом достижения общественного блага. Как мы выяснили, ответственность в контексте отношений между ее субъектом и объектом воспроизводит себя в форме обязанности одних по отношению к другим, а конфликтная ответственность — в виде обязанности ответственного субъекта вступить в конфликт. Согласно такой логике, обратная ответственному поведению ситуация возникает в случае, когда государство или иной крупный субъект социального действия не вступает в конфликт, хотя обстоятельства, нормы, обычаи, его долг перед другими социальными субъектами предписывают ему вступить в конфликтные отношения для достижения значимых и общественно разделяемых целей. Необходимым условием является и то, что при ином способе взаимодействия, чаще всего с общественно девиантными акторами, данные цели принципиально не могут быть достигнуты. Конфликтную безответственность демонстрирует и субъект, манифестирующий в своих декларациях наличие несовместимых целей и свою обязанность вступить в конфликт, но не воплощающий это в реальной социальной практике.

Очевидно, первым замечанием, проверяющим на прочность данную теоретическую конструкцию, должен стать вопрос, а существуют ли в принципе потребности, интересы, цели народа во всей его коллективности, которые таким путем передаются государству, ибо если таковых нет, то и конфликтная ответственность, в том виде, в котором она описывается нами, есть лишь плод нашего воображения. Проще говоря, рассуждая в русле понимания ответственности как действия, основанного на рациональных мотивах, где искать объяснение причин конфликтной ответственности государства? На помощь здесь может прийти несколько подзабытая, но вновь обретающая актуальность концепция «общего блага».

Представляется, что «общее благо» и есть тот рациональный мотив, который положен в основу конфликт-ответственного поступка государства. Античная интерпретация общего блага, положившая начало спору о возможности добровольного отождествления общего и частного блага, а в нашем случае частного и общего интереса, признавала обоснованность общего блага как необходимого элемента прогресса политического общества. Дальнейшее развитие концепции общего блага, претерпевшее отречение от себя в классическом либерализме и некоторый ренессанс в новейшей истории, может быть выражено в двух полюсах. На одном полюсе — минимальное государство В. Гумбольдта, в котором общее благо может быть позитивно («положительное благо»), когда государство заботится о нуждах и потребностях граждан, и негативно, в том случае если го-

сударство вступает в борьбу с социальным злом, нивелируя последствия разрушительных социальных конфликтов[6]. На другом полюсе — концепция государства «всеобщего благосостояния», изложенная, в частности, в знаменитом докладе У. Бевериджа, постулирующего наличие государственной ответственности за благосостояние граждан, которое и есть искомое общее благо[7]. Дальнейшее развитие концепции общего блага возможно через достижение консенсуса между индивидуалистическим либеральным его отрицанием и классическим представлением о нем как о добродетели. В пользу необходимости такого консенсуса звучит ряд аргументов[8].

Аргумент глобализации фиксирует проблему истощающихся ресурсов и плюрализма глобальной конкуренции, предрекая скорую невозможность существования обществ, где либеральный индивидуализм экономически обеспечен для избранных стран и народов. Возвращение общего блага должно, тем самым, помочь избежать глобальных потрясений, рецептов от которых не сформулировано в либеральной теории, с тем лишь условием, что общее благо не должно приобретать автономный от частных благ характер. Моральный аргумент исходит из того, что самые общие из частных потребностей и интересов — безопасность, благосостояние — являются предпосылками для реализации иных, менее общих и более частных интересов, и именно их можно интерпретировать как искомое общее благо. И, наконец, культурологический аргумент, ключевой мыслью которого выступает идея о кризисе, прежде всего культурном, современного западного либерального общества. Тот тип социально-культурного устройства, который еще некоторое время назад представал как некий венец прогресса, воспринимается сейчас многими интеллектуалами, например Й. Галтунгом, как совокупность находящихся в психосоциальной изоляции друг от друга атомизированных индивидов, для которых потеряло смысл ключевого понятие социального субъекта — взаимодействие[9]. И, может быть, в идее общего блага и заложен потенциал для возможного ренессанса западного общества.

---

[6] *Гумбольдт В.* Опыт установления пределов государственной деятельности // Антология мировой политической мысли. М.: Мысль, 1997. Т. 1. С. 628.

[7] См.: Social Insurance and Allied Services / Report by Sir William Beveridge. London: HMSO, 1942.

[8] См.: *Спиридонова В. И.* Эволюция концепции общего блага в западной политической мысли // Полигнозис, 1 (13), 2001. С. 41–52.

[9] См.: *Galtung J.* On the Social Costs of Modernization: Social Disintegration, Atomie/Anomie and Social Development // UNRISD. ORG: United Nations Research Institute for Social Development. 01.03.1995. URL: http://www.unrisd.org/80256B3C005BCCF9/%28httpPublications%29/03ECD7C3823352BD80256B67005B6779? OpenDocument (дата обращения: 24.08.2013).

Таким образом, принимая мысль о том, что рациональным мотивом рассматриваемой ответственности является реализация общего блага, следует отметить значение конфликтного подхода в изучении данного явления. Важным методологическим преимуществом конфликтологии является введение в анализ противоположной стороны, ее потребностей, интересов и конфликтных ресурсов, что часто упускается из виду. Общее благо или общий интерес не являются априорно реализуемыми, иначе государство всеобщего благосостояния уже стало бы реальностью для всех. Их реализации могут мешать объективные обстоятельства дефицита ресурса или же субъективные условия. Кто же тот субъект, с которым государство должно вступить в конфликт, чтобы реализовать общий интерес? Очевидно, что это частный интерес, который называется в качестве оппозиции общему благу на всем протяжении существования этой концепции.

Итак, мы выяснили основания возникновения конфликтной ответственности. Объектом конфликта здесь является общее благо, в котором положены интересы и потребности большинства, каждый раз конкретизирующего общее благо в предмете конфликта. При этом первоначальный субъект конфликта — социальное большинство явно или неявно передает право вести конфликт государству, или по причине того, что не может выбраться за пределы своих частных интересов, ибо, по словам Аристотеля, всего более заботится о том, что принадлежит лично ему и менее заботится о том, что является общим[10], или по причине того, что осознает невозможность своей победы без того конфликтного ресурса, который принадлежит исключительно государству, а именно власти, или легитимного принуждения противника.

Выяснив это, что же можно сказать о выполнении государством взятых на себя обязательств и как конфликтологически проанализировать степень этого выполнения? Классические конфликтологические концепции двояко характеризуют такого рода конфликты. Рассуждая об идеологии, конфликте и партийной борьбе, Г. Зиммель замечает: «...свойственное партийному сознанию убеждение, что борьба идет за идею, а не за частные интересы, придает конфликту особый радикализм и беспощадность»[11]. Л. Козер, интерпретируя эту мысль Г. Зиммеля, в частности, пишет, что объективированная борьба, превосходящая все личное, — а конфликт по поводу общего блага должен быть отнесен именно к такой, — «обычно более радикальна и беспощадна, чем конфликты по поводу личных проблем. Сознание того, что они выступают от имени сверхиндивидуального «права», делает каждую из сторон непре-

---

[10] *Аристотель.* Политика. Афинская полития. М.: Мысль, 1997. С. 59.
[11] *Simmel* G. Conflict. Illinois: The Free Press, 1955. P. 39—40.

клонной в своих стремлениях»[12]. Иначе говоря, если конфликт надиндивидуален, положенные в нем интересы трудно модифицировать, ибо выступающий от имени некоего сообщества считает себя не вправе менять что-либо в первоначальной позиции того, чью сторону он представляет в конфликте. Будучи конкретной стороной такого конфликта задействованные в нем социальные субъекты воспринимают себя как представителей больших общностей, даже если эти общности не делегировали им никаких полномочий. Это приводит к неэластичной позиции в конфликтном взаимодействии, а в конечном счете к антагонистическому характеру противоречий, ибо выразители такого надиндивидуального интереса не считают себя свободными в том, что касается уступок и компромиссов. Исходя из этого, государство, беря на себя конфликтную ответственность, должно вроде бы яростно и бескомпромиссно отстаивать общий интерес.

Р. Дарендорф формулирует это несколько иначе, вводя понятия интенсивности конфликта. «Чем больше значимости отдельные участники конфликта приписывают спорным проблемам своего существования, — пишет он, — тем более интенсивен данный конфликт»[13]. Иными словами, ключевым является цена вопроса, а не только то, представляют стороны конфликта только себя или только другого. В то же время Р. Дарендорф отчасти соглашается с Г. Зиммелем и Л. Козером в своем исследовании факторов, определяющих остроту и интенсивность конфликта, выделяя среди прочих фактор социальной мобильности, уровень которого обратно пропорционален уровню интенсивности конфликта, тем самым повторяя тезис о том, что чем больше идентифицирует себя индивид с определенной социальной позицией, тем выше его приверженность групповым интересам и тем интенсивнее возможное развитие конфликта. При этом Р. Дарендорф замечает, что внешне конфликт, выраженный в переменной насильственности, может проявляться очень выпукло, вводя в заблуждение стороннего наблюдателя, при этом анализ содержательной переменной интенсивности может показывать крайне низкое ее значение. В работах следующего этапа развития конфликтологии — общей теории разрешения и предупреждения конфликтов — основное внимание уделяется не социальной системе и ее институтам, а фрустрированным потребностям участников социальных отношений. У Д. Бертона звучит тезис о том, что главной причиной устойчивого социально-

---

[12] *Козер Л.* Функции социального конфликта. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000. С. 139.

[13] См.: *Dahrendorf R.* Conflict Groups, Group Conflict and Social Changes // Class and Class Conflict in Industrial Society / Ed. R. Dahrendorf. California, Stanford: Stanford University Press, 1959. P. 206—240.

го противоречия являются сами социальные институты, в первую очередь государство, в силу их опоры на интересы элиты и существующие нормы. Эта мысль представляется чрезвычайно важной в связи с размышлениями о конфликтной ответственности государства. Д. Бертон утверждает, что разрыв между ожиданием удовлетворения потребностей и собственно их удовлетворением и есть мера настоящей легитимности власти. Таким образом, перефразируя эту мысль, то, насколько государство будет эффективно в отстаивании ключевых интересов общества, а общее благо, как ничто другое относится к таковым, настолько легитимным оно будет в глазах народа. В конечном счете, перманентный проигрыш государства в борьбе за общие интересы может привести к потере поддержки своего электората. При этом совершенно безразлично, легитимен ли этот проигрыш с точки зрения права. Если социальные группы не удовлетворяют свои базовые потребности в рамках существующих социальных норм и институтов, то они будут искать их удовлетворения за пределами этих границ[14]. Иначе говоря, не получая долгое время от государства поддержки своих конфликтных интересов или, что чаще происходит на практике, получая ее лишь в виде декларации, общество само примется защищать свои интересы, но уже вряд ли соотнося свое конфликтное поведение с существующими нормами.

Такая ситуация подробно описана в социологической литературе. В частности, учитель Л. Козера — Р. Мертон в качестве основной причины социальных конфликтов называл именно выраженное несоответствие между целями социальных субъектов и легитимными средствами достижения данных целей. В данном противоречии, по его мнению, выражается аномия социальной системы. Известен его тезис, что социальная система предлагает всего пять моделей реакции участников социальных отношений на данное несоответствие: конформизм, инновация, ритуализм, ретритизм и мятеж[15]. Рассмотрим, как может работать конструкция Р. Мертона по отношению к рассматриваемой проблеме.

Представляется, что конфликты по поводу общего блага как раз и относятся к тем противоречиям, которые или приводят к аномии социальной системы, или же, наоборот, через свое эффективное разрешение отводят общество от края пропасти. Две из пяти моделей приспособления — конформизм и ретритизм (уход из жизни) можно сразу вынести за рамки наших рассуждений, ибо они невозможны в рассматриваемых нами обстоятельствах. Кон-

---

[14] *Burton J., Dukes F.* Conflict: Practices in Management, Settlement and Resolution. New York: St. Martin Press, 1990. P. 153.

[15] См.: *Мертон Р. К.* Социальная теория и социальная структура // Социологические исследования. 1992. № 2—4.

формизм, то есть принятие, по Р. Мертону, как целей, так и средств их достижения, в принципе не предполагает конфликтного поведения социального субъекта, а ретритизм фиксирует отказ субъекта как от целей, так и от средств их достижения, то есть, по сути, и от социального конфликта. Таким образом, для нашего анализа наиболее необходимы паттерны «инновация», «ритуализм» и «мятеж». Кажется, что наиболее очевидной моделью государства, в том случае, если общество ему доверило защиту своего общего интереса, является инновация. Действительно, данный паттерн предполагает наличие целей, признаваемых справедливыми и законными, но при этом существующие средства достижения этих целей несовершенны или же неэффективны настолько, что фрустрированные потребности априори не могут быть удовлетворены имеющимися у их носителя инструментами. Роль государства здесь, казалось бы, и заключается в своевременной трансформации социальных условий, особенно когда речь идет о достижении общего блага. Так, Д. Бертон фиксирует, что характеристикой современного государства должен стать переход от использования сугубо жестких, основанных на праве и традициях, способов воздействия государства на общество к альтернативным инструментам, ориентированным на потребности социальных субъектов[16]. На деле же, государство зачастую стремится использовать другой паттерн — ритуализм, то есть модель конфликтного поведения, когда использование имеющихся средств, норм, законов становится единственной значимой целью деятельности правительства. Тогда рассуждения об общем благе наталкиваются на аргумент, что это, к примеру, противоречит законам рыночной экономики, а признаваемое всеми как справедливое требование инвестировать избыточные государственные фонды либо в человеческий капитал (образование, здравоохранение, социальную защиту), либо в реальный сектор экономики отметаются, под предлогом того что это ухудшит макроэкономические показатели и стимулирует инфляцию.

Естественно, что закон и нормы не могут отменить фрустрированные потребности, а тем более их удовлетворить. Когда государство, которому, следуя нашей схеме, общество делегировало свои конфликтные интересы, долгое время только и делает, что декларирует свою борьбу за общее благо, фрустрированные и заключенные в общем благе потребности общества рано или поздно подталкивают своих носителей к последнему паттерну конфликтного поведения — мятежу. Происходит отказ как от легитимных целей, так и от легитимных средств их достижения. Общество приходит к необходимости модификации всей системы социальных отноше-

---

[16] *Burton J., Sandole D.* Expanding the Debate on Genetic Theory of Conflict Resolution // Negotiation Journal. 1987. N 1. P. 99.

ний, что в нашем случае означает, что само население берется за реализацию своих конфликтных интересов с помощью всех имеющихся у него сил и ресурсов.

Примерами конфликтной безответственности изобилует история любого государства как в исторической ретроспективе, так и в современности. Так почему же государство, соглашаясь с этой ношей, оказывается неспособным, несмотря на весь свой арсенал средств, эффективно представлять общий интерес? Иначе говоря, в чем природа конфликтной безответственности?

Первое соображение на этот счет заключается в следующем. Говоря о сути конфликтной ответственности, мы пришли к выводу, что в самом общем смысле она отражает процедуру признания чужих интересов своими. В данном случае, непременным условием того, чтобы государство с максимальной степенью ответственности подошло к конфликту по поводу общего блага, должно стать отождествление общественного и государственного интереса. Насколько же в действительности делегированные интересы важны для государства? Очевидно, что процесс делегирования конфликтного интереса от инстанта к субъекту ответственности, особенно гетерономный, не всегда носит для последнего добровольный характер. Сущность отношений современного государства со своими гражданами порождает множество ситуаций, когда государство вынуждено брать на себя обязательства, в том числе и конфликтные, что не всегда при этом приводит к отождествлению общего и государственного интереса. Возникающий, вследствие взятия этих обязательств, конфликт, в котором актуальный государственный интерес не укоренен, автоматически приобретает нереалистичный характер. В данном случае объяснительный потенциал конфликтного подхода к таким обязательствам государства велик, в том смысле, что только здесь возможен обстоятельный анализ интересов общего и государственного и прогностический вывод, насколько успешно государство будет отстаивать интересы общего в конфликте с частным. В случае несовпадения этих интересов, а иногда и прямого противоречия между ними, уповать на успешное разрешение государством таких социальных конфликтов становится неразумным.

Другой возможной причиной конфликтной безответственности может стать разрыв связки «инстант—субъект». Возвращаясь к мысли, что ответственное действие должно быть объявлено таковым или через признание его рациональности или через его легитимацию, можно заключить следующее. В том случае если инстант конфликтной ответственности, то есть народ, уверен в избыточности легитимного принуждения, которое использует государство для достижения общего блага, действия государства могут быть не признаны им ответственными, то есть имеющими рациональное

обоснование и связка «инстант—субъект» разрывается, так как общее благо в интерпретации государства эволюционировало в нечто автономное и стало оппозицией общему благу как совокупности большинства частных благ.

Третье суждение касается государства как специфического субъекта конфликтной ответственности. Если в частном случае делегирования конфликтного интереса от одного лица другому можно быть уверенным, что именно делегированный интерес инстанта будет лежать в основе позиции субъекта конфликтной ответственности, то в случае если последним является государство, все гораздо более запутано. «Ответственность государства обременена, во-первых, ответственностью перед экономикой и классами, господствующими в ней, обязанностями создавать условия, необходимые для поддержания прибыли, на уровне, способствующем сохранению высокой конкурентоспособности. Данная ответственность утверждается формальной и отрицательной деятельностью государства в социальной сфере. Во-вторых, она обременена ответственностью государства перед самим собой, что требует от гражданского общества и его устройства сохраняться в различиях и таких различиях, которые позволяют государству воспроизводиться в качестве политического организма. Данная ответственность утверждается формальной, реальной и отрицательной деятельностью в социальной сфере. В-третьих, социальная ответственность перед обществом представлена как остаточная социальная ответственность, как результат вычетов ответственности перед рынком и государством»[17].

Резюмируя сказанное, можно зафиксировать, что государство имеет дело с тремя инстантами конфликтной ответственности: капиталом, народом и самим собой, каждый из них делегирует ему свой интерес, либо действительно являющийся общим, либо маскирующийся под таковой. Реализуя интересы инстантов, государство, зачастую вынужденно, вступает в конфликт с ними же — то есть они одновременно и инстанты, и олицетворение тех сил, с которыми государство взяло обязательство бороться. Все это порождает крайне запутанные отношения между ними.

Так почему же государство берет на себя конфликтную ответственность, зачастую априори и не предполагая выполнение своих обязательств? Ответ прост. Поступая таким образом, оно трансформирует неуправляемые, стихийно-массовые социальные конфликты, которые возникали бы в случае, если бы граждане посчи-

---

[17] *Стребков А. И.* Социальная политика и социальная ответственность государства // Философия права и ответственность государства: коллективная монография / Под. ред. С. И. Дудника, И. Д. Осипова. СПб.: Издательский дом Санкт-Петербургского государственного университета, 2012. С. 188.

тали нужным сами вступить в войну за общий интерес со своими противниками, в управляемые, институциализированные формы конфликтного действия, как то социальная, экономическая, уголовная и прочие политики. При этом сама эта трансформация, как мы уже заметили, может носить характер перевода конфликта реалистичного в нереалистичный, высокоинтенсивного во внешне насильственный, то есть приобретать черты манипуляции.

В таких условиях возрастает роль методологии анализа конфликтной ответственности, иначе говоря, определения степени ответственного/безответственного действия государства в социальных конфликтах.

Конфликтологический метод, пусть и не достигший пока еще своего законченного вида, чаще всего сводится к анализу составных частей конфликта через составление карты конфликта той или иной степени подробности. Традиционно выделяют статические характеристики конфликта: субъекты конфликта, имеющиеся у них ресурсы, объект, предмет, зона разногласий, внешняя социальная среда и т. д., а также динамические характеристики конфликта, то есть этапы его развития. К конфликтологической экспертизе иногда относят также определение типа исследуемого конфликта, стереотипов конфликтного поведения сторон, стадии, на которой в настоящий момент развертывается противостояние, и ряд других[18]. Исходя из исследования данных характеристик, можно спрогнозировать характер развития изучаемого конфликта, дать рекомендации касательно мер его урегулирования и разрешения.

Изучение статических характеристик конфликта, порождающего специфические отношения ответственности, о которых и идет речь, кажется чрезвычайно полезным. Главной отличительной чертой рассматриваемого противоречия является объект конфликта. Как уже было сказано, объектом здесь является общее благо, в котором положены интересы и потребности большинства, каждый раз конкретизирующего общее благо в предмете конфликта. В качестве объекта конфликта могут выступать ресурсы, статус и ценности. Безусловно, данное утверждение не вступает в противоречие с предыдущим тезисом, ибо общее благо может выражаться во всех вместе и в каждом по отдельности типичном объекте конфликта. Общее благо как ресурс может быть выражено в том, что народ считает принадлежащим всем по праву: землю, недра, государственный бюджет и т. д. Общее благо как статус может заключаться в народе как носителе суверенитета, и пусть даже данная идея редко подвергается сомнению со стороны кого бы то ни было, тем не менее у самого народа иногда возникает убеждение, что этим его

---

[18] См.: Конфликты в современной России: проблемы анализа и регулирования / Под ред. Е. И. Степанова. М.: Эдиториал УРСС, 2000. С. 344.

правом так или иначе пренебрегают. Наконец, как ценность общее благо, во-первых, может выступать сама по себе, во-вторых, в этом качестве без сомнения выступают идеи и взгляды, позволяющие идентифицировать нацию, этнос, культурный стереотип.

Субъекты конфликта уже несколько раз были нами названы. Условно их можно разделить по признаку того интереса, носителем которого они являются, то есть на носителей «общего интереса», стремящихся к достижению общего блага, и на представителей тех или иных частных интересов, в данном случае противоречащих достижению общего блага. Отличительной особенностью является то, что фактическим конфликтантом здесь выступает государство, которому носитель «общего интереса» поручил действовать от своего имени. Ключевым моментом, уже выявленным нами ранее, является неочевидность той роли, которую в этом конфликте играет государство, ибо универсальность и неоднородность этого субъекта предполагает смешение им роли непосредственного участника конфликта и третьей стороны, то есть посредника между общим и частным интересом.

В каждом конкретном конфликте общее благо заключает себя в некоем предмете, который и становится поводом для ожесточенных споров. Так как мы действительно имеем дело с чрезвычайно универсальным объектом конфликта, то и вариантов возможного предмета разногласий — бесконечное множество. Важно отметить тот факт, что предмет сам по себе уже является более частным воплощением общего блага, что, естественно, может привести к манипуляциям. Действительно, порой становится чрезвычайно сложно ответить на вопрос, действительно ли данный предмет заключает в себе общее благо. Вряд ли у кого-то вызовет сомнение тезис о том, что развитие отечественной науки является общим благом для российского народа. Но действительно ли угрожает общественному благу, скажем, реформа Российской Академии Наук, или это угроза исключительно частному благу академиков? Вопрос о том, можно ли отождествить частный интерес сопротивляющихся реформе академиков и общий интерес российского народа, или же, наоборот, общий интерес, заключающийся в развитии отечественной науки, не может быть реализован без подавления этого сопротивления и реформирования научной сферы, — этот вопрос невозможно разрешить без глубокого знания сути позиций сторон конфликта. Более того, он всегда будет дискуссионным, пока четко не сформулировано, а что же такое общее благо, каковы национальные интересы современного российского народа.

Наконец, стоит еще раз повторить мысль о том, что необходим четкий и глубокий анализ интересов и потребностей субъекта конфликтной ответственности, инстанта и того частного интереса, что априори противостоит им. Как уже было отмечено, без такого ана-

лиза невозможно прогнозировать в реальности, какова будет эффективность отстаивания государством общественных интересов.

Описанный нами конфликтологический метод адекватен в отношении изучения феномена конфликтной ответственности, но тем не менее нуждается в определенной модификации в связи с отдельными аспектами.

Как кажется, краеугольным камнем здесь должен стать анализ составных частей конфликта: интересов, потребностей и позиций (манифестаций) сторон, выбранной стратегии конфликтного поведения, самих сторон, объекта и предмета конфликта. В первом приближении, взгляд конфликтолога сосредоточивается на внешних проявлениях конфликтной ответственности — ответственности за манифестацию конфликта и выбранную стратегию конфликтного поведения, а также обязанности реализовать этот конфликт и эту стратегию в существующей политической практике. Основываясь на классической классификации стратегий конфликтного поведения К. Томаса (борьба, компромисс, уклонение), можно сформулировать три степени ответственного поведения государства в социальном конфликте. Первая степень отражает ситуацию, когда конфликт манифестирован, при этом выбранная стратегия неадекватна целям конфликтам, а последний и вовсе не обнаруживается в реальной политической практике. Вторая степень — конфликт манифестирован, отраженная в норме стратегия конфликта целесообразна, на практике же выбранные принципы оказываются декларативными. И наконец, в третьей, наивысшей, степени вышеозначенные три компонента конфликтной ответственности уложены в систему и исполняются[19].

Более глубокий анализ конфликтной ответственности направлен на исследование интересов инстантов и агента ответственности, а также интересов противостоящих им социальных сил. Часто, описывая борьбу государства с каким-либо социальным злом, исследователь забывает об истинных причинах, положенных в основание этой борьбы. Концепция конфликтной ответственности позволяет вспомнить о том, что исходной точкой сражения государства за общее благо является фрустрированная потребность и ущемленный интерес инстанта ответственности, то есть народа, а государство выступает лишь агентом действия. Нередко, безосновательно отождествляя интересы инстанта и государства, мы впадаем в грубую методологическую ошибку. Проверка на реалистичность манифестации и конфликтного действия государства должна стать проверкой их корреляции исключительно с интересами инстанта, а

---

[19] *Сунами А. Н.* Конфликтная ответственность государства в контексте антинаркотической политики // Философия права и ответственность государства. С. 304—305.

не политического класса или вольной интерпретацией этих интересов политическим классом. В случае отсутствия этой корреляции мы имеем дело с нереалистичным конфликтом или с совершенно другим конфликтом, не имеющим к анализируемому никакого отношения. Также государство ловко манипулирует с тем, кого отнести к противоположной стороне конфликта.

Полагаем, не лишним будет проверить работоспособность предложенных теоретических конструкций на примерах. Не раз уже было сказано, что зачастую предложенные обстоятельства не представлены выпукло в повседневном общении социума и государства. Эти отношения, как известно, носят чрезвычайно запутанный характер; и многие из причин, способствующих этому, были указаны выше. Было указано и то, что как легко было рассуждать об общем благе на уровне его как объекта конфликта, так же невероятно сложно отделить общий интерес от частного на уровне общего блага как предмета спора. Так как предложенная концепция конфликтной ответственности пока имеет еще сырой вид, уместно будет апробировать ее на более простых примерах, чем экономическая сфера или сфера социального обеспечения. Существуют ситуации, когда общее благо предстает фактически абсолютом. Происходит это в том случае, когда на противоположной чаше весов оказывается нечто априори вызывающее отторжение у подавляющего большинства людей, то есть некий набор преступлений против закона, норм морали, традиций, однозначно толкуемый всеми именно как преступление (терроризм, насилие над детьми и т. п.). В таком случае контур общего блага как борьбы с таким преступлением выглядит вполне конкретно и однозначно. К такого рода преступлению можно отнести наркобизнес. Этот пример кажется удачным — хотя общество и сравнительно недавно делегировало свой конфликтный интерес, заключающийся в уничтожении наркопреступности, государству, но данный процесс произошел в подавляющем большинстве государств. На международном уровне также сохраняется относительное согласие касательно проблемы наркотиков, что позволяет провести сравнительный анализ конфликтной ответственности и безответственности государств в борьбе с наркорынком и проверить предложенную выше методологию анализа данного феномена.

Антинаркотическая политика как конфликтное взаимодействие государства с наркопотребителями и наркобизнесом имеет сравнительно небольшую историю, а именно с тех пор, когда опий приобрел статус товара на международном рынке (XVI—XVII вв.). Борьба с наркотиками постоянно входила в круг забот правительств ряда государств, логично вплетаясь в различные направления государственной политики, прежде всего в ее международный, социальный и уголовный блоки.

В начале XX века в условиях возрастающей угрозы тотального перехода проблемы наркотиков с уровня личности на уровень социума, государствам, прежде всего на межнациональном уровне, пришлось создавать новые смыслы борьбы с данным явлением, придав им черты особой государственной политики и управления[20].

Большинство современных государств заявило о несовместимости своих интересов с интересами наркопотребителей и наркобизнеса, задекларировало свое вступление в конфликт с этими группами и, по нашей терминологии, должно нести конфликтную ответственность как за свое намерение, так и за свои политические решения и исполнение этих решений. Но, несмотря на сформировавшуюся единую нормативную базу для большинства национальных политик в отношении наркотиков, модели реализации конфликтной ответственности государств на сегодняшний момент принципиально различаются, в зависимости от соотношения групп интересов в конфликте государства и наркорынка на внутренней арене. В частности, Е. Е. Тонков предлагает следующую классификацию основных моделей антинаркотической политики государств: 1) группу «жесткой политики» представляют страны, в которых борьба с наркоугрозой ведется самыми суровыми репрессивными средствами, вплоть до смертной казни, а законодательство в отношении распространителей наркотиков максимально ужесточено; 2) группу «жесткого контроля» представляют государства, которые осуществляют строгий контроль над всеми видами наркотиков, активно противостоят наркомафии, но не предпринимают крайние меры; 3) либеральную группу представляют Голландия и Швейцария, руководствующиеся принципом «уменьшения вреда» наркотиков посредством вывода некоторых (так называемых «легких») видов наркотиков из нелегального оборота[21].

Вследствие такого положения дел в реальной антинаркотической политике различных государств одним из основных проблемных вопросов остается вопрос ответственности за потребление наркотиков. Запрет наркопотребления может быть прямым, когда такое деяние прописывается отдельно в законодательстве, или же косвенным, когда наркопотребление per se не запрещено, но запрет покупки и хранения незаконных наркотиков делает невозможным легальное их потребление[22].

---

[20] См.: *Сунами А. Н.* Борьба с наркотиками как совокупность социальной, уголовной и антинаркотической политики // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Сер. 6. 2009. Вып. 3. С. 262—271.

[21] *Тонков Е. Е.* Государственно-правовая политика противодействия наркотизации российского общества. СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2004. С. 23—24.

[22] *Зазулин Г. В.* Понятийный аппарат правовых основ государственной анти-наркотической политики России: состояние, прогноз развития // Правовое государство и ответственность личности. С. 251.

Применив методологию анализа конфликтной ответственности, приведенную выше, можно увидеть следующее. Рассматривая европейский опыт[23], мы обнаружили все три названные нами стратегии поведения государства в конфликте с наркопотребителями: борьбу, компромисс и уклонение. Первую группу стран, где стратегией является борьба, составляют Греция, Франция, Финляндия, Швеция. В этих странах использование запрещенных наркотических веществ рассматривается законом как отдельное правонарушение, наказуемое в соответствии с уголовным кодексом каждой из этих стран тюремным заключением. В то же время правоприменительная практика обладает большой гибкостью подходов в трактовке данного юридического термина. Бельгия, Испания, Ирландия, Голландия, Великобритания, Люксембург и Португалия демонстрируют компромиссную линию в отношении наркопотребителей. В этих странах потребление наркотиков запрещено частично или разрешено. Так, в Бельгии запрещено и наказуемо только групповое потребление наркотиков. В Испании и Люксембурге запрещено потребление наркотиков в общественных местах, но данный факт может повлечь за собой только административное наказание. В Ирландии и Великобритании закон официально запрещает потребление опиатов, но использование иных наркотиков как таковых ненаказуемо. В Голландии использование наркотиков в общественных местах некоторых городов запрещено и может преследоваться по закону. И наконец, третья группа стран демонстрирует стремление уйти от конфликта. Законодательство в этих странах официально не запрещает использование наркотических веществ. Датское, германское и австрийское уголовные законодательства не рассматривают использование наркотиков как отдельное правонарушение. Это положение, однако, не следует рассматривать как разрешение потреблять наркотики. Хранение наркотических веществ запрещено и может повлечь за собой наказание. В Италии использование наркотиков с недавних пор не рассматривается в качестве отдельного правонарушения. Незаконная деятельность, заключающаяся во ввозе, приобретении и хранении наркотических веществ для личного потребления, наказывается в административном порядке.

Как было замечено выше, государство несет конфликтную ответственность и в том случае, когда его политическая практика расходится с манифестируемым в нормах конфликтом с наркопотребителями. При анализе антинаркотической политики ряда за-

---

[23] Незаконное потребление наркотиков и законодательство стран-членов ЕС // Информационно-публицистический ресурс «Нет наркотикам». URL: http://www.narkotiki.ru/jcomments_1531.html (дата обращения: 25.08.2013).

падноевропейских государств обнаруживается, что нормативная стратегия их поведения в конфликте с наркопотребителями, заявленная своим гражданам как *борьба*, на деле не соответствует международному праву ответственности между государствами и внутреннему праву отдельных государств.

История антинаркотической политики России развивалась в специфических формах, но не в отрыве от общих тенденций антинаркотических процессов, которые осуществлялись в других странах. Преимущественно основанная на идее государственного контроля над любыми действиями с наркотиками, российская антинаркотическая политика тем не менее временами демонстрировала чрезвычайно мягкий вариант конфликтного действия по отношению к потребителям наркотиков (1990—2002 годы). Современный этап становления российской антинаркотической политики характеризуется тем, что российское государство *вновь объявило несовместимость* своих целей и интересов с интересами наркопотребителей и стратегически выбрало путь борьбы с данной социальной группой. Однако стоит заметить, что непосредственная деятельность органов государственной власти различных уровней, хотя и должна была подчиниться выбранной государством стратегии, показала склонность превратить ее в формальную декларацию.

Если обратиться к административной практике ответственности граждан за наркопотребление, то становится очевидным, что таковая должна была стать краеугольным основанием выбранного варианта антинаркотической политики. Статистика административных протоколов по связанным с потреблением наркотиков статьям (6.8, 6.9, 20.20 КоАП РФ), скорее, говорит об обратном, особенно в сравнении с масштабами потребления наркотиков в России. В качестве примера обратимся к административной практике правонарушений, связанных с наркотиками в Санкт-Петербурге. По официальным данным, за первое полугодие 2011 года было составлено 518 административных протоколов по статье 6.9 КоАП РФ (незаконное потребление наркотиков). На учете в государственных наркологических учреждениях по итогам 2010 года состояло 11 375 наркозависимых, при этом на такой учет в Санкт-Петербурге в 2009 году было поставлено только 27.2 % выявленных потребителей. По некоторым оценкам официальных властей[24], реальное количество лиц, допускающих потребление наркотиков в Санкт-Петербурге, в настоящем может достигать 100 000. Статистика по остальным «наркотическим» статьям КоАП за указанный период также незначительна: 544 протокола по ст. 6.8 (хранение наркотиков без цели сбыта), 191 — по статье 20.20 часть 3 (по-

---

[24] Интернет газета Фонтанка.ру. URL: http://www.fontanka.ru/2010/03/11/080/ (25.08.2013).

требление наркотиков в публичных местах) и т. д.[25] О «твердости» намерения государства исполнять принятые им законы говорит и тот факт, что требование ст. 44 ФЗ № 3 «О наркотических средствах и психотропных веществах» принять порядок медицинского освидетельствования лиц, находящихся в состоянии наркотического опьянения, на сегодняшний момент так и не выполнено. Статьей же 27.12 КоАП медицинское освидетельствование предназначается только для случаев совершения транспортного правонарушения. Не стоит также забывать, что потребление наркотиков было запрещено законом в 1998 году, а норма в КоАП, устанавливающая ответственность за это правонарушение, появилась только спустя 4 года, в 2002 году. Одновременно с этим, рекомендации экспертов включить в перечень показателей оценки эффективности региональной антинаркотической политики прирост количества пресеченных административных нарушений по наркотикам, отдельно выделив в них дела, по которым мировым судом вынесено решение об административном аресте[26], остались нереализованными, хотя данная мера, несомненно, стимулировала бы местные органы власти решать эту проблему. Не приняты и такие сложные и политически окрашенные решения, как введение тестирования на наркотики и принудительное лечение наркопотребителей, несмотря на то что неизбежность применения данных технологий прямо вытекает из концепции контроля наркопотребления. Результатом же является то, что в России построена весьма непоследовательная антинаркотическая политика — законодательно ядром этой политики является контроль над потребителями наркотиков, между тем силовые структуры и судебная система ориентированы исключительно на борьбу с наркобизнесом.

Исходя из нашего предположения, что конфликтная ответственность может быть представлена как ответственность за манифестацию конфликта и выбранную стратегию конфликтного поведения, а также как обязанность реализовать это в существующей социальной практике, можно выделить три степени ответственного поведения государства в конфликте с наркорынком. Примером первой степени является голландский путь. Любые манипуляции с наркотиками запрещены, тем самым конфликт с наркопотребите-

---

[25] Официальная статистика предоставлена АИС «Антинар СПб» и содержится в сборнике материалов к расширенному заседанию Антинаркотической комиссии Санкт-Петербурга 24 августа 2011 г.

[26] Теория и практика противодействия незаконному обороту наркотиков: Материалы всероссийской научно-практической конференции. Ленинградская область. 15—16 декабря 2009 года. Часть 1. Ленинградская область: Северо-Западный институт повышения квалификации ФСКН России, 2010. С. 30.

лями манифестирован. При этом стратегия поведения не соответствует жесткости и бесспорности запрета и близка скорее к компромиссу, нежели к борьбе. Практическая же реализация демонстрирует еще более свободный вариант обращения с наркотиками, пренебрегающий даже теми относительными ограничениями, которые заключены в означенном компромиссе[27]. Вторая степень — российская модель. Конфликт манифестирован, стратегия конфликта — борьба — полностью ей соответствует, на практике же выбранные принципы оказываются декларативны. И наконец, наивысшая степень свойственна шведской модели, в которой все три компонента конфликтной ответственности уложены в систему и исполняются. Таким образом, наш анализ явно показывает, что конфликтная ответственность скорее редкое исключение, чем правило для антинаркотической политики исследованных государств.

Итак, предложенная модель анализа отношений государства, общества и других социальных субъектов через призму конфликтной ответственности показала, что введение в научный язык категории конфликтной ответственности дает возможность иначе взглянуть на традиционные отношения ответственности государства и общества, позволяет точнее диагностировать наличие социальных противоречий, реально оценивать усилия по разрешению этих противоречий, прогнозировать будущее состояние общественных отношений. В ходе рассуждений нам удалось показать механизм возникновения отношений конфликтной ответственности и причины, по которым эти отношения возникают. Стало очевидно, что данные отношения являются скорее правилом, чем исключением и вытекают из сущностных характеристик как общества, так и государства. Была предложена схема исследования взаимодействия общества и государства как отношения ответственности, показано, что развитие этого взаимодействия связано с реализацией чрезвычайно важных общественных процессов. Игнорирование фрустрированных общественных интересов, манипуляции, которые допускает государство и другие субъекты социальной жизни, приводят к тяжелым последствиям и зачастую к потере функциональности общественной системы.

---

[27] См.: Журналисту об эффективности материалов, освещающих проблемы наркозависимости: СМИ в системе антинаркотических практик — компетенции и эффективность. СПб.: Лаборатория оперативной печати факультета журналистики СПбГУ, 2010. С. 47—48.

Глава 6

КОНФЛИКТ И СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

6.1. Конфликтная природа корпоративной социальной ответственности

Прежде чем король Нидерландов Виллем-Александр произнес свою тронную речь о кончине социального государства, в марте 2013 года, об этом поведал ректор Академии народного хозяйства и госслужбы при президенте РФ господин В. Мау. Он утверждал, что кризис индустриального социального государства является одной из фундаментальных причин современного глобального кризиса и что необходимо коренное преобразование отраслей, связанных с развитием человеческого капитала. Иными словами, на повестке дня стоит формирование новой модели социального государства (*welfare state*)[1]. В чем же суть этой модели, или модернизации социального государства по В. Мау?

Во-первых, на смену индустриальному социальному государству приходит постиндустриальное социальное государство. Во-вторых, в отличие от индустриального, постиндустриальное социальное государство должно учитывать, что люди учатся и лечатся всю жизнь, то есть постиндустриальное государство характеризуется «непрерывным и пожизненным характером». В-третьих, новое государство должно быть индивидуализированным государством, то есть предлагать индивиду самому определять собственные образовательные траектории, собственные траектории и механизмы поддержания здоровья, диверсификационную форму поддержки старших возрастов. В-четвертых, новое социальное государство в процессе глобализации представления услуг должно конкурировать за клиентов на международной арене. В-пятых, новое социальное государство отказывается от интервенций в социальную сферу и приватизирует социальные услуги, ибо именно частная социальная

---

[1] *Мау В.* Структурные сдвиги и перспективы глобального кризиса // Ведомости. URL: http://www.vedomosti.ru/opinion/news/10173821/perspektivy_globalnogo_krizisa?full#cut (20.09.2013).

сфера, а не государственная является естественным следствием роста благосостояния населения. И, в-шестых, новые технологии радикально меняют характер оказываемых услуг[2]. Если все приведенные В. Мау характеристики нового постиндустриального государства объединить, то мы получим старое индустриальное социальное государство с новыми технологиями, которые никак не влияют на государство. Ибо технологии как и техника не являются ни экономическими, ни тем более политическими категориями. И от того, какими будут технологии, государственное устройство мало зависит; также мало зависит от технологий, в чьей собственности будет находиться социальная сфера. В новой модели постиндустриального государства заключается лишь словесное оправдание и якобы «теоретически» обоснованное стремление бизнеса или буржуазии господствовать не только в сфере производства вещественного капитала, но и в сфере производства человеческого капитала.

Российский бизнес, укрепляясь, вытесняет российское социальное государство из одной сферы жизни гражданского общества за другой. Уступая дорогу бизнесу, государство уступает ему власть над гражданским обществом. Смитовская «невидимая рука» рынка превращает гражданское общество в «торговое общество», общество по производству капитала. Однако некоторые представители бизнес-сообщества не хотят видеть тенденции сокращения присутствия государства в социальной сфере и уверены в том, что социальная ответственность бизнеса в результате господствующей позиции российского государства только формируется, преодолевая государственный гнет. «В России процесс развития КСО (корпоративная социальная ответственность. — *Авт.*) происходит в условиях господствующих позиций государства, слабого развития институтов гражданского общества и олигархического развития, где роль отдельных сторон и меры их участия в социальном развитии только формируются. „Подчиняйся и плати" — вот принцип государства по отношению к КСО организаций. Оно требует подчинения, так как считает себя основным социальным институтом, а бизнес — источником внебюджетного финансирования для дополнительного, сверх налогов, „доения" и привлечения его активов для латания дыр в госбюджетах. „Не важно, что вы делаете. Но если вы делаете не то, что вам говорят, вы недостаточно социально ответственны", — таково мнение государства»[3].

Принцип «подчиняйся и плати», по нашему мнению, мало отражает действительные взаимодействия бизнеса и государства, яв-

---

[2] См.: Там же (20.09.2013).

[3] Власть, бизнес, гражданское общество — закон джунглей и братства? // E-xecutive.ru. URL: http://www.e-xecutive.ru/education/adviser/1576563/ (20.02.2013).

ляется результатом неверного представления этого взаимодействия. Во-первых, не государство определяет бизнес, а бизнес определяет государство. Первым у распределения богатства стоит бизнес, а государство играет роль распределяющего уже распределенного бизнесом богатства. Во-вторых, когда речь идет о взаимодействии бизнеса и государства, то необходимо говорить о том, что содержание государства бизнесом (здесь мы не говорим о роли и значении наемных работников в содержании государства) включается в издержки по производству и воспроизводству капитала. В-третьих, государственный бюджет есть не что иное, как издержки капитала по содержанию государства в целом и его «дорожных карт», заменителя государственных программ, которые потерпели фиаско. В-четвертых, трансферты, направляемые государством на поддержание социальной сферы, есть издержки совокупного капитала. В-пятых, социальные трансферты корпораций есть издержки отдельных корпораций, в силу образовавшейся сверхприбыли данных корпораций или в силу местоположения данных корпораций в системе сложившегося разделения труда. Поэтому иллюзия, согласно которой государство выступает в качестве силы, насильственным образом изымающей у бизнеса средства на содержание социальной сферы, есть всего лишь иллюзия, но необходимая иллюзия для того, чтобы убедить граждан страны и сам бизнес в том, что государство не может справляться с поддержанием благосостояния населения на должном для них уровне. Эта иллюзия необходима еще и для того, чтобы государство не противилось приватизации социальной сферы и существенному сокращению издержек совокупного капитала на ее содержание. Экономическим смыслом проникновения товарно-денежных отношений в социальную сферу является ее превращение в частную собственность, в сферу полного господства товарно-денежных отношений.

«Результатом капиталистического процесса производства, — пишет К. Маркс в IV томе Капитала, — является не просто продукт (потребительная стоимость) и не *товар*, то есть потребительная стоимость, имеющая определенную меновую стоимость. Его результат, его продукт, состоит из создания прибавочной стоимости для капитала, а потому — в действительном *превращении* денег или товара в капитал, тогда как до процесса производства деньги и товары являются капиталом лишь в смысле своей общей направленности, лишь „в себе", лишь по своему назначению. Процесс производства поглощает большее количество труда, чем то, которое куплено. Это поглощение, это *присвоение* чужого неоплаченного труда, совершающееся в процессе производства, является непосредственной целью процесса капиталистического производства, ибо в задачи капитала как такового (а стало быть, и капиталиста как такового) не входит ни производство потребительных стоимо-

стей, непосредственно предназначенных для собственного потребления, ни производство товаров для последующего превращения их в деньги, а затем в потребительные стоимости. Цель капиталистического производства — *обогащение, приумножение стоимости*, ее *увеличение*, следовательно — сохранение прежней стоимости и создание прибавочной стоимости. И этот *специфический продукт, производимый* в процессе капиталистического производства, достается капиталу только в результате обмена на труд, называемого, поэтому *производительным трудом*»[4].

Незаинтересованность бизнеса в чем-то ином, кроме обогащения, приумножения стоимости, ее увеличения, есть генетическое свойство самого капиталистического производства, капитала как такового, а вместе с тем и капиталиста как такового. Но, в общем и целом, приращение стоимости есть закон, от которого можно уберечься в иной системе общественных координат, в иной системе отношений, в которых прибавочная стоимость перестает присваиваться отдельным лицом или группой лиц, перестает быть специфическим продуктом частного присвоения. Закон прибавочной стоимости есть закон, в рамки которого не вписывается нравственность, не вписывается ответственность, будь то корпоративная или какая-то другая ответственность. Закон прибавочной стоимости и нравственность есть два антипода, конфликт между которыми воспроизводится постоянно как конфликт гражданского общества и способа производства, целью которого является прибыль. Также обстоит дело и с корпоративной социальной ответственностью, которая не покидает закон прибавочной стоимости. Она сама себя воспроизводит в этом законе и не может быть выше него, не может превратиться из средства, обслуживающего этот закон, в цель данного закона. Поэтому корпоративная ответственность есть побочный продукт воспроизводства закона прибавочной стоимости, есть то свойство, которое приобретает бизнес, отказывающийся от части своей прибыли в пользу экологических и социальных проблем.

Отказ от части прибыли в пользу общества есть в современных отношениях акт нравственный, на первый взгляд ничего общего с экономикой не имеющий. Однако в обществе, где основным связующим элементом являются деньги, а, как известно, прибыль всегда выражена деньгами, отказ от денежных вознаграждений в виде так называемых «парашютов» уходящим со своих постов менеджерам крупных корпораций (будь то производственные корпорации или банки), многомиллионные премиальные бонусы по итогам года, выплачиваемые топ-менеджерам, в то время когда государство по-

---

[4] *Маркс К.* Теории прибавочной стоимости (IV том «Капитала»). Часть первая (главы I—VII) // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Изд. второе. Т. 26. Ч. 1. М.: Изд-во полит. литерат., 1964. С. 408.

стей, непосредственно предназначенных для собственного потребления, ни производство товаров для последующего превращения их в деньги, а затем в потребительные стоимости. Цель капиталистического производства — *обогащение, приумножение стоимости*, ее *увеличение*, следовательно — сохранение прежней стоимости и создание прибавочной стоимости. И этот *специфический продукт, производимый* в процессе капиталистического производства, достается капиталу только в результате обмена на труд, называемого, поэтому *производительным трудом*»[4].

Незаинтересованность бизнеса в чем-то ином, кроме обогащения, приумножения стоимости, ее увеличения, есть генетическое свойство самого капиталистического производства, капитала как такового, а вместе с тем и капиталиста как такового. Но, в общем и целом, приращение стоимости есть закон, от которого можно уберечься в иной системе общественных координат, в иной системе отношений, в которых прибавочная стоимость перестает присваиваться отдельным лицом или группой лиц, перестает быть специфическим продуктом частного присвоения. Закон прибавочной стоимости есть закон, в рамки которого не вписывается нравственность, не вписывается ответственность, будь то корпоративная или какая-то другая ответственность. Закон прибавочной стоимости и нравственность есть два антипода, конфликт между которыми воспроизводится постоянно как конфликт гражданского общества и способа производства, целью которого является прибыль. Также обстоит дело и с корпоративной социальной ответственностью, которая не покидает закон прибавочной стоимости. Она сама себя воспроизводит в этом законе и не может быть выше него, не может превратиться из средства, обслуживающего этот закон, в цель данного закона. Поэтому корпоративная ответственность есть побочный продукт воспроизводства закона прибавочной стоимости, есть то свойство, которое приобретает бизнес, отказывающийся от части своей прибыли в пользу экологических и социальных проблем.

Отказ от части прибыли в пользу общества есть в современных отношениях акт нравственный, на первый взгляд ничего общего с экономикой не имеющий. Однако в обществе, где основным связующим элементом являются деньги, а, как известно, прибыль всегда выражена деньгами, отказ от денежных вознаграждений в виде так называемых «парашютов» уходящим со своих постов менеджерам крупных корпораций (будь то производственные корпорации или банки), многомиллионные премиальные бонусы по итогам года, выплачиваемые топ-менеджерам, в то время когда государство по-

---

[4] *Маркс К.* Теории прибавочной стоимости (IV том «Капитала»). Часть первая (главы I—VII) // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Изд. второе. Т. 26. Ч. 1. М.: Изд-во полит. литерат., 1964. С. 408.

грязает в долгах у отечественных и иностранных бизнесменов, когда наемные работники не в состоянии обеспечить себе прожиточный минимум, есть акт нравственный, со всеми вытекающими последствиями. И в данном случае социальная ответственность бизнеса является таким типом ответственности, которая в современных условиях постиндустриального общества становится не просто актуальной, но и жизненно необходимой для сохранения той системы отношений, которая последней и окончательной своей целью имеет «сохранение прежней стоимости и создание прибавочной стоимости». В противном случае закон прибавочной стоимости, тот закон, на котором процветает современное общество, может превратиться в свою противоположность, и тогда обществу ничего другого не останется, как всю прибыль капитала превратить в прибыль всего общества, чем лишить бизнес власти в обществе.

Если бизнес-идеологи взаимодействие бизнеса и государства пытаются представить формулой государственного господства и бизнес-подчинения, то в действительности, и мы об этом говорили, господствует совокупный бизнес, он является историческим субъектом, овладевшим экономическими законами, а значит, и современным товарно-денежным миром. Бизнес-идеологи представляют, будто корпоративная социальная ответственность есть ответственность отдельной корпорации — фирмы, фабрики, завода, организации, бизнесмена. Между тем государство — тоже бизнес-корпорация, отличительной чертой которой является то, что это корпорация всего бизнеса, акционерное общество всего бизнеса. Поэтому к государству как корпорации применимо требование социальной ответственности. В силу этого социальная ответственность бизнеса разделяется на социальную ответственность государства как единственного представителя совокупного бизнеса в стране и корпоративную социальную ответственность бизнеса. Вместе эти два вида социальной ответственности и есть социальная ответственность бизнеса в целом.

Видовое различение на социальную ответственность государства и бизнеса позволяет нам увидеть, как трактует ее социальное российское государство или «идеальный совокупный капиталист». Государство является концентрированным выражением социальной силы и ответственности бизнеса. Ибо государство во все времена «...было официальным представителем всего общества, его сосредоточением и видимой корпорацией, но оно было таковым лишь постольку, поскольку оно было государством того класса, который для своей эпохи один представлял все общество: ...в наше время — буржуазии»[5]. Таковым является и современное государст-

[5] *Энгельс Ф.* Развитие социализма от утопии к науке. Ч. 3 // Там же. Т. 19. М.: Гос. изд-во полит. литерат., 1961. С. 224.

во, которое «...опять-таки есть лишь организация, которую создает себе буржуазное общество для охраны общих внешних условий капиталистического способа производства от посягательств, как рабочих, так и отдельных капиталистов. Современное государство, какова бы ни была его форма, есть по самой своей сути капиталистическая машина, государство капиталистов, идеальный совокупный капиталист»[6]. Потому борьба рабочих и отдельных капиталистов не может отменить сущности современного государства быть идеальным совокупным капиталистом, а значит, не может отменить признания того, что современное государство есть концентрированное выражение социальной ответственности бизнеса, ибо защита общих внешних условий капиталистического производства и воспроизводства есть в то же время его ответственность за эти условия, одним из которых является социальная сфера жизни граждан страны.

Насколько данная сфера удовлетворительна как для рабочих, так и для отдельного бизнеса, настолько широко или узко представлена социальная ответственность государства или совокупного бизнеса. Насколько данная сфера удовлетворительна для отдельного работника на предприятии или всей совокупности работников данного предприятия, настолько высока социальная ответственность фирмы или предприятия. Мерой социальной ответственности государства как бизнес-корпорации и собственно корпорации является степень удовлетворенности гражданами страны своим благоприобретенным положением. И так многими гражданами нашей страны понимается корпоративная социальная ответственность, что отличает их от американцев и британцев, то есть граждан развитых стран, для которых корпоративная социальная ответственность (КСО) — «это добровольный вклад бизнеса в решение стоящих перед обществом глобальных проблем, таких, например, как сохранение окружающей среды, борьба с бедностью или болезнями»[7]. Согласно опросам, приведенным ВЦИОМом, выясняется, что россияне под корпоративной социальной ответственностью бизнеса понимают «в первую очередь четкое выполнение компанией своих базовых обязательств перед работниками, государством, партнерами и потребителями. Лишь немногие респонденты считают, что бизнес должен вносить вклад в развитие общества сверх этого обязательного минимума»[8]. Ситуация в России далека от той, которую сегодня демонстрирует Запад, так как отечественный

---

[6] Там же. С. 222.

[7] Корпоративная социальная ответственность и привлекательность компании как работодателя // Lawmix БИЗНЕС И ВЛАСТЬ. URL: http://www.lawmix.ru/bux/61304/(20.04.2013).

[8] Там же.

бизнес считает, «что в современных российских условиях соблюдение этих норм (норм КСО. — *Авт.*) пока не приносит предпринимателям особых выгод, в то время как на Западе действительно существует прямая связь между качеством социальной политики компании и улучшением ее финансовых показателей»[9]. На Западе ответственность бизнеса увязывается с дивидендами, как нас убеждает электронный ресурс отечественного бизнеса, с выгодой, меркантилизмом, что преподносится как некоторый шаг вперед в деле корпоративной социальной ответственности. Эта «продвинутая» корпоративная социальная ответственность не может вырваться за пределы денег, она ими ограничена. Но разве только то, что делается за деньги, нравственно!? Разве можно деньгами измерить нравственность!? Разве можно говорить об ответственности, когда твоя деятельность как ответственная деятельность возвращает тебе затраты на эту деятельность и еще добавляет прибыль!? Нет. Это есть чисто коммерческая операция, в результате которой капитал получает приращение от затрат на социальную политику фирмы. Но если эти затраты не находятся в прямой зависимости от выгоды, то западный капитал и пальцем не пошевелит.

Западный вариант корпоративной социальной ответственности в российской действительности также представлен в той или иной степени. Разница между западным и российским вариантами корпоративной социальной ответственности заключается в том, что если западная корпоративная социальная ответственность привязана к выгоде, то российская корпоративная социальная ответственность привязана к убыткам. Чем больше социальных расходов у фирмы, тем больше издержек, тем меньше выгода. Если западный капитал получает прибыль даже из ответственности, то российский капитал получает прибыль только из безответственности, но такой безответственности, которая присуща всему западному капиталу. Западный капитал, или бизнес, научился эксплуатировать нравственность и получать от этой эксплуатации прибыль. Отечественный капитал — пока еще совестливый, как оказывается, капитал — не порывается эксплуатировать подобные нравственные категории, не порывается прикрывать свою алчность нравственными категориями. И тем отечественный бизнес честнее и на поле экономики играет некраплеными картами. Он эксплуатирует наемных работников, но при этом не говорит устами своих профессоров, что эксплуатирует ответственно. Он просто эксплуатирует, для того чтобы получить выгоду, и не намерен делиться частью прибыли с наемными работниками.

Придя к выводу о том, что корпоративная социальная ответственность есть ответственность государства и бизнес корпораций, а

---

[9] Там же.

также что мерой социальной ответственности является степень удовлетворенности граждан страны своей жизнью, которая может быть установлена эмпирически, мы приходим к предположению о том, что корпоративная социальная ответственность в стране может быть измерена социальным положением граждан страны. Каково социальное положение граждан, такова и мера ответственности отечественного и иностранного бизнеса, ведущегося в стране. И в данном случае этот критерий или мера корпоративной социальной ответственности является объективной мерой, выраженной совокупностью условий жизни как в их материально-вещественном варианте, так и в варианте отношений или норм. Субъективной мерой корпоративной социальной ответственности является степень удовлетворения потребностей граждан страны, которая в абстрактном виде может быть выражена степенью удовлетворенности жизнью в целом. И со стороны субъекта данный критерий ответственности бизнеса является универсальным.

Другим аспектом достижения отечественными наемными работниками приблизительно одинакового положения с наемными работниками западных стран является заработная плата. Если мы отстаем по производительности труда, то еще больше отстаем по оплате труда. Труд наемных работников в России один из самых низкооплачиваемых. Отставание от Италии по производительности труда в 4 раза дает отставание в почасовой зарплате почти в 10 раз, «в силу чего имеется 2.5-кратная недоплата за труд»[10]. «Производительность в России ниже, чем в США в 5—6 раз, оплата труда — ниже в 15 и более раз. На Западе доля заработной платы составляет около половины стоимости произведенной продукции, у нас — лишь 7 %»[11]. На таком основании М. Николаев делает вывод: чтобы динамично развивать экономику, нужно первым делом повысить оплату труда, платежеспособность граждан. И сделать это повышением ее не на 10—20 %, а в разы. А также увеличить размеры пенсий и социальных пособий[12].

Заинтересован в повышении заработной платы и бизнес, осознающий, что повышение заработной платы влечет к повышению прибыли. При статическом рассмотрении выходит, что чем выше заработная плата, тем меньше прибыль, а чем ниже заработная

---

[10] *Михеев В. А.* Компетентность и ответственность бизнеса в условиях социального партнерства. // Конфликтология для XXI века: наука — образование — практика. Материалы Санкт-Петербургского международного Конгресса конфликтологов. Т. III. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та. 2010. С. 101.

[11] *Николаев М.* Бедность наскоком не одолеть // Труд. № 221. 20 ноября 2004.

[12] См.: Там же.

плата, тем она выше. Но другая картина наблюдается в динамике. Если растут, благодаря внедрению научно-технических достижений в производство, производительность труда и заработная плата, но при этом производительность труда растет быстрее заработной платы, то последняя в расчете на единицу продукции сокращается, а значит, уменьшаются издержки производства и растет прибыль. Рост прибыли, в чем заинтересованы работодатели, вполне совместим с ростом заработной платы, в чем заинтересованы наемные работники[13]. Опережающий рост производительности над ростом заработной платы создает действительную основу непротиворечивых взаимоотношений между государством, бизнесом и наемными работниками и укреплению социального партнерства.

Социальное партнерство в сфере труда как способ неконфликтных отношений в сфере социально-трудовых отношений становится зоной, свободной от конфликтов, универсальным способом предотвращения конфликтов, охватывающей все общественное целое. Именно в социальном партнерстве в полной мере корпоративная ответственность выражается в реальных действиях бизнеса, направленных «на обеспечение согласования интересов работников, работодателей по вопросам регулирования трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений»[14].

Социальное партнерство в сфере труда в Трудовом кодексе РФ строится в соответствии с основными принципами, которые в какой-то мере пересекаются с принципами современной медиации как инструмента или, лучше сказать, механизма урегулирования конфликтов. Социальное партнерство есть мирный способ взаимодействия основных субъектов социально-трудовых отношений. Это взаимодействие равных партнеров, интересы которых с обеих сторон уважаются и учитываются. Иначе нарушается равенство, исчезает уважение и учет интересов, мирный способ взаимодействия перерастает в свою противоположность — конфликт. В связи с этим можно говорить о социальном партнерстве как процессе постоянного поиска таких способов взаимодействия, которые следовали бы этим двум принципам — равноправию и уважению, учету интересов сторон. Социальное партнерство — это процесс, завершающий конфликтное взаимодействие, оно есть результат конф-

---

[13] См.: *Попов М. В.* Философия коллективно-договорных отношений // Теория и практика развития коллективно-договорных отношений в современной России. Материалы Российской научно-практической конференции. Нижний Новгород. 17 октября 2003 г. / Под ред. А. В. Золотова и О. А. Мазура. Невинномысск: Издательство Невинномысского института экономики, управления и права, 2003. С. 49.

[14] Трудовой кодекс РФ (ТК РФ): офиц. текст // Российская газета. № 256. 31 декабря 2001.

ликта или противоречия, которое воспроизводится в виде противоречия продавца и покупателя, между которыми ведется торг о цене покупаемого и продаваемого товара. На этом конфликте социальное партнерство может возникнуть как некоторый компромисс, как согласие в цене, имеющее временный и относительный характер. Постоянен лишь конфликт, принимающий разнообразные формы в зависимости от тех условий, которые находятся за пределами производства и которые тяготеют над обеими сторонами социального партнерства, определяют изменчивость договорных отношений и обязательность их исполнения взаимодействующими сторонами. Корпоративная социальная ответственность при этом подвергается серьезным испытаниям и принимает такую форму, которую только и может принять в сложившихся обстоятельствах и не может быть выше этих отношений. Поэтому в российской действительности, где бизнес еще не может отрешиться от погони за высокой прибавочной стоимостью, корпоративная социальная ответственность может получить свое развитие и утверждение в качестве всеобщей для бизнеса норме, в недрах социального партнерства, в рамках неконфликтного взаимодействия.

Социальное партнерство, осуществляясь в формах «коллективных переговоров по подготовке проектов коллективных договоров, соглашений и заключению коллективных договоров, соглашений; взаимных консультаций (переговоров) по вопросам урегулирования трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений...; участия представителей работников и работодателей в разрешении трудовых споров»[15], требует сегодня участия в его становлении, развитии и воспроизводстве специалистов в области ведения переговоров как со стороны работодателя, так со стороны наемных работников. Посреднические услуги в переговорах, осуществляемые специалистами по урегулированию трудового конфликта, являются не просто услугами, за которые производят оплату, — с социальной точки зрения они являются механизмом поддержания социально-партнерских отношений, механизмом, исключающим дополнительные нравственные издержки, связанные с конфликтом, они являются механизмом защиты достигнутого уровня социального партнерства на отдельных предприятиях и обществе в целом. Однако в статье 5 ФЗ РФ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)», принятого в июле 2010 и вступившего в силу в январе 2011 года, указывается, что «процедура медиации не применяется к коллективным трудовым спорам...», но может быть применена к спорам «возникающим из трудовых правоотноше-

---

[15] Там же.

ний...», если такие споры не «...затрагивают или могут затронуть права и законные интересы третьих лиц, не участвующих в процедуре медиации, или публичные интересы»[16]. Отказ законодателя от использования процедуры медиации в трудовых спорах или конфликтах влечет за собой на практике сдерживание развития института социального партнерства в стране, а тем самым и корпоративной социальной ответственности.

Посредничество в форме переговоров, медиации, становится особой деятельностью, особой профессиональной деятельностью, от результатов которой зависят, какими будут отношения после переговоров. Будут они справедливыми или же в результате этих переговоров у сторон сохранится чувство несправедливости? Будет ли договор/соглашение учитывать в полном объеме интересы договаривающихся сторон? И вообще состоится ли договор? На эти вопросы может дать ответ специалист в области переговорного процесса, специалист, обладающий специальными знаниями, навыками и умением вести переговоры, притом что на переговаривающиеся стороны не оказывается давления, ибо «процедура медиации проводится при взаимном волеизъявлении сторон на основе принципов добровольности, конфиденциальности, сотрудничества и равноправии сторон, беспристрастности и независимости медиатора»[17].

Посмотрите на основные принципы социального партнерства и увидите, насколько они коррелируют с принципами процедуры медиации. А так как корпоративная социальная ответственность есть вид или тип социального партнерства, то в результате переговоров могут быть достигнуты и приведены в действие такие отношения, которые будут демонстрировать необходимый сегодня как наемным работникам, так и всему обществу ответственный характер отечественного бизнеса.

Сегодня договор является основополагающим устным или письменным результатом, отношением, смыслом которого может быть и корпоративная социальная ответственность. Почему может быть? Потому что договору предшествуют переговоры, от которых и зависит содержание договора, зависит, насколько корпоративная социальная ответственность присутствует в данном договоре. А она может присутствовать в той или иной степени, удовлетворяющей обе стороны договорных отношений. Поэтому корпоративная социальная ответственность может приближаться либо удаля-

---

[16] Федеральный закон Российской Федерации от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)»: офиц. текст // Российская газета. № 5247. 30 июля 2010.

[17] Там же.

ться от интересов наемных работников, но не может быть выше этих интересов. В связи с этим корпоративная социальная ответственность не может быть навязана наемным работникам, она может быть отражением, оборотной стороной удовлетворенности условиями труда и отдыха, и вообще условиями жизни в целом. Поэтому российские наемные работники ратуют за такую социальную ответственность, которая соответствует ближайшим интересам, а они, как показывают результаты социологического опроса, приведенного нами чуть раньше, заключаются в нормальных условиях воспроизводства рабочей силы.

Удовлетворение интересов работников в то же время есть уважительное отношение к ним со стороны работодателей, есть равенство, пусть субъективное, воспринимаемое наемными работниками как равенство, пусть еще не действительное равенство, но равенство партнеров. Понятно, что партнерское равенство далеко от фактического равенства. Но понятно также и то, что в партнерских отношениях все виды неравенства исключаются и взаимодействие осуществляется между субъектами как равными производителями товаров и услуг, как равными участниками, входящими своими долями, долями субъективно равными и не только значимыми, но и необходимыми для производства товара или услуги. Мерой партнерских отношений является произведенный товар, даже еще не товар, а простой продукт, как продукт совместных усилий капитала и труда, как продукт предыдущего согласия и сотрудничества. Но в силу того что производство продукта есть такой же процесс, как и партнерство, сам продукт как некоторая завершенная форма этого производства, как некоторая материализованная сущность социального партнерства и корпоративной социальной ответственности становится мерой не абсолютной, а относительной. Относительной мерой он служит потому, что в нем представлен как постоянный, так и переменный капитал, то есть капитал и труд. Если постоянный капитал в продукте являет собой абсолютную меру и тем самым требует с необходимостью взаимопонимания и положительного взаимодействия работодателя и наемных работников, то труд, являясь переменной составляющей в продукте, не требует этого. Труд подвижен, труд есть деятельность, всякий раз зависимая как от внешних, так и от внутренних факторов и для своего осуществления требующая адекватных условий своего воспроизводства.

Перспективное понимание внутренней природы корпоративной социальной ответственности и ее вида социального партнерства требует присутствия третьего лица. И этим третьим лицом является государство, которое вмешивается и посредством права определяет и корпоративную социальную ответственность, и социальное партнерство, принуждает как к тому, так и к другому как работодателей, так и наемных работников. Но это принуждение оставляет в

стороне разворачивающийся в рамках корпоративной социальной ответственности конфликт, хотя не исключает его признанием забастовки как единственной формы конфликта в недрах социального партнерства. Выражая интересы капитала в его всеобщей форме — в форме продукта, государство с опаской относится к революционной составляющей этого продукта — к труду и тем демонстрирует ангажированность капиталом. Поэтому необходимо признать тот факт, что государство не является незаинтересованным третьим лицом во взаимоотношениях работодателя и наемного работника, напротив, оно — лицо, заинтересованное в таких отношениях, в которых бы первенствовал капитал, а корпоративная социальная ответственность была бы результатом не вынуждаемого со стороны наемных работников отношения, а добровольным актом самого капитала. Нельзя сказать, что государство проходит мимо злостных нарушений со стороны капитала в отношении существующих законов, Трудового Кодекса, но нельзя сказать и то, что государство тотально контролирует их исполнение со стороны работодателей. И все же государство в социально-трудовых отношениях не является слугой двух господ, а, будучи слугой одного господина, раболепствует перед ним, с превосходством взирая на пришедших за милостыней к господину.

Корпоративная социальная ответственность как социальное партнерство есть результат переговоров сторон, которые отдельно друг от друга существовать не могут. Бытием их совместного существования, как мы стремились показать, является объективно представленный продукт, который только мысленно может быть разделен на такие его составляющие, как капитал и труд. Как заметил в свое время К. Маркс, превращение труда в капитал проходит через конфликт. И в этом конфликте государство как третье лицо может играть роль силы, принуждающей стороны к бесконфликтному взаимодействию.

Однако не всегда принуждение приводит к миру. Принуждение таит в себе неподчинение принуждению, что мы постоянно наблюдаем в пренебрежении бизнесом им же признанными законами или наемными работниками — правилами ведения забастовочной борьбы. И это неподчинение принуждению говорит о необходимости добровольного исполнения правил или требований, становление которых обусловлено велением времени, изменившейся деятельности, условий, потребностей и интересов. Понятно, что изменения до степени экономической, социальной и политической необходимости затрагивают не всех и не в одно время. И потому государственный закон существовать может долго и до тех пор, пока то или иное отношение будет требовать государственного принуждения. Но вновь нарождающиеся отношения как некоторая потребность, а тем самым и необходимость, еще не регулируемые

государством, всегда есть отношения добровольные, но не всегда получающие завершения лишь потому, что переговоры как предшественники договоров осуществляются по правилам, принятым в обществе. И потому многие отношения завершаются разрывом, перестают существовать, не успев зародиться. В подобных случаях медиация, которую можно назвать социальной медиацией, может и должна, используя свои принципы, сыграть существенную роль в становлении бесконфликтных отношений.

Посредничеством в обществе, чем и является медиация, сегодня занимаются многие институции. К ним могут быть отнесены церковь, СМИ, экстрасенсы или сверхчувствительные люди, брачные агентства, различные клубы, которые помимо основной своей функции исполняют и посредническую функцию. Посреднические отношения являются либо основными, либо сопутствующими той или иной деятельности. Даже преподаватель вуза, хочет он того или нет, осуществляет посредническую функцию между объективно представленным знанием и обучающимися. Поэтому можно сказать, что мы живем в мире опосредований, и сущность человека определяется не им самим, а всем тем, что его опосредует. Медиативные перспективы корпоративной социальной ответственности в современной России обнадеживают. Без медиации современное общество совершенно разучится договариваться, что, в крайнем случае, чревато усилением необъяснимых протестных движений, ростом как системной, так и несистемной оппозиции. Ибо традиционные формы посредничества, например, средства массовой информации — розы нравственного духа среди шипов современности, как говорил о печати раннего капитализма К. Маркс[18], — исчерпали свой нравственный потенциал и стали настолько меркантильными, насколько и безнравственными. Они стали рупором одного еще не совсем осознавшего свою силу и мощь класса — того класса, экономическая власть которого оказывает влияние на все поры социальной, политической и культурной жизни.

6.2. Медиация, управление конфликтом и ответственность

В предшествующих рассуждениях мы старательно уходили от толкования ответственности как категории поведения в конфликте. Действительно, данное понимание ответственности носит скорее технологичный, чем концептуальный характер. Тем не менее

[18] См.: *Маркс К.* Запрещение «Leipzieger allgemeine Zeitung» // *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Соч. Т. 1. М.: Издание второе; Гос. изд-во полит. литерат., 1955. С. 167.

размышления об ответственности как категории конфликтологии не могут быть полными без описания и данного вида отношений в конфликте.

Здесь следует сказать о том, что выделить некие стандартные, универсальные, обязательные для всех участников социальных отношений «правила боя» достаточно тяжело. Да, мы имеем некие бытовые представления об этике или даже этикете борьбы в широком смысле этого слова — не бить лежачего или более воинственное правило — бить первым. Разнообразие конфликтов, зачастую приводящее исследователей к методологическому тупику в деле типологизации этого явления в стройную и предельную по своим характеристикам систему понятий, диктует и разнообразие норм, регламентирующих правила конфликтного поведения сторон противоборства. Эти правила в лучшем случае носят фрагментарный, дифференцированный характер, и зависят от того, о каком конкретном конфликте идет речь. При этом огромный массив конфликтов носит неинституциализированный характер, позволяя участникам конфликтных отношений не отягощать себя формализованными стратегиями конфликтного поведения, особенно в случае с нереалистичными конфликтами.

В то же время нельзя не упомянуть об имеющихся попытках отечественных исследователей, в главную очередь Н. В. Самсоновой, использовать методологию конфликтологии для создания концепции культуры поведения в конфликте, точнее конфликтологической культуры специалиста, предполагающую, в том числе, и наличие у человека в его профессиональной деятельности универсальных правил конфликтного поведения, сдерживающих конфликты, в первую очередь связанные с выполнением им своих трудовых обязанностей, в рамках разумного, рационального, конструктивного способа взаимодействия участников социальных отношений. Н. В. Самсонова описывает аргументы, которые, на ее взгляд, требуют ввести понятие конфликтологической культуры специалиста в научный оборот, а в качестве конечной цели — ввести задачу формирования конфликтологической культуры в число обязательных педагогических задач подготовки специалистов[19]. Цепочка рассуждений здесь следующая. Практически любая профессиональная среда неизбежно носит конфликтогенный характер. Неразрешенные конфликты в рамках трудовых отношений оказывают негативное влияние на производительность труда и на эффективность работников. Необходимо, чтобы у работников был сформирован набор специфических компетенций, которые не поз-

---

[19] *Самсонова Н. В.* Конфликтологическая культура специалиста и технология ее формирования в системе вузовского образования. Калининград.: Изд-во КГУ, 2002. С. 5—8.

воляли бы конфликтам оказывать негативного влияния на производительность труда, но, наоборот, способствовали бы через свое разрешение, то есть снятие предмета противоречия, оптимизации трудового процесса, повышению эффективности труда, исключению из жизни коллектива проблем, мешающих работе, сигналом о которых и был искомый конфликт.

Таким образом, из вышеуказанных положений можно сделать вывод, что, фактически, конфликтологическая культура специалиста предполагает формирование профессионала как субъекта ответственности в потенциальном конфликте в рамках выполнения им своих трудовых обязанностей. Инстантом ответственности здесь может быть трудовой коллектив, организация, в которой работает специалист, профессиональное сообщество, если оно в достаточной мере сформировано. Конфликтологическая культура как профессиональная компетенция предполагает, естественно, лишь некое качество, формируемое в ходе подготовки специалиста. Это пока лишь то, что называется еще иногда «чувством ответственности», которое в перспективе может разве что способствовать возникновению отношений ответственности в конфликте, а отнюдь не предопределять со всей неизбежностью, что данные отношения возникнут. Сами эти отношения, очевидно, могут быть описаны таким образом, что ответственность специалиста в конфликте заключается в следовании определенным правилам поведения, с тем чтобы не нанести вред инстанту ответственности — трудовому коллективу, организации и т. п.

Вместе с тем, ясно, что профессиональная компетенция может не только носить характер добровольной повинности, некоего морального обязательства, но и быть закреплена уставами организаций, профессиональными кодексами и т. п. Примером этому служит явление корпоративной (организационной) культуры, которая, среди прочего, предполагает допустимые и недопустимые стили поведения в конфликте. Современные концепции корпоративной культуры в части, касающейся управления конфликтами в организации, до определенной степени представляют собой попытки найти баланс между подавлением и признанием конфликтов внутри корпорации. С одной стороны, утверждается, что конфликт и культура есть вещи прямо противоположные, то есть отсутствие конфликтов в жизни кампании — показатель ее высокой эффективности и результативности. С другой стороны, признается, что конфликт носит и положительные черты, то есть способствует выявлению, а главное, решению проблем, возникающих в организации. Ответственность в конфликте, в свою очередь, предполагает следование корпоративной культуре, в некотором роде служащей посредником между конфликтующими сторонами, позволяя им минимизировать негативное влияние конфликта на жизнь органи-

зации и в полной мере использовать все те позитивные качества, которые он в себе может нести[20].

Необходимо признать, что развитие концепции конфликтологической культуры специалиста является важной попыткой сформулировать необходимый набор качеств для формирования ответственного поведения в конфликте, хотя бы в том пространстве, которое институциализировано, то есть в профессиональной среде.

Описанная нами выше ответственность субъекта профессиональных отношений иллюстрирует поведение в конфликте, по преимуществу, непосредственных участников конфликтных отношений, но не менее важным является описание ответственности тех, для кого участие в конфликте является профессиональной обязанностью и чья ответственность, в силу этого, должна быть точно определена. Наши дальнейшие рассуждения будут касаться специфических конфликтных отношений, имеющих пока еще весьма небольшую историю применения в России, но в то же время и большие перспективы. Речь идет о различного рода процедурах урегулирования конфликтов, в первую очередь процедуре альтернативного разрешения споров — медиации, и об ответственности участников этой процедуры.

Как уже было сказано выше, ответственность сторон в неинституциализированных конфликтах крайне тяжело анализировать. Формализованная процедура конфликта, к коей относится медиация, позволяет в силу своей упорядоченности проанализировать явление ответственности в конфликте более четко. Естественно, чтобы это сделать, для начала необходимо сказать несколько слов о том, что́ представляет из себя данная процедура. Медиация — это одна из технологий разрешения и урегулирования конфликтов. Главной ее особенностью является то, что в помощь непосредственным участниками конфликта присоединяется посредник — медиатор, с тем чтобы формализовать процесс конфликтного взаимодействия и помочь сторонам достичь взаимовыгодного или хотя бы приемлемого завершения конфликта. Нам интересна эта процедура еще и тем, что в ней снова звучит тема посредничества в конфликте, которую мы уже поднимали. Там государство также опосредовало социальный конфликт через технологии политики и управления, беря на себя ответственность совершить конфликтные действия вместо инстанта ответственности. В случае с медиацией это посредничество имеет совершенно иную природу. Медиатор не берет на себя ответственность за разрешение конфликта или за удовлетворения конфликтных интересов сторон — его ответст-

---

[20] См.: *Тюкавкин Н. М.*, *Цаплина Н. А.* Корпоративная культура и конфликты // Кадровик. 2008. 7. С. 36—41.

венность несколько иного рода. Он призван только помочь сторонам урегулировать имеющиеся между ними противоречия через организацию такого пространства взаимодействия между сторонами, которое максимально способствовало бы качественному разрешению конфликта. Фактически, ответственность медиатора и сторон в такой формализованной процедуре конфликта вытекает из правил, принципов и норм медиации, которые были выработаны и закреплены в длительном процессе развития данной технологии. Чтобы понять суть этих принципов, мы должны обратиться к историческому генезису альтернативного урегулирования споров.

Итак, оставляя за пределами анализа существовавшие на всем протяжении видимой истории человечества подобные формы посредничества как альтернативные способы разрешения споров, скажем, что институт медиации в современном своем виде возникает в США в середине XX века. В целом можно выделить несколько принципиальных моментов в истории американской медиации, во многом повлиявших на ее современный глобальный облик. Первая веха — рост рабочего движения в США и соответственно увеличение количества производственных конфликтов, забастовок, стачек, сторонами которого были ассоциации наемных работников и работодатели. Первым таким конфликтом, который потребовал вмешательства властей США, а именно Президента М. ван Бюрена, была забастовка в 1848 году рабочих верфи. В 1902 году в своем послании к Конгрессу США Президент Т. Рузвельт после серии забастовок в угольной промышленности признает наличие общественных интересов в отношениях работодателя и работника, тем самым подчеркивая ответственность государства как посредника в данных конфликтах. В 1918 году посредническая функция федерального правительства в производственных конфликтах закрепляется появлением в Министерстве труда Согласительной службы (US Conciliation Service). Завершает этот этап развития медиации принятие в 1947 году Закона об отношениях наемного труда и менеджмента (Taft-Hartley Act) и создание Федеральной службы посредничества и примирения (Federal Mediation and Conciliation Service (FMCS)) в качестве независимого агентства правительства США. Агентству поставлена задача предотвращения и минимизации негативного влияния конфликтов между работниками и работодателями на экономику через проведение процедур медиации, примирения, добровольного арбитража.

Вторым важным моментом, распространившим процедуру медиации за пределы исключительно производственных отношений, стало появление в 1960—1970 годы локальных негосударственных организаций, таких как Neighborhood Justice Centers, предложивших услуги разрешения бытовых споров между соседями через ис-

пользование процедуры медиации[21]. Успеху таких процедур способствовали и специфические правила американского судопроизводства (American Rule), по которым судебные издержки несут обе стороны, независимо от того, кто в конечном счете выиграл спор. В случае экономических споров суммы данных издержек зачастую превышали экономический выигрыш от победы в суде. Поэтому разрешение споров в суде оказалось многим американцам не по карману и указанные негосударственные организации, предложившие похожую услугу с низким порогом доступа, могущую носить не публичный, конфиденциальный характер, оказались востребованными.

Третьим моментом, теоретически обосновавшим медиацию как эффективную процедуру с позиции академической науки, стала публикация результатов исследований профессоров Гарвардской школы права Р. Фишера и У. Юри под заголовком «Путь к согласию» («Getting to Yes»)[22]. Суть предложенной концепции базировалась на преимуществах альтернативного разрешения споров по отношению к судебной процедуре. Главным образом, это касалось разграничения понятий позиции в конфликте и интереса. Позиция стороны в конфликте, с которой, в первую очередь, и имеет дело традиционный суд, по большому счету, представляет собой лишь мнение стороны, как бы могла выглядеть ее победа в этом споре. Зачастую данная позиция формируется стихийно, эмоционально, а главное, почти всегда неизбежно носит антагонистический характер по отношению к такой же позиции противоположной стороны. В интересе же, в свою очередь, обнаруживаются фрустрированные потребности сторон, которые и подтолкнули стороны к конфликту, — именно они определяют реалистичный объект и предмет конфликта. Исходя из этого, во-первых, традиционное судебное разбирательство по поводу юридически сформулированной позиции сторон не может в полной мере удовлетворить всех — всегда будет ситуация выигрыш/проигрыш, а то и проигрыш/проигрыш, во-вторых, даже выигрыш одной из сторон в виде удовлетворения позиции не означает удовлетворение интереса — а значит, истинная причина конфликта не снята, в-третьих, помимо всего прочего, руководствуясь законом, суд вообще может не удовлетворить позиции ни одной из сторон, если это не вписывается в прокрустово ложе права. Таким образом, присутствие даже одного из этих условий не позволяет полностью снять причину конфликта, чтобы он не заставил стороны в будущем вернуться к выяснению отноше-

---

[21] *McGillis D.* Neighborhood Justice Centers And The Mediation Of Housing-Related Disputes // Urban Law Annual. 1979. N 17 (245). P. 245–269.

[22] *Fisher R., Ury W., Patton B.* Getting to Yes: Negotiating Agreement Without Giving // New York: Houghton Mifflin Harcourt, 1991. P. 3–94.

ний. Медиация же, ориентируясь на интересы сторон, не ограничивая себя исключительно рамками закона, гораздо ближе может подойти к снятию причины конфликта и к достижению ситуации выигрыш/выигрыш в споре.

Наконец, четвертым моментом, завершившим признание медиации в США как технологии урегулирования споров, является принятие в 1990 году Закона о реформировании гражданского судопроизводства в США (Civil Justice Reform Act) и принятие в 2001 году Закона о медиации (Uniform Mediation Act). Эти нормативные акты закрепили медиацию в правовой системе США и способствовали имеющемуся на сегодняшний день широкому применению этой процедуры.

Таким образом, принципы и правила медиации — добровольность, конфиденциальность, равноправие сторон, беспристрастность медиатора и т. д., — сущностно заключающие в себе ответственность участников в формализованном конфликте, которые мы подробно проанализируем ниже, во многом детерминированы историей развития этой процедуры в США.

Развитие альтернативного урегулирования споров в России имеет немногим более 20-летнюю историю. Первое упоминание в российском законодательстве о возможности реализации права на обращение в третейский суд к посреднику содержалось в Законе РСФСР «Об арбитражном суде» (№ 1543-1 от 04.07.1991). Фактически, всю историю медиации в России можно разделить на два этапа: до и после вступления в силу в 2011 году Федерального закона РФ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (№ 193 ФЗ от 27.07.2010). Усилиями многих ученых и практиков медиация в России развивалась опережающими и общество, и государство темпами. Работе энтузиастов мешало не только отсутствие правовых основ их деятельности, но и чрезвычайно небольшое количество профессиональных медиаторов в стране, недоверие населения к этой процедуре. Принятие закона, конечно же, придало большой импульс развитию этой процедуры, несмотря на то что сам он часто подвергается критике профессионального сообщества медиаторов[23]. Значение закона выразилось в том, что, во-первых, процедура медиации получила признание со стороны государства как законный способ урегулирования правового спора, во-вторых, государство признало не только законность медиации, но и законность ее результатов, то есть медиативного соглашения сторон,

---

[23] См.: *Севастьянов Г. В.* Современные тенденции развития АРС в России // Развитие медиации в России: теория, практика, образование: сб. статей / Под ред. Е. И. Носыревой, Д. Г. Фильченко. М.: Инфотропик Медиа; Берлин, 2012. С. 32—37.

в-третьих, принятие закона позволило вести речь о создании внеправовой альтернативной системы разрешения конфликтов в России[24]. Для наших же рассуждений основное значение указанного Федерального закона заключается в том, что он закрепил понятие о медиаторе, процедуре и принципах медиации, внес еще ряд существенных положений, позволяющих определить ответственность участников медиации в конфликте. Ведение конфликта посредством использования медиации налагает на участников данного процесса обязательства соблюдать правила данного процесса и, естественным образом, брать на себя ответственность в конфликте в рамках определенной процедуры медиации. Остановимся подробнее на данных принципах и правилах конфликтного поведения.

Повторим, что в самом общем виде медиация — это переговоры с участием третьей стороны. При этом сама третья сторона не имеет каких-либо интересов в конфликте, заключенных в его объекте и предмете. Единственный интерес, который есть у медиатора, состоит лишь в том, чтобы стороны максимально выгодно для себя разрешили имеющийся у них конфликт. Но даже для того чтобы удовлетворить этот свой небольшой интерес, медиатор не может выходить за рамки обозначенной в медиации процедуры и нарушать ее принципы. В конечном счете, основная цель и мера ответственности медиатора заключена в том, чтобы полностью следовать правилам медиации. Так же и стороны, вступая в процедуру медиации, обязаны быть верными ее правилам, иначе медиация не состоится, и в этом тоже есть мера их ответственности. В целом, для медиации присуще стремление к установлению сотрудничества в конфликте, которое и должно привести к успеху в разрешении конфликта. Ориентация на сотрудничество традиционно, начиная с исследования Р. Фишера и У. Юри, считается важным преимуществом медиации по сравнению с судебным разбирательством. В связи с этим рекомендуется обращаться за помощью к медиатору в тех случаях, когда будущее отношений между конфликтующими сторонами имеет высокое значение. Неуместно обращаться к медиатору, если речь идет о преступлениях, если сторона или стороны недееспособны, если хотя бы одна из сторон по какой-то причине не хочет урегулировать конфликт.

Правда, здесь, в связи с принятием упомянутого закона о медиации, следует сделать важную оговорку. На сегодняшний день, в российской практике уместно говорить, фактически, о двух видах медиации. Первый вид медиации — это процедура, предлагавшаяся конфликтантам различными негосударственными организациями до принятия закона и руководствовавшаяся устоявшимися пра-

---

[24] *Загайнова С. К.* Современные проблемы и перспективы развития практической медиации в России // Там же. С. 15—17.

вилами и принципами медиации, которую мы назовем условно внесудебная медиация. Второй вид — это, собственно, медиация в судах. В последнем случае помимо общепринятых в профессиональном сообществе норм медиации есть и ряд иных ограничений, касающихся как фигуры медиатора, так и тех споров, которые могут стать предметом разбирательства в ходе судебной медиации[25].

Начнем с обсуждения того, как законодатель определил предмет, на который направлено действие закона о медиации в судах. В части 2 статьи 1 закона указано, что медиация может быть применена только к тем спорам, которые вытекают из гражданских правоотношений. Таким образом, круг конфликтов, к разрешению которых можно применить данную процедуру, ограничен законом только правовыми спорами, то есть спорами, связанными с реализацией прав и обязанностей участников правоотношений. Соответственно, к не связанным с реализацией прав и обязанностей конфликтам данная процедура применяться не может. Помимо указанного ограничения эта же статья определяет конкретные сферы конфликтов, где может быть применена данная процедура, а именно споры, возникающие в рамках гражданских, трудовых и семейных отношений.

Законодатель также определяет процедуру и цель медиации как процедуру урегулирования спора при содействии медиатора на основе добровольного согласия сторон в целях достижения ими взаимоприемлемого решения, что в общем релевантно традиционному представлению о медиации. Что касается фигуры медиатора, то помимо имеющихся к нему требований закон содержит несколько положений, требующих отдельного рассмотрения. Первое, на что обращается внимание при исследовании закона, — введение разграничения на профессиональных и непрофессиональных медиаторов, с соответственно дифференцированным подходом в части требований к ним. Так, осуществлять функцию медиатора могут исключительно физические лица, возрастной ценз для непрофессиональных медиаторов составляет 18 лет, для профессиональных — 25 лет, в качестве обязательного условия указывается полная дееспособность, отсутствие судимости. Медиаторами не могут быть лица, замещающие государственные должности. Для профессиональных медиаторов дополнительно устанавливается образовательный ценз (наличие высшего образование), необходимость специальной подготовки, в порядке утвержденным Постановлением Правительства РФ «О программе подготовки медиаторов»

---

[25] См.: Комментарий к Федеральному закону «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» / Отв. ред. С. К. Загайнова, В. В. Ярков. М.: Инфотропик Медиа, 2011. С. 3–26.

(№ 969 от 03.12.2010 г.). Отличием профессионального от непрофессионального медиатора является то, что последний не может проводить процедуру медиации по спорам, находящимся в производстве суда, третейского суда, быть учредителем или членом саморегулируемой организации медиаторов, рекламировать свою деятельность. При этом медиатор лишь непосредственно проводит процедуру медиации. Обеспечением проведения процедуры медиации должны заниматься специальные организации, требования к которым перечислены в законе. Это могут быть исключительно юридические лица, для которых данная деятельность должна носить профильный характер. Кроме прочего данные организации уполномочены совершать такие действия: по просьбе одной из сторон делать предложение другой стороне об обращении к процедуре медиации, рекомендовать сторонам кандидатуру медиатора, утверждать правила проведения процедуры медиации и, что немаловажно, нести ответственность перед сторонами за причиненный в результате проведения процедуры медиации вред. Также законом утверждается порядок заключения соглашений, необходимых для того чтобы медиация состоялась.

Теперь ключевой для нашего рассмотрения момент — принципы медиации. В целом, принципы медиации, выработанные профессиональным сообществом, полностью нашли свое отражение в законе. Перечень этот содержится в статье 3 Федерального закона и состоит из следующих принципов:

1) добровольность,
2) конфиденциальность,
3) сотрудничество и равноправие сторон,
4) беспристрастность и независимость медиатора.

Данные принципы условно делят на два блока по признаку их функционального назначения: принципы, характеризующие особенности организации медиации и статус ее участников (организационные принципы), и принципы, характеризующие порядок проведения медиации (процедурные принципы). Соответственно, принципы добровольности, а также беспристрастности и независимости медиатора можно отнести к первой группе, принципы конфиденциальности, сотрудничества и равноправия сторон — ко второй[26]. Остановимся на каждом из них подробнее.

Принцип добровольности касается всех участников процедуры медиации. В целом, его появление обусловлено всей историей развития медиации как института урегулирования споров. Более того, как кажется, данный принцип может быть признан краеугольным

---

[26] Комментарий к Федеральному закону «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)». С. 43.

камнем медиации, чему есть ряд причин. Во-первых, добровольность участия в медиации вытекает уже из того, что эффективность медиации напрямую связана с желанием сторон разрешить имеющиеся у них противоречия. Любое принуждение стороны к разрешению спора уже делает медиацию невозможной. Во-вторых, добровольность подразумевается не только по отношению к «входу» в процедуру медиации для каждой стороны, но и относительно их желания прекратить медиацию по первому требованию. В-третьих, добровольность по отношению к принятию медиативного соглашения дает наиболее значимое преимущество медиации по отношению к судебной процедуре, в которой вариант разрешения конфликта, по сути, навязывается сторонам судьей и законом. Это решение отчуждено от сторон, не принадлежит им, оно может казаться им несправедливым, нелегитимным, навязанным государством для исполнения. Между тем, в медиации соглашение, результирующее и заканчивающее конфликт, принадлежит исключительно сторонам. Оно не предлагается никем, даже медиатором, задача которого лишь обеспечить инфраструктуру принятия медиативного соглашения. Более того, навязывание варианта решения, подталкивание к нему является со стороны медиатора грубой методической ошибкой и может привести к неисполнению сторонами достигнутого соглашения. Напротив, добровольно и самостоятельно принятое решение о варианте прекращения конфликта становится обстоятельством наряду с взаимовыгодностью соглашения, заставляющим стороны в дальнейшем придерживаться его. Таким образом, для рассмотрения понятия ответственности в конфликте принцип добровольности представляется чуть ли не наиболее важным, ибо определяет качество этой ответственности, природа которого не лежит в неких императивах, навязанных субъекту, а является порождением его свободной воли. Субъект ответственности, добровольно вступая в отношения медиации, без малейшего принуждения со стороны государства или противоположной стороны берет на себя сначала обязательство соблюдать «правила боя», а потом еще и обязательство придерживаться договоренностей, в ходе данного боя достигнутых. Имеющиеся зарубежные примеры квазиобязательной медиации позволили сделать вывод, что такая медиация менее эффективна, чем добровольная[27], что, конечно, подтверждает изложенные нами выше положения. Как

---

[27] *Hazel Genn D., Fenn P., Mason M., Lane A., Bechai N., Gray L., Vencappa D.* Twisting Arms: Court Referred and Court Linked Mediation Under Judicial Pressure // Ministry of Justice Research Series. 2007. N 1/07. URL: http:// webarchive.nationalarchives.gov.uk/20100505212400/ http://www.justice.gov.uk/publications/docs/Twisting-arms-part1.pdf (дата обращения: 05.03.2013). P. 196—204.

уже было сказано, в отношении непосредственных сторон медиации принцип добровольности обнаруживается в инициировании медиации исключительно на основе взаимной договоренности сторон, в возможности прекратить медиацию в любой момент. Российское законодательство не предполагает, что для выхода из медиации стороны обязательно предъявляют мотивы; в зарубежном законодательстве есть опыт, когда в качестве «наказания» за немотивированный выход из медиации на сторону, инициировавшую прекращение медиации, налагались все издержки, связанные с дальнейшим рассмотрением дела в обычном суде[28]. Принцип добровольности продолжает действовать также и после завершения процедуры медиации в отношении исполнения медиативного соглашения, которое, согласно закону, зависит исключительно от свободной воли и добросовестности сторон. В отношении к медиатору данный принцип тоже является обязательным и выражается в добровольности вступления и продолжения примирительной процедуры. Если медиатор полагает дальнейшее проведение медиации нецелесообразным, то может самостоятельно прекратить процедуру.

Следующим принципом является принцип независимости и беспристрастности медиатора. Данный принцип также обусловлен самой философией медиации. Если участие в медиации добровольно и стороны вольны выйти из процедуры в любой момент, то любые подозрения сторон в нарушении медиатором данных принципов сразу же повлекут за собой прекращение примирительной процедуры, что выгодно отличает медиацию от судебного разбирательства, где имеется похожий принцип — принцип независимости судей, но его соблюдение сопровождается гораздо большими трудностями. Другим же моментом, обеспечивающим априори соблюдение данного принципа, является описанное нами правило принятия результирующего решения, ответственность за которое целиком лежит на сторонах и не должно подвергаться влиянию медиатора, что также делает бессмысленным склонение медиатора к поддержке той или иной стороны.

Принцип конфиденциальности как самого факта проведения медиации, так и сущностного содержания этой процедуры еще более явственно демонстрирует традиционное противопоставление процедуры медиации судебному спору, краеугольными принципами которого, как известно, являются гласность и открытость судебного состязания. Это не только еще раз подчеркивает различие судебного разбирательства и медиации, но и дает последней определенное преимущество, ведь, возможно, именно нежелание сто-

---

[28] См.: Комментарий к Федеральному закону «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)». С. 47—48.

рон полностью разглашать относящуюся к существу спорного вопроса информацию и не позволяло достичь мирного соглашения в ходе рассмотрения дела в суде. Принципу конфиденциальности традиционно придается огромное значение как в литературе по медиации, так и в нормативных актах, регулирующих в России и в мире данную процедуру. Принцип конфиденциальности информации подробно раскрывается в статьях 5 и 6 профильного Федерального закона. Указывается, что при процедуре медиации сохраняется конфиденциальность всей относящейся к указанной процедуре информации, если иное не предусмотрено федеральными законами или дополнительными договоренностями сторон. Медиатор также не вправе разглашать информацию, ставшую ему известной в ходе медиации, без согласия сторон. Более того, Федеральный закон содержит перечень информации, на которую в дальнейшем нельзя ссылаться сторонам и организаторам медиации, если нет иных договоренностей, в частности речь идет о высказанных сторонами в отношении возможности урегулировании спора мнениях и предложениях, сделанных ими признаниях и т. п. Помимо внешней по отношению к процедуре медиации информационной блокады в законе раскрываются и внутренние информационные фильтры, касающиеся разглашения информации, полученной одной стороной от другой, в случае если на то не получено ее согласие. Ответственность медиатора за нарушение данного принципа не совсем ясно определена законом. Подробнее на этой проблеме мы остановимся ниже.

Принцип сотрудничества и равноправия сторон, хотя и объединяет две основы медиации, предполагает самостоятельное их существование. Сотрудничество в данном смысле есть не стратегия поведения в конфликте наряду с соперничеством, уходом и т. п., а, скорее, принцип организации процесса. Сотрудничество здесь противопоставляет себя состязательности судебного процесса. Вступая в процедуру медиации, стороны берут на себя ответственность за разрешение конфликта до той степени взаимовыгодности, которая позволит снять противоречие раз и навсегда. Фактически, речь здесь идет об отказе сторон от собственной единоличной победы в ущерб оппоненту, что может выглядеть тактической неудачей, но в итоге оборачивается стратегической победой. Принцип равноправия здесь вполне релевантен аналогичному принципу, имеющемуся в судебной процедуре.

Помимо перечисленных законом принципов иногда указываются и некоторые другие, например принцип самостоятельности сторон и принцип профессионализма медиатора[29]. Принцип само-

[29] Там же. С. 65–73.

стоятельности сторон обнаруживает себя в содержании и процедуре медиации. Самостоятельность в определении содержания процедуры медиации означает, что стороны сами решают, какие вопросы будут включены в повестку медиации, которую далее могут при взаимном согласии многократно менять, что опять же отличает медиацию от судебной процедуры, где повестка закреплена нормативно, в частности иском. С точки зрения процедуры, стороны также самостоятельно при взаимном согласии могут вносить собственные штрихи в ход медиации, естественно, не нарушая ее базовых принципов. Хотя медиатор не вмешивается в процесс формирования данных правил, тем не менее после того как условия рассмотрения вопроса сторонами определены, он может требовать строгого соответствия действий сторон достигнутым договоренностям. Принцип самостоятельности в распределении ролей в медиации преследует цель генерации ответственности участников конфликта за свои действия в рамках медиации и за выработанные непосредственно ими результирующие конфликт соглашения. И, наконец, принцип профессионализма медиатора, в котором, в целом, раскрывается природа ответственности медиатора в конфликте, необходимо рассмотреть отдельно.

Принцип профессионализма медиатора, не будучи закреплен специально нормой, тем не менее имеет определяющее значение как для успешного развития медиации в России, так и для раскрытия специфики природы ответственности медиатора. Наиважнейшим здесь является вопрос доверия. Исторически развитие медиации, как мы показали выше, шло, скорее, снизу и далее лишь легализовалось правительством. Российский опыт развития медиации складывался примерно в том же ключе. Соответственно, деятельность медиатора долгое время не рассматривалась с позиции внешнего контроля над ним. Деятельность медиатора регулировалось исключительно добровольным следованием правилам профессиональной этики, что, естественно, делало вопрос ответственности медиатора за свои действия немаловажным. Тем не менее исследователи медиации и практикующие медиаторы отмечают, что вопрос внешнего контроля над деятельностью медиатора все чаще становится объектом внимания как со стороны государства, так и со стороны потенциальных потребителей данной услуги. Далее мы рассмотрим проблему ответственности медиатора в конфликте как со стороны самоконтроля медиатора, так и с позиции внешнего контроля над деятельностью медиатора.

Исследование внешнего контроля над соблюдением правил и принципов медиации представляется с точки зрения проблемы ответственности гораздо более легкой задачей, чем саморегулирование. Действительно, ответственность здесь связана с наступлением последствий за нарушение нормы. Есть норма — есть ответствен-

ность за пренебрежение ею. Как уже отмечалось, данная проблема до последнего времени не была актуальной. Точнее, не была актуальной в западной практике. Тем не менее имевшиеся случаи жалоб на недобросовестность медиаторов, чаще всего связанные с утечкой конфиденциальной информации, видимо, могут привести к созданию системы внешнего контроля над деятельностью сообщества посредников. Косвенно об этом свидетельствует то, что относительно недавно медиаторы начали страховать свою ответственность в рамках осуществления ими своей профессиональной деятельности[30].

Российская практика медиации, скорее всего, гораздо быстрее, чем западная, подвергнется такому внешнему контролю. Этому способствует, как представляется, небольшой опыт саморегулирования, присущий россиянам. Муниципальное самоуправление, которое так и не смогло за 20 постсоветских лет выбраться с обочины политической жизни в России, — тому свидетель. И здесь также всплывает проблема ответственности. Процедура медиации целиком выстроена вокруг ответственности сторон за свои решения, поведение в конфликте, свои конфликтные интересы, даже ответственности перед своим оппонентом и ответственности перед медиатором. Традиционная судебная процедура, скорее, являет пример конфликтной ответственности, суть которой была раскрыта в предыдущей главе. Здесь стороны передают свой конфликтный интерес судье, действующему от имени государства, фактически, снимая с себя ответственность в части удовлетворения собственного конфликтного интереса. Ситуация с медиацией демонстрирует, что граждане склонны гораздо более к отношениям конфликтной ответственности государства перед ними, нежели к собственной ответственности в конфликте — даже процедуру медиации считают необходимым подстраховать государственными гарантиями. Выше мы описывали, что принципы медиации, в целом, не являются внешними по отношению к процедуре медиации, они не навязаны медиатору, а целиком и полностью вытекают из сути примирительной процедуры. Нарушение этих принципов делают медиацию не просто нелегитимной, а невозможной. Внешний контроль здесь, как уже было сказано, имеет избыточный характер, ибо инфраструктура медиации предоставляет сторонам все инструменты контроля над соблюдением принципов, правил и целей медиации. Тем не менее Федеральный закон очерчивает контуры внешнего контроля над деятельностью медиатора, внимание которым, безусловно, необходимо уделить.

Статья 17 Федерального закона о медиации так и озаглавлена: «Ответственность медиаторов и организаций, осуществляющих де-

---

[30] См.: *Шамликашвили Ц. А.* Ответственность медиатора // Медиация и право. 2011. № 1 (19).

ность за пренебрежение ею. Как уже отмечалось, данная проблема до последнего времени не была актуальной. Точнее, не была актуальной в западной практике. Тем не менее имевшиеся случаи жалоб на недобросовестность медиаторов, чаще всего связанные с утечкой конфиденциальной информации, видимо, могут привести к созданию системы внешнего контроля над деятельностью сообщества посредников. Косвенно об этом свидетельствует то, что относительно недавно медиаторы начали страховать свою ответственность в рамках осуществления ими своей профессиональной деятельности[30].

Российская практика медиации, скорее всего, гораздо быстрее, чем западная, подвергнется такому внешнему контролю. Этому способствует, как представляется, небольшой опыт саморегулирования, присущий россиянам. Муниципальное самоуправление, которое так и не смогло за 20 постсоветских лет выбраться с обочины политической жизни в России, — тому свидетель. И здесь также всплывает проблема ответственности. Процедура медиации целиком выстроена вокруг ответственности сторон за свои решения, поведение в конфликте, свои конфликтные интересы, даже ответственности перед своим оппонентом и ответственности перед медиатором. Традиционная судебная процедура, скорее, являет пример конфликтной ответственности, суть которой была раскрыта в предыдущей главе. Здесь стороны передают свой конфликтный интерес судье, действующему от имени государства, фактически, снимая с себя ответственность в части удовлетворения собственного конфликтного интереса. Ситуация с медиацией демонстрирует, что граждане склонны гораздо более к отношениям конфликтной ответственности государства перед ними, нежели к собственной ответственности в конфликте — даже процедуру медиации считают необходимым подстраховать государственными гарантиями. Выше мы описывали, что принципы медиации, в целом, не являются внешними по отношению к процедуре медиации, они не навязаны медиатору, а целиком и полностью вытекают из сути примирительной процедуры. Нарушение этих принципов делают медиацию не просто нелегитимной, а невозможной. Внешний контроль здесь, как уже было сказано, имеет избыточный характер, ибо инфраструктура медиации предоставляет сторонам все инструменты контроля над соблюдением принципов, правил и целей медиации. Тем не менее Федеральный закон очерчивает контуры внешнего контроля над деятельностью медиатора, внимание которым, безусловно, необходимо уделить.

Статья 17 Федерального закона о медиации так и озаглавлена: «Ответственность медиаторов и организаций, осуществляющих де-

---

[30] См.: *Шамликашвили Ц. А.* Ответственность медиатора // Медиация и право. 2011. № 1 (19).

ятельность по обеспечению процедуры медиации». В статье указывается, что медиаторы и организации, обеспечивающие проведение медиации, несут ответственность перед сторонами за причиненный им вред вследствие осуществления примирительной процедуры в порядке, установленном гражданским законодательством. В Пояснительной записке к проекту настоящего Федерального закона, подготовленной комитетом Государственной Думы РФ по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству, в частности, указано, что подробное государственное регулирование может быть излишним в силу самого уже сложившегося в мировой практике саморегулирования данной деятельности, но вместе с тем «необходимо обеспечить защиту интересов лиц, обращающихся к процедуре медиации как к альтернативному способу урегулирования споров, что и предусмотрено законопроектом»[31].

Итак, какую ответственность могут нести организаторы медиации в случае причинения вреда? Обязанность возмещения вреда, как следует из текста статьи, может быть возложена как на медиатора, так и на организацию, обеспечившую проведение процедуры медиации. Основанием возникновения гражданско-правовой ответственности могут рассматриваться как договор, так и общее основание возникновения внедоговорной (деликтной) ответственности, предусмотренные Гражданским кодексом РФ. Статья 8 рассматриваемого закона позволяет включать в соглашение о проведении процедуры медиации нормы об ответственности за причиненный при осуществлении медиации вред. Соответственно, случаем наступления ответственности является нарушение медиатором предусмотренных соглашением правил и принципов проведения медиации. Отсутствие же договорных положений об ответственности компенсируется правилами наступления деликтной ответственности (наступление вреда, противоправность действий причинившего вред лица, наличие причинно-следственной связи между этими событиями)[32].

Федеральный закон о медиации до некоторой степени регулирует также и вопросы внутреннего контроля (со стороны профес-

---

[31] Пояснительная записка к законопроекту «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (Комитет Государственной Думы по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству). URL: http://asozd2.duma.gov.ru/ arhiv/a_dz_5.nsf/ByID

[32] См.: Комментарий к Федеральному закону «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» / Отв. ред. С. К. Загайнова, В. В. Ярков. М.: Инфотропик Медиа, 2011. С. 194—199.

сионального сообщества) над деятельностью медиатора. В целях данного самоконтроля профессиональное сообщество, согласно статье 18 настоящего закона, может создавать саморегулируемые организации медиаторов. Данные саморегулируемые организации могут как формировать правила и требования, регламентирующие деятельность медиатора, так и следить за их соблюдением. При этом данные правила могут нести характер дополнительных по отношению к тем регуляторам, которые уже предусмотрены настоящим законом.

Как уже было сказано, отношения саморегулирования являются традиционными для профессионального сообщества медиаторов. Возникающие ассоциации, некоммерческие партнерства медиаторов уже длительное время самостоятельно разрабатывают предъявляемые к медиаторам требования, правила примирительных процедур, обучают медиаторов, проводят их аттестацию и контролируют качество оказания услуг в сфере медиации. Цели конкретизации природы ответственности медиатора служат профессиональные кодексы медиаторов, которые фиксируют добровольно принимаемую на себя обязанность медиатора следовать профессиональной этике. Наиболее известным примером такого этического кодекса, ссылки на который часто можно увидеть и на сайтах российских ассоциаций медиаторов, служит Европейский Кодекс поведения для медиаторов (European Code of Conduct for Mediators)[33]. Важной характеристикой поведения медиатора в примирительной процедуре, на которую указывает Кодекс, является умение мотивировать стороны на взятие исключительной ответственности в рассматриваемом конфликте. При этом ответственность медиатора заключается не только в скрупулезном следовании процедуре и правилам медиации как технологии — он не должен ни на секунду забывать о том, что целью примирительной процедуры является разрешение конфликта. Кодекс фиксирует обязанность медиатора прекратить примирительную процедуру, если тот убежден в бесперспективности в части урегулирования конфликта или в том, что достигнутое соглашение не будет иметь законной силы.

Таким образом, рассмотрение проблемы ответственности в конфликте позволяет сделать следующие выводы. Ответственность в конфликте сущностно означает следование правилам конфликта, которые или принудительно действуют по отношению к участникам конфликта, или же принимаются ими на себя добровольно. В самом общем смысле природу ответственности в конфликте демонстрирует понятие конфликтологической культуры, фактиче-

---

[33] European Code of Conduct for Mediators. URL: http://ec.europa.eu/civiljustice/adr/adr_ec_code_conduct_en.pdf (19.09.2013).

ски, означающее взятие перед инстантом ответственности обязательства следовать определенной модели конфликтного поведения. Инстантом ответственности могут выступать любые социальные субъекты, так или иначе являющиеся в данном конфликте заинтересованными сторонами. Примером этому, до некоторой степени, может служить европейская модель терпимости и мультикультурализма, в данном контексте демонстрирующая стремление социального субъекта вступать в конфликтное взаимодействие, в частности, по поводу ущемления своей идентичности, исключительно в невраждебной, ненасильственной, не оскорбляющей другого форме, не ущемляющей, в свою очередь, чужую идентичность, вплоть до принципиального отказа от борьбы за собственные интересы в этой части. В формализованной процедуре конфликтного взаимодействия, примером которой является медиация, рассматриваемые отношения ответственности в конфликте выглядят более выпукло. Здесь «правила боя» определены, а малейшее отклонение от них табуировано и вызывает отмену процедуры медиации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В современных социальных и культурных реалиях понятия «ответственность» и «ответственный» используются во многих значениях, которые активно обсуждаются в различных областях социально-гуманитарного знания: философами, правоведами, социологами, этиками, логиками, конфликтологами и др. Существует огромное число исследовательской литературы, посвященной проблемам ответственности, особенно в отношении способности людей контролировать свои действия, условиям, при которых возможна вменяемость за совершенные действия, и вопросам свободной воли. Ответственность индивида за действия или их результаты особенно ярко проявляется в рамках совместной жизнедеятельности, которая может носить организационный и политический, в том числе и юридически оформленный, характер. Проблема ответственности относится к нормативно организованной жизни, где человек занимает различные социальные положения, определяющие и вариативные отношения ответственности. В современном обществе, характеризующемся высокой мобильностью, люди оказываются причастными к различным видам ответственности, в зависимости от их сознательно избираемых ролей, статусов, областей жизнедеятельности, в которых реализуются их интересы, предполагающие различные обязанности, права и способы вменения ответственности себе и другим. Специфика современности состоит в том, что, с одной стороны, в силу ее системных характеристик и связанных с ними ценностно-нормативных идеалов предполагается именно личностно-индивидуальная ответственность и отрицается характерная для традиционных обществ коллективно-родовая ответственность, с другой стороны, в качестве требования выдвигается положение о том, что не только индивиды как личности имеют особые виды ответственности. Различные коллективные субъекты могут быть ответственны во многих смыслах: нации могут быть политически, юридически и морально ответственны, ответственное государство предполагает ответственных граждан,

различные организации несут вариативные виды ответственности, что проявляется, в частности, в расширяющихся практиках корпоративной социальной ответственности. Зачастую и неорганизованные общности также могут рассматриваться как ответственные — например, в представлениях о том, что все население промышленно развитых стран в настоящее время ответственно за глобальное потепление или за растущую бедность в остальном мире. Возникающие при анализе ответственности сложности во многом связаны со смысловой вариативностью понимания отношений ответственности.

Это может быть как в одобряемом смысле — ответственный человек как добродетельный, государство как заботящееся о населении и т. п., так и в порицаемом — когда мы определяем личность или социальную общность, организацию или институт в качестве виновных. Эта двусмысленность относится к двум направлениям, к которым обращена ответственность, — в прошлое, в вопросах вины, порицания и наказания, и в будущее, когда это связано с отношениями ответственности к другим людям или в областях жизнедеятельности: нравственность, право, экономика и политика. «Ответственный субъект» это и тот, кто сознательно и активно выполняет свои обязанности, и тот, кто виновен в некоторых упущениях и проступках. Эта двойственность отражается в ясно различимых чувствах, которые испытываются по поводу статуса «ответственный субъект»: является это привилегией, связанной с участием в общественной жизни, или это бремя, связанное с моральными ограничениями и платой за то, чтобы быть подотчетным? Аспекты ответственности как «привилегия» или как «бремя» имеют отношение к моральным и другим нормативным ожиданиям в допустимых социальных взаимодействиях, что порождает многообразные понимания и интерпретации отношений ответственности и делает проблему ответственности поистине неисчерпаемой.

Проведенный авторами анализ позволил вычленить несколько принципиальных пониманий отношений ответственности. Во-первых, ответственность имеет каузальное и аксиологическое измерения. И если первое, связанное с представлениями о мере свободы и возможного «вменения» ответственности человеку за его действия, было предметом теоретических исследований «с незапамятных времен», то изучение ответственности в аксиологическом аспекте есть феномен современности. В этом смысле ответственность есть не только самостоятельность совершения поступков и оценка их последствий, но и их «включенность» в существующие совокупности ценностей. А поскольку эти ценности исторически обусловлены, то это влечет, во-вторых, необходимость обращения к социокультурной реальности бытия человека, со всеми существенными проблемами, противоречиями и конфликтами — современное об-

щество, провозгласившее свободу, равенство и самоопределение человека в виде фундаментальных ценностей, актуализировало проблематику ответственности. В-третьих, при всем многообразии понимания ответственности ее наиболее существенной характеристикой является поддержание нормативных порядков, обеспечивающих материальную и духовную, личную и социальную жизнедеятельность, возможности самореализации людей, их общения и коммуникации. Возможно, наиболее точный образ ответственности заключен в следующих словах героя «Маленького принца» А. Сент-Экзюпери: «Есть такое твердое правило: встал поутру, умылся, привел себя в порядок — и сразу же приведи в порядок свою планету».

ОГЛАВЛЕНИЕ

Научное издание

ФИЛОСОФИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Под редакцией Е. Н. Лисанюк, В. Ю. Перова

Редактор издательства *Т. В. Глушенкова*
Художник *П. Палей*
Технический редактор *О. В. Новикова*
Компьютерная верстка *А. А. Бурениной*

Подписано к печати 17.09.2014.
Формат 60 × 90 1/16. Бумага офсетная.
Гарнитура Octava. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 16.0. Уч.-изд. л. 17.4. Тираж 300 экз. Тип. зак. № 1411

Санкт-Петербургская издательско-книготорговая фирма «Наука»
199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 1
E-mail: main@nauka.nw.ru

ООО «ИПК «Береста»
196084, Санкт-Петербург, ул. Коли Томчака, 28

